

АМЕРИКА

ИЮЛЬ 1971 / № 177 • 50 коп.

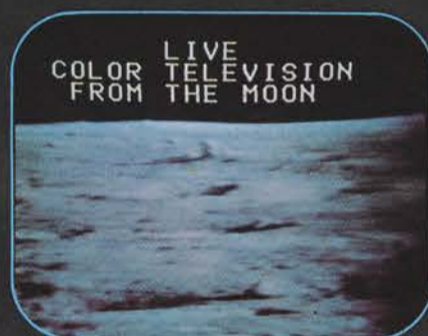
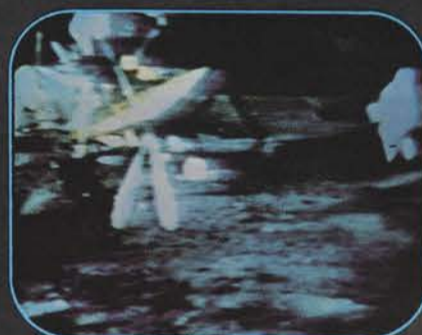
Я ПОКЛЯЛСЯ
ПЕРЕД АЛТАРЕМ БОЖЬИМ
БЫТЬ ВЕЧНЫМ ВРАГОМ
ЛЮБОЙ ФОРМЫ ТИРАНИИ
НАД РАЗУМОМ ЧЕЛОВЕКА

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН

Репортаж с Луны на цветном телеэкране

Начиная с первого шага Алана Шепарда (верхнее фото слева) и кончая стыковкой с командным модулем (нижнее фото справа),astrонавты «Аполлона-14» впервые дали возможность всему миру продолжительное время и во всех подробностях наблюдать лунный пейзаж по цветному телевидению. Камеры «Аполлона-14» — одна в командном отсеке, другая на Луне — были оборудованы лишь одним силиконным солнцестойким преобразователем изображения вместо трех — каждый для одного цвета, — которыми оборудуются стандартные камеры. Колесико с красным, синим и зеленым фильтрами, вращающееся перед преобразователем со скоростью 10 об/сек, производило 30 отдельных цветных телевизионных снимков. Последние передавались на наземные станции в виде черно-белых изображений и оттуда через спутник связи поступали в Хьюстон. Там такое же колесико, вращающееся синхронно с находящимся на Луне, преобразовывало черно-белые сигналы в цветные и в форме многоцветных изображений направляло в основные телевизионные системы земного шара, обслуживающие до 600 000 000 телезрителей.

RECEIVED

FEB - 1 2021

D631 FED DEPOSITORY DOC
DOC DEPT SWEM LIB W & M177
AMERICA ILLUSTRATED
Америка

Covers Front: Statue of Thomas Jefferson at the Jefferson Memorial in Washington, D. C. Photograph by Lee E. Battaglia. Back: The non-stop shenanigans of Dennis the Menace. By Hank Ketcham.

Live from the Moon in TV Color From Alan Shepard's first step onto the lunar surface to final docking in space, Apollo 14 gave the world its first good, long look at moon exploration via the miracle of color TV. Using a sunproof picture tube, the images were beamed to Earth in black and white, simultaneously restored to color in Houston, and sent out over the world's major networks serving 600 million persons.

1 About This Issue... Short profiles acquaint our readers with John Poppy, one-time Look editor and now a San Francisco freelancer, who wrote this month's story on the Los Angeles Times, and America staffer John Holway, author of "Odyssey to Fra Mauro," "The Three Gifts of Thomas Jefferson," and "The Chosen Children."

2 Odyssey to Fra Mauro By John Holway. Last February, Apollo 14 completed man's most ambitious, most difficult and most rewarding moon trip yet. Unlike earlier moon flights which were primarily to test the spacecraft systems, this was the first chiefly scientific flight. Alan Shepard, Edgar Mitchell and Stuart Roosa brought back more moon rocks than both previous landings combined. They also left behind in the rugged Fra Mauro highlands the most sophisticated scientific station yet set up on the moon. Said George Low of NASA, "[the crew] demonstrated that man belongs in space.... They have shown us what man can do, and have given us a vision of what man will do in the future."

7 The Los Angeles Times: Powerful Voice in West Coast Journalism Author John Poppy documents a normally hectic day in the pulsing life of the Los Angeles Times. With him, our readers sit in at editorial conferences which take place through the day as news pours in from the wire services and from the Times's national and international correspondents. In spite of diverse philosophical and political backgrounds, the editors have in common a high degree of professionalism and an awareness that their customer — the reader — demanding truthful and objective reporting, holds in his hands the fate of the newspaper. To date, the reader's favorable verdict has made the Los Angeles Times the largest U.S. newspaper west of New York.

14 The Chosen Children Photographs by Paul Conklin. A new kind of revolution in the United States is taking place in a field which long resisted change: adoption. Until recently, agencies insisted on matching parent and child by such factors as religion, race and intelligence, but now the so-called "hard-to-place" children are not only sought after by potential parents but, says one state adoption official, "now we are the seekers, not the critics." Led by Pearl Buck's pioneering Welcome House, agencies will accept single parents, older people, even low-income couples. Says Miss Buck: "Not one couple who knows how to love should be wasted, and I know now that there are no unadoptable children."

20 If Not DDT, Then What? By Hal Higdon. Dr. Edward Knipling and his scientific warriors are engaged in an all-out battle to eradicate insect pests through biological rather than chemical controls. Director of entomology research at the U. S. Department of Agriculture, Knipling has developed such projects as the genetic sterilization of screwworms, the treatment of mealworms with overdoses of hormones, the interruption of insect hibernation, and the prevention of mating. Courtesy of THE NEW YORK TIMES.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Томас Джефферсон.

Четвертого июля Соединенные Штаты отмечают годовщину подписания Декларации Независимости, текст которой составил Томас Джефферсон. Потому на обложке мы помещаем снимок памятника Джефферсону в Вашингтоне. Памятник стоит в ротонде, откуда открывается вид на Белый Дом. На ее стенах высечено приведенное на обложке изречение отца Декларации Независимости.

С большим удовольствием взялся Джон Поппи за работу над статьей о газете «Лос-Анжелес таймс». И по вполне понятной причине: ведь свою журналистическую деятельность он начал в качестве сотрудника газеты в Делавэре, в штате, расположенном на той же широте, как и Калифорния, но только на другом конце материка. «Хотя я уже давно тружусь в другой области, — говорит Поппи, — я никогда не забуду того волнения, которое охватило меня в редакции газеты. Запах типографской краски, напряженная работа редакторов, сознание того, что все мною написанное почти сразу же прочитают тысячи людей».

Из Делавэра Поппи уехал в 1960 году и десять лет работал литературным сотрудником в журнале «Лук», для которого писал репортажи из разных городов Соединенных Штатов и Европы. Сейчас он живет в Сан-Франциско, где пишет книги, а также статьи для журналов. Подготавливая материалы для статьи о «Лос-Анжелес таймс», он пять дней провел в редакции газеты.

Джона Холуэя, одного из сотрудников нашего журнала, больше всего интересуют исследования космоса (см. стр. 2), история (см. стр. 48) и дети (см. стр. 14). Джон и его жена Мотоко, уроженка Японии, усыновили четверых детей. Джимми (12 лет) и Джонни (9 лет) родные братья, родившиеся в Корее. В раннем детстве у Джимми был полиомиелит, и ему пришлось перенести две операции, которые помогли укрепить его ослабевшую левую ногу. Ему было около четырех лет, когда самолет доставил его и остальных юных пассажиров на их новую родину — в Соединенные Штаты, где их ждали приемные родители. Джонни тогда было полтора года. Незадолго до отъезда Джимми у него развился туберкулез позвоночника, и, прежде чем попасть в семью Холуэев, ему пришлось шесть месяцев провести в денверской Национальной еврейской больнице, где мальчику сделали серьезную операцию. Затем Джон и Мотоко усыновили Дайен (сейчас 6 лет) из китайско-ирландской семьи и Мону (сейчас 5 лет) из пакистано-английской семьи.

Семья Холуэев.

«Когда мы в аэропорту встретили Джимми, малыш всего боялся, — вспоминает Джон. — Пока мы ехали в гостиницу, он не сказал ни слова. Продолжал он стоически молчать, когда мы его раздевали и надевали пижаму. Тут он не выдержал. «Мама, о мама!» — сквозь слезы звал он. Так продолжалось почти час, и нам самим было до слез его жалко. Наконец жена ласково погладила подушку, он тихонько забрался под простынку и уснул. На следующее утро Джимми проснулся в прекрасном настроении и удивил нас веселой песенкой «О милая Клементин» — единственное, что он выучил по-английски в детском саду, хотя слов не понимал».

Джон Поппи.

Репортаж на цветном

Начиная с первого шага Алана Шепарда (фото справа), астронавты «Аполлона-11» во всех подробностях наблюдали лунный пейзаж. Другая на Луне — были оборудованы вместо трех — каждый для одного, синим и зеленым фильтрами, вращающимися перед объективом, цветных телевизионных снимков. Снимки брались и оттуда через спутник связи, находящийся на Луне, преобразовывало и направляло в основные телевизионные с

- 25 **Technology on Display** Photographs by Dan Morrill. Outside, the Chicago Museum of Science and Industry is a gem of neoclassical architecture, but inside, the latest achievements of twentieth-century technology light up the exhibit halls. Intriguing displays that sometimes move, talk, glitter or sing, are set up in a sequential story line rather than as isolated objects. The result is an exciting museum that annually attracts over three million visitors from around the world.
- 30 **Pants to Suit the Mini Set** Photographs by George Elliott. For little girls who love to dress like mother and still enjoy their tomboy stunts, pantsuits are just the thing. Carefree in style, cheerful in design, these dresses and tunics with coordinated pants are appropriate for work or play. Courtesy of LOOK.
- 32 **Too Much Government?** By Peter F. Drucker. A prominent economist says that people everywhere are turning away from the blind faith that government can and should do everything. They want to make government more responsive and less bureaucratic. One way for it to meet these demands for better performance of its essential functions is to leave to private or independent enterprise the area of "doing." What gives capitalism its great efficiency, says Professor Drucker, is not only the profit function but the loss function as well. It is the loss function which impels inefficient enterprises or those engaged in obsolete functions to change or perish. Except, of course, when operated by government. Under Drucker's concept of "reprivatization," government would free itself of those things it does poorly in order to do better those things for which it exists.
- 35 **Americans Abroad** By Elinor Horwitz. This year, over five million Americans from all walks of life will leave the United States in a spree of travel and tourism unmatched by any other people in the world. Whether he decides to go by sea or air, the American traveler will have a wide variety of excursions to choose from, ranging from all-inclusive guided group tours to special-interest tours, e.g. for the gourmet, art lover, golfer or theatergoer. Accompanying information shows our readers how much — or little — it costs to go from New York to such places as Athens, Hong Kong, Antarctica and Moscow.
- 38 **An America Illustrated Symposium: The Perfect Swimmer — Will We Ever Find Him?** World records tumble almost as fast as they are set. Will man ever reach his physical limit? If so, what is it? For the answer, we went to three of the world's top swim coaches — Dr. James Counsilman of Indiana University, Sherman Chavoor, coach of the U.S. women's Olympic team in 1968, and George Haines, U.S. men's coach at the '68 Olympics. Their conclusion: There is no ultimate, and records will continue to fall, at least for another two centuries, and they'll fall to the athletes who work hardest. In a companion piece, "You Can Swim Well," reprinted from *Sports Illustrated*, Dr. Counsilman points out the most common mistakes made by inept swimmers — faulty stroking and poor breathing technique — and describes in detail how to correct them.
- 44 **Summer in the Parks** "Can't we make fuller use of our wonderful old parks?" the citizens of Washington, D. C. asked themselves a few years ago. They could — and did — with a whole new adventure in outdoor enjoyment. Movies, dances, puppet shows, pony rides, nature walks, and especially outdoor concerts, are luring hordes of Washingtonians out on the grass and under the trees.
- 48 **The Three Gifts of Thomas Jefferson** Although his genius knew few limits and the legacy he left us is rich and varied, the third President of the United States wanted to be remembered most for three of his accomplishments: as author of the Declaration of Independence, of the Statute of Virginia for Religious Freedom, and as father of the University of Virginia. Writer John Holway traces the development of these achievements. Accompanying the article is a pictorial history of Monticello, Jefferson's beloved home and today one of the nation's most revered shrines.
- 55 **Reviews: Theater—Books—Films—Music—Dance** Critics find *The Night Thoreau Spent in Jail* "a stirring and touching play in which many of today's young will see themselves"; *Stelmark*, "a wise memoir by the gentle, steadfastly optimistic, Greek-American author Harry Mark Petrakis"; *Catch-22*, "almost beside itself with panic because it grieves for the human condition"; the book *Retrospectives and Conclusions*, "an affecting portrait of the late composer/conductor Igor Stravinsky"; Arthur Mitchell's *Dance Theatre of Harlem*, "classical ballet with soul"; and jazz pianist Bill Evans's latest record, "at once beautiful and highly introspective."

PHOTO CREDITS: 1, Lee E. Battaglia; courtesy Look Magazine; Susanne Truitt; 2-6, National Aeronautics and Space Administration; 7-13, courtesy The Los Angeles Times; 23 & 24, drawings by James Flora; 25, courtesy Chicago Museum of Science and Industry; 35, Leonard McCombe, Life; Roy Porello, Oceans Magazine; 36-37, Santi Visalli, Photoreporters; George Halton, Photo Researchers; Pan American World Airways, Inc.; Carlo Bavagnoli, Life; Lindblad Travel, Inc.; 39, courtesy Indiana University; courtesy Arden Hills Swim Club; Peter Carter, courtesy Santa Clara Swim Club; 40-43, drawings by Frank Mullins, Sports Illustrated; 44-45, Barry Blackman; Jan W. Faul; 46-47, left & bottom right — Barry Blackman; top — John Aikins; top right — Ray Wertheim, courtesy National Park Service; 49, courtesy Thomas Jefferson Memorial Foundation; 53, center — courtesy Thomas Jefferson Memorial Foundation; 55, David McKay Co., Inc.; 56, Paramount Pictures Corporation (3); inside back cover, Robert R. McElroy, Newsweek; Clemens Kalischer; Charles Stewart.

Published
for distribution
in the Soviet Union
by Press and
Publications Service
United States
Information Agency,
Washington, D. C.
20547

Америка

Главный редактор
ЛЕНАРД РИД

Зам. главного редактора
МАРДЖОРИ ЯРЕС

Зав. редакционным отделом
МЭРИ БОЙКЕН

Зав. отделом иллюстраций
ЛИ БАТТАЛЬЯ

Художественный редактор
ДЭВИД МОР

Редактор русского издания
ГАРАЛЬД ЛИНДЕС

Зав. производством
МИЛЬТОН ДЖОНСОН

Секретарь редакции
БЛАНШ ЭДИНГТОН

Журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности, предусматривающему распространение журнала

«Soviet Life» в США, а журнала «Америка» — в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается

в СССР отделами Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

ЖУРНАЛ «АМЕРИКА» ПРОДАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩИХ ГОРОДАХ (данные Союзпечати):

Алма-Ата
Архангельск
Астрахань
Ашхабад
Баку
Барнаул
Брест
Брянск
Вильнюс
Витебск
Владивосток
Волгоград
Воронеж
Ворошиловград
Горький
Днепропетровск
Донецк
Душамбе
Ереван
Запорожье
Иваново
Иркутск
Казань
Калинин
Калининград
Каменск
Шахтинский
Караганда
Каунас
Кемерово
Киев
Киров
Кировград
Кишинев
Краснодар
Красноярск
Куйбышев
Курск
Кустанай
Ленинград
Львов
Магадан
Минск
Москва
Мурманск
Николаев
Новосибирск
Одесса
Омск
Орел
Оренбург
Павлодар
Пенза
Пермь
Петрозаводск
Петропавловск
Полтава
Псков
Рига
Ростов-на-Дону
Рязань
Саратов
Свердловск
Симферополь
Смоленск
Ставрополь
Таллин
Тамбов
Ташкент
Тбилиси
Томск
Тула
Ужгород
Ульяновск
Усть-Каменогорск
Уфа
Фрунзе
Хабаровск
Харьков
Херсон
Целиноград
Челябинск
Чернигов
Чита
Южно-Сахалинск
Ярославль

2 ПУТЕШЕСТВИЕ К ФРА-МАУРО
Джон Холуэй

7 «ЛОС-АНЖЕЛЕС ТАЙМС» —
МОГУЧИЙ ГОЛОС ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
Джон Поппи

14 УСЫНОВЛЕННЫЕ ДЕТИ
Фото Поля Конклина

20 ЕСЛИ НЕ ДДТ, ЧТО ТОГДА?
Хол Хигдон

25 МУЗЕЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ
Фото Дана Моррилла

30 МАЛЕНЬКИМ МОДНИЦАМ
Фото Джорджа Эллиота

32 КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО?
Питер Ф. Друкер

35 АМЕРИКАНЦЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ
Элинон Горвиц

38 «АМЕРИКА» ОБСУЖДАЕТ:
ГДЕ ПРЕДЕЛ СОВЕРШЕНСТВУ ПЛОВЦА?

40 УЛУЧШАЙТЕ СВОЙ СТИЛЬ ПЛАВАНИЯ
Д-р Джемс Консилмен и Колс Финизи

44 ЛЕТО В САДАХ И ПАРКАХ СТОЛИЦЫ

48 ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА
Джон Холуэй

51 МОНТИЧЕЛЛО — СОЗДАНИЕ ДЖЕФФЕРСОНА

55 ОБОЗРЕНИЕ: ТЕАТР — КНИГИ — КИНО —
МУЗЫКА — БАЛЕТ

На обложке: фото Ли Батталья.

Приводим список лиц и учреждения, любезно предоставивших иллюстрации нашему журналу: 1, Lee E. Battaglia; courtesy Look Magazine; Susanne Truitt; 2-6, National Aeronautics and Space Administration; 7-13, courtesy The Los Angeles Times; 23 & 24, drawings by James Flora; 25, courtesy Chicago Museum of Science and Industry; 35, Leonard McCombe, Life, Roy Porello, Oceans Magazine; 36-37, Santi Visalli, Photoreporters; George Holton, Photo Researchers; Pan American World Airways, Inc.; Carlo Bavagnoli, Life; Lindblad Travel, Inc.; 39, courtesy Indiana University; courtesy Arden Hills Swim Club; Peter Carter, courtesy Santa Clara Swim Club; 40-43, drawings by Frank Mullins, Sports Illustrated; 44-45, Barry Blackman; Jan W. Faul; 46-47, left & bottom right — Barry Blackman; top — John Aikins; top right — Roy Wertheim, courtesy National Park Service; 49, courtesy Thomas Jefferson Memorial Foundation; 53, center — courtesy Thomas Jefferson Memorial Foundation; 55, David McKay Co., Inc.; 56, Paramount Pictures Corp. [3]; inside back cover, Robert R. McElroy, Newsweek; Clemens Kalischer; Charles Stewart.

Отзывы и пожелания просим направлять по адресу: Leonard Reed, Editor-in-Chief, «America Illustrated», Washington, D.C. 20547. U.S.A. или Американское посольство, Москва, ул. Чайковского, д. 19-21.

К НАШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Томас Джефферсон.

Четвертого июля Соединенные Штаты отмечают годовщину подписания Декларации Независимости, текст которой составил Томас Джефферсон. Потому на обложке мы помещаем снимок памятника Джефферсону в Вашингтоне. Памятник стоит в ротонде, откуда открывается

вид на Белый Дом. На ее стенах высечено приведенное на обложке изречение отца Декларации Независимости.

С большим удовольствием взялся Джон Поппи за работу над статьей о газете «Лос-Анжелес таймс». И по вполне понятной причине: ведь свою журналистическую деятельность он начал в качестве сотрудника газеты в Делавэре, в штате, расположенном на той же широте, как и Калифорния, но только на другом конце материка. «Хотя я уже давно тружусь в другой области, — говорит Поппи, — я никогда не забуду того волнения, которое охватило меня в редакции газеты. Запах типографской краски, напряженная работа редакторов, сознание того, что все мною написанное почти сразу же прочитают тысячи людей».

Из Делавэра Поппи уехал в 1960 году и десять лет работал литературным сотрудником в журнале «Лук», для которого писал репортажи из разных городов Соединенных Штатов и Европы. Сейчас он живет в Сан-Франциско, где пишет книги, а также статьи для журналов. Подготавливая материалы для статьи о «Лос-Анжелес таймс», он пять дней провел в редакции газеты.

Джона Холуэя, одного из сотрудников нашего журнала, больше всего интересуют исследования космоса (см. стр. 2), история (см. стр. 48) и дети (см. стр. 14). Джон и его жена Мотоко, уроженка Японии, усыновили четверых детей. Джимми (12 лет) и Джонни (9 лет) родные братья, родившиеся в Корее. В раннем детстве у Джимми был полиомиелит, и ему пришлось перенести две операции, которые помогли укрепить его ослабевшую левую ногу. Ему было около четырех лет, когда самолет доставил его и остальных юных пассажиров на их новую родину — в Соединенные Штаты, где их ждали приемные родители. Джонни тогда было полтора года. Незадолго до отъезда Джимми у него развился туберкулез позвоночника, и, прежде чем попасть в семью Холуэев, ему пришлось шесть месяцев провести в денверской Национальной еврейской больнице, где мальчику сделали серьезную операцию. Затем Джон и Мотоко усыновили Дайен (сейчас 6 лет) из китайско-ирландской семьи и Мону (сейчас 5 лет) из пакистано-английской семьи.

Семья Холуэев.

«Когда мы в аэропорту встретили Джимми, малыш всего боялся, — вспоминает Джон. — Пока мы ехали в гостиницу, он не сказал ни слова. Продолжал он стоически молчать, когда мы его раздевали и надевали пижаму. Тут он не выдержал. «Мама, о мама!» — сквозь слезы звал он. Так продолжалось почти час, и нам самим было до слез его жалко. Наконец жена ласково погладила подушку, он тихонько забрался под простынку и уснул. На следующее утро Джимми проснулся в прекрасном настроении и удивил нас веселой песенкой «О милая Клементин» — единственное, что он выучил по-английски в детском саду, хотя слов не понимал».

ПУТЕШЕСТВИЕ

Подобно гомеровскому Улиссу, «мужу многоопытному, который странствовал долго», экипаж корабля «Аполлон-14» в феврале этого года также завершил свою одиссею. Это было путешествие на Луну, самое смелое, самое трудное и самое плодотворное из всех до сих пор предпринятых. Задание было следующее: достичь холмистой местности в районе кратера Фра-Мауро в поисках заветного лунного камня, хранящего тайну рождения Солнечной системы. Ученые надеются, что им удастся найти такие камни, которые образовались свыше 4 600 000 000 лет тому назад, когда происходило зарождение Земли и Луны, и были выброшены из кратера в районе Фра-Мауро в результате падения метеора.

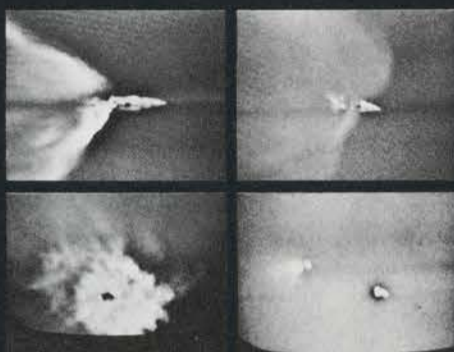
Участок, где должны были высадиться астронавты, находился приблизительно в 3000 километров от Залива Радуг. Там в это время, пробудившись после долгой лунной ночи, снова готовился в путь советский «Луноход-1».

Если предыдущие лунные рейсы были совершены главным образом с целью испытания надежности всех систем космических кораблей, то полет «Аполлона-14» был первым сугубо научным мероприятием. Это путешествие расскажет человеку больше о Луне — и, быть может, в конечном итоге о его собственном происхождении, — чем все ранние лунные рейсы.

Полет «Аполлона-14» ознаменовал также конец десятилетних ожиданий его 47-летнего командира — Алана Шепарда, ветерана космических полетов и самого старшего по возрасту среди американских астронавтов. Это он, заключенный в капсулу на вершину небольшой ракеты «Редстон», взлетел в 1961 году в космос и по баллистической траектории возвратился оттуда на Землю. После этого из-за болезни уха он был отстранен от полетов и долгие годы провел на земле — время для Шепарда трудное и томительное. Однако стойкость и мужество первого американского астронавта победили, Шепарду сделали операцию, которая прошла успешно, и ветеран снова попросился в строй. Вместе с ним на Луну отправились 40-летний Эдгар Митчелл и 37-летний Стюарт Руса.

Начало полета сопровождалось целым рядом проблем, причем две из них грозили отменой высадки на Луну. После перестроения отсеков Руса долго не мог состыковать командный блок «Китти Хок» с лунной кабиной «Антарес», однако стыковку в конце концов удалось произвести. Затем, за час до начала посадки Шепарда и Митчелла на лунную поверхность, компьютер начал давать ложные сигналы. Судорожно работали специалисты на Земле, чтобы заново его запрограммировать. Новые данные быстро радиоварили в космос, и Шепард, введя их в электронное устройство, начал посадку.

Так выглядела на телеэкране гигантская ракета «Сатурн-5» в тридцати километрах от земной поверхности (верхнее фото слева). В это время двигатели первой ступени уже отработали, а двигатели второй были включены (верхнее фото справа). Первая ступень медленно уходит вниз, вторая продолжает путь.

Прилунение прошло блестяще, всего в нескольких метрах от заданной точки. «Это единственное ровное местечко здесь», — шутливо передал на Землю Шепард. Астронавты оказались в небольшой впадине со склоном крутизны 8 градусов. Вокруг кратеры, камни да холмы. «Место действительно диковатое», — опять радиоварил на Землю Шепард. Нужно сказать, что небеса в это время были совершенно черные, а это усиливало общее впечатление. Был рассвет лунного дня, который равняется 14 земным суткам.

Наконец, астронавты один за другим покидают кабину и по лестнице спускаются на лунную поверхность, которая, по словам Шепарда, оказывается мягкой: грунт, словно «медные опилки», совсем не такой, как в районе лунных «морей».

Шепард докладывает: «Между нами и линией горизонта три горных кряжа и кучи камней». Вдали над лунной поверхностью возвышался кратер Коун, на вал которого астронавтам предстояло подняться.

Около 600 миллионов землян видели на экранах телевизоров, как астронавты, водрузив на лунной поверхности американский звездно-полосатый флаг, начали прогулку вокруг кабины. Часть научной аппаратуры они погрузили на двухколесную тележку, которую тащил вручную Шепард, часть снаряжения нес Митчелл. Экипажи трех последующих кораблей «Аполлон» для передвижения по лунной поверхности уже будут пользоваться аккумуляторными самоходками. Астронавты «Аполлона-15» будут путешествовать по лунной поверхности в самоходке 21 час, то есть столько времени, сколько заняли все предыдущие лунные прогулки вместе взятые. Они доставят на Землю до 100 кг лунных пород, что будет равно общему весу всех проб, доставлен-

ных ранее тремя кораблями.

Астронавты миновали множество кратеров. Заглянув в один из них, Митчелл воскликнул: «Глубокая яма, нечего сказать!» В поисках ровного участка для расстановки научных приборов они удалились от лунной кабины на 90 метров, однако ничего подходящего не нашли. Пришлось пройти еще 90 метров, пока, наконец, не удалось отыскать отвечающее требованиям место. Астронавты установили ионный детектор, сейсмометр, лазерный отражатель, магнитометр для измерения магнитного поля Луны и другие приборы.

В интервалах между расстановкой инструментов Митчелл «будоражил» лунную поверхность, вызывая сейсмические волны, которые регистрировались установленными ранее геофонами. Так было обнаружено присутствие застывшего потока лавы глубиной до 15 метров. До этого, перед прилунением, астронавты сбросили на Луну последнюю ступень ракеты-носителя весом в 15 тонн, в результате чего, согласно расчетам, на Луне образовался кратер глубиной в 10 метров. Колебания, вызванные падением ракеты, были зарегистрированы сейсмометром, который оставил на Луне экипаж «Аполлона-12». По данным прибора, находящегося в 160 километрах от упавшей ступени ракеты, колебания эти обнаружили подпочвенные скопления обломков лунных пород на глубине по крайней мере свыше 30 километров.

Проведя четыре с половиной часа вне кабины, астронавты возвратились в «Антарес» для короткого отдыха (менее пяти часов сна). Затем они начали подготовку к походу на вал кратера Коун. Когда Шепард и Митчелл во второй раз покинули кабину, их встретил ясный солнечный день. Таща за собой двухколесную тележку, лунопроходцы взяли курс на конусообразный кратер. На пыльном покрове вокруг кабины были видны маленькие углубления. Казалось, по словам Митчелла, все выглядело так, словно недавно здесь упали крупные капли дождя. Нужно полагать, что в прошлом падения метеоритов вызывали плавление грунта, брызги которого взлетали вверх и дождем падали обратно на поверхность Луны.

Колеса тележки оставляли на поверхности следы, подобные тем, что оставляет трактор на вспаханном поле, — как заметил Митчелл, по происхождению техасский фермер. Путь к кратеру астронавтам все время преграждали крутые подъемы, каменные гряды и огромные валуны, между которыми им приходилось лавировать. Шепард докладывал: «Движемся мы извилистым курсом».

Поверхность то круто поднималась, то опускалась, и всякий раз, когда астронавты спускались в долину, кра-

тер исчезал из виду. Остановившись отдохнуть, они изучали карту, чтобы точно определить свое местоположение. На это уходило немало времени. Когда врачи на Земле заметили, что пульс путешественников начал учащаться, последовал приказ сделать короткий привал.

Осмотревшись, Шепард установил, что для достижения вала потребуется еще 30 минут. «Мы приближаемся к краю усеянного валунами поля», — доложил он, предлагая использовать оставшиеся драгоценные минуты для сбора образцов.

Но Митчелл не сдавался. «Давай-ка еще разок попробуем! — предлагал он. — Обидно возвращаться, не заглянув в кратер, ведь именно там наверху может оказаться самое интересное». — «Что ж, ладно», — ответил ему Шепард, взглянув на часы. К тому времени они отставали от графика на 25 минут. Тут вмешался Хьюстон: управление полетов предлагало прекратить дальнейшее восхождение.

«Но мы уже прошли три четверти пути, — стал возражать Митчелл. — Пари наше мы намерены выиграть, мы поднимемся на кратер. Мы можем прибавить ходу». Дело в том, что Шепард и Митчелл поспорили на две бутылки виски с коллегами, что они поднимутся на вал кратера.

Тут Шепард сказал, что валуны на склоне кратера смогут рассказать ученым столько же, сколько и образцы на его валу, однако и он согласился продолжать путь. Астронавты остановились и посмотрели назад, где на склоне их ожидала серебристо-золотая кабина «Антарес», похожая на огромное бескрылое насекомое. Шепард не удержался и воскликнул: «Если бы вы знали, какой фантастический вид открывается перед нами!».

Астронавты двинулись дальше. Достигнув усеянного валунами поля на западном склоне кратера, они вновь сделали передышку и опять достали карту. Шепард сказал: «Признаться, я не знаю, где этот вал. По-видимому,

Алая первый шаг на Луне, Шепард прикрывается рукой от ярких лучей солнца (фото справа).

Слева направо: Стюарт Руса, Алан Шепард и Эдгар Митчелл.

КФРА-МАУРО

где-то там, выше».

Позже он подсчитал,

что они находились

в каких-нибудь ста метрах

от вала. Однако время шло.

Стена кратера круто уходила вверх,

и путь astronautам преграждали

валуны, величиной с автобус.

Из Хьюстона последовал приказ

возвращаться обратно и по дороге

вниз собрать несколько образцов

лунной породы. «Я как раз нахожусь

среди целой кучи интереснейших

валунов! — взволнованно воскликнул

Митчелл. — На одном из них большая

трещина. Валуны бурые, но только

снаружи. Внутри они белые».

Всего за два выхода на лунную

поверхность astronautы доставили на

тележке в кабину до 50 килограммов

образцов, то есть столько же, сколько

ранее было собрано двумя преды-

дущими экипажами. Два камня были

величиной с футбольный мяч — таких

больших образцов на Землю еще

никогда не доставляли.

Спустившись вниз, путешественники

выполнили свое последнее задание:

сделали углубление в лунном грунте

и обнаружили слои различной окрас-

ки — бурый, коричневый и белый.

Наконец оба astronautа вместе

со своим драгоценным грузом

вернулись в лунный отсек.

Старт прошел безупречно. Взлетая,

astronautы смотрели вниз, где в сол-

нечных лучах поблескивали оставлен-

ные ими приборы, которые продолжали

посылать сигналы на Землю. В Хьюсто-

не лунную одиссею провозгласили

выполненной на 99 процентов и

признали самым продолжительным

и самым успешным рейсом. Вот что

сказал по этому поводу Джордж Лоу,

временно исполнявший обязанности

директора НАСА: «Алан Шепард и его

экипаж показали, что человек может

существовать в космосе и что человек

в достижении намеченных целей

по своим способностям намного пре-

восходит существующие ныне автоматы

Они наглядно показали, на что спосо-

бен человек в настоящее время и

какие дела он будет вершить в

будущем».

Перед тем, как подняться на борт

«Антареса», Шепард установил свое-

образный космический рекорд: он

привинтил к универсальному лунному

щупу нижнюю часть гольфовой клюшки,

вытащил мячик и ударил по нему

«клюшкой». В условиях небольшой

гравитации и отсутствия воздуха мя-

чик, как пуля, полетел вдаль.

«Пошел! — радостно закричал

Шепард. — Да как прямо... на мили

и мили». Затем он, словно копье,

метнул и самодельную клюшку

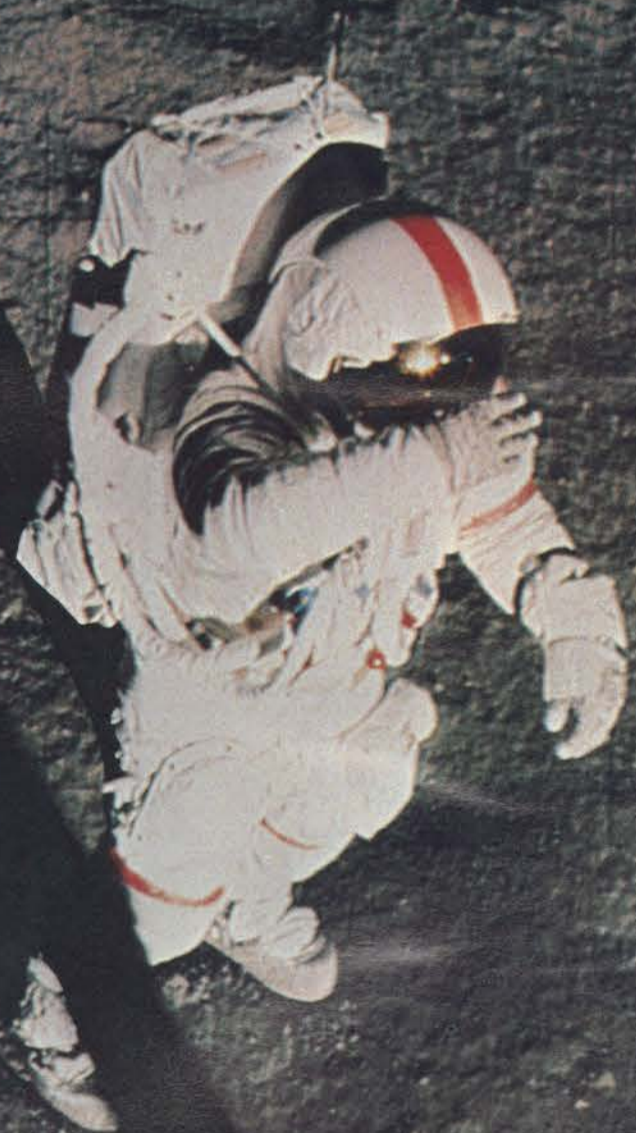
на весьма внушительное расстояние.

«Вот как надо метать копье! —

воскликнул он. — Пожалуй,

я установил рекорд столетия. Недурно!

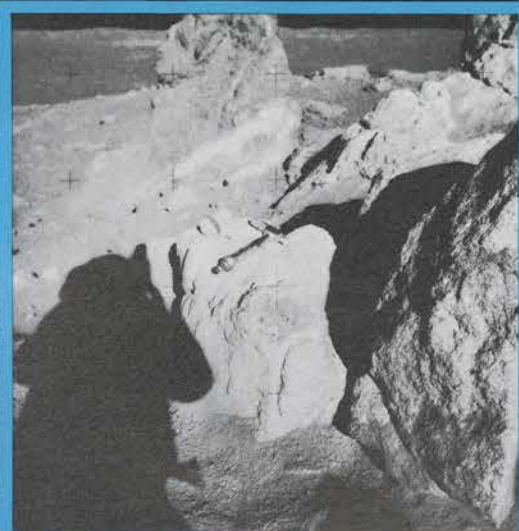
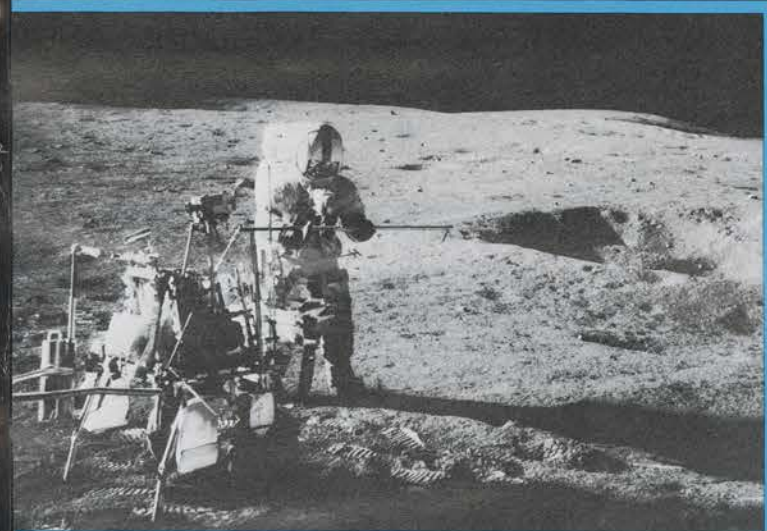
Нет, просто замечательно!»

Падая на поверхность лунной кабины, солнечные лучи образуют над ней сверкающий ореол. Лунный отсек был назван «Антарес» по имени одной из самых ярких звезд.

Стоя у тележки для перевозки инструментов и лунных грузов, Шепард налаживает трубку для взятия образцов пород (внизу слева). Позже, среди валунов, он фотографирует окружающий пейзаж. По молоту, длина которого 35 см, можно определить размер валуна.

Пока Митчелл (на заднем плане) проводит намеченные по программе эксперименты, Шепард проверяет время. Заданий было много, а времени мало, поэтому астронавты часто выбивались из графика.

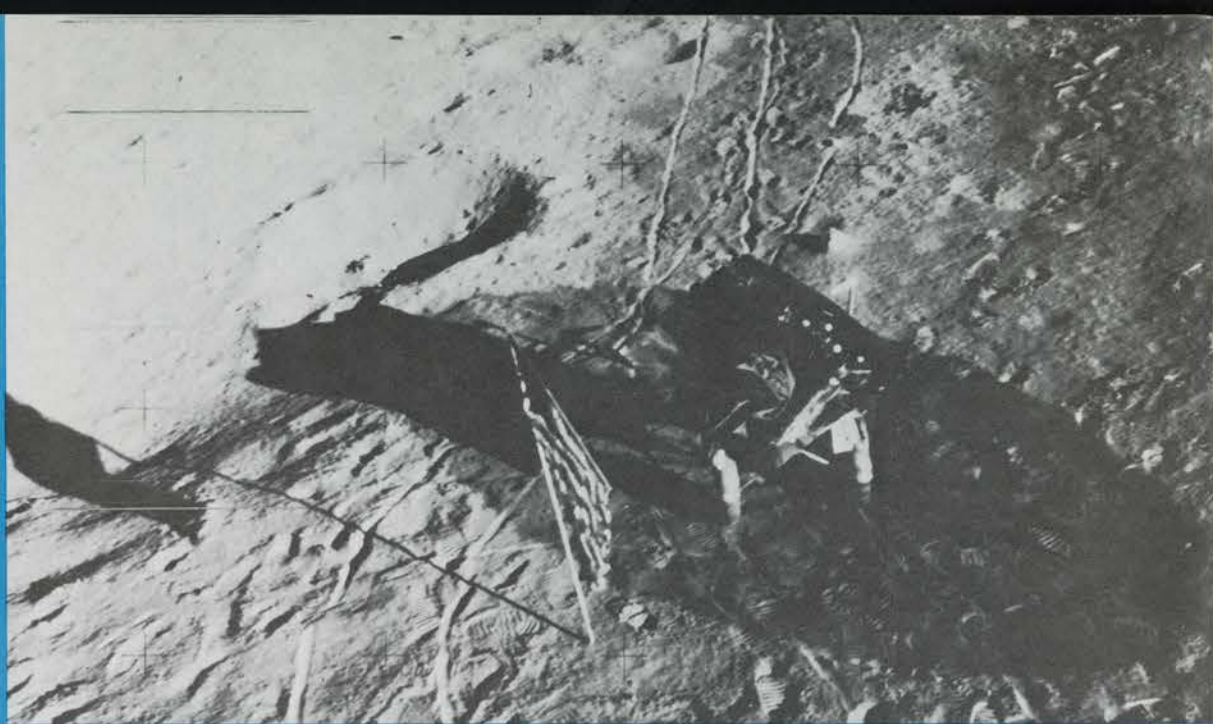

Оставляя за собой извилистый след, астронавты совершают вторую вылазку — направляются к склону кратера Коун. Перед восхождением на кратер лунопроходцы сделали снимок «Антареса», который одной ногой уперся в воронку мелкого кратера. Это было самое трудное прилунение, но Шепард умело посадил модуль на небольшой ровный участок среди холмистой местности.

С камерой на груди и ранцевой системой жизнеобеспечения за плечами, Митчелл шествует по лунной поверхности, покрытой толстым слоем пыли.

Покрытая фольгой тележка стоит возле американского флага (вверху справа), водруженного во время первого выхода на Луну. На следующий день, завершив вторую вылазку, путешественники стартовали с Луны. Под «Антаресом» поднялось облако пыли, и заколыхался оставленный на лунной поверхности национальный флаг. В верхней части снимка справа видны различные предметы, оставленные астронавтами на Луне, в нижней части снимка — тень взлетающего модуля.

Los Angeles Times

LARGEST CIRCULATION IN THE WEST, 982,075 DAILY, 1,317,220 SUNDAY.

VOL. XC 17 SECTIONS

SUNDAY, JULY 4, 1971

470 PAGES SUNDAY 50c

Газета, отражающая ТОЛЬКО местные интересы? «Ни в коем случае», — считает редакция

Учит чему? Поскольку «Лос-Анжелес таймс», как и большая часть 1757 других ежедневных газет в США, находится в частных руках, естественно было бы предположить, что газета отражает и защищает интересы и взгляды своих владельцев. В США, действительно, существуют органы печати, отражающие точку зрения закоренелых консерваторов или ярых революционеров, но подобная пристрастность отталкивает широкого читателя. Такой орган печати, как «Таймс», стремится обслуживать широкие слои читателей, в том числе и тех, чьи взгляды резко расходятся со взглядами владельцев газеты. Поэтому она должна с максимальным беспристрастием информировать читателя о том, что происходит в мире. Владельцы и редакторы газеты считают, что американское общество, в общем, движется по правильному пути, но не боятся писать и об отрицательных явлениях.

Что толкает их на путь объективности — альтруизм и голос совести? Отчасти да, но также и чисто коммерческие соображения. «Лос-Анжелес таймс» всегда видел залог успеха в своей способности завоевать доверие миллионов читателей и многих тысяч предприятий, помещающих в газете рекламные объявления. Содержание газеты определяется интересами читателя, но прибыльность газеты, как мы увидим, зависит от количества помещенных в ней объявлений.

«Наши читатели, на мой взгляд, больше всего ценят в газете ее честность и искренность, — говорит главный редактор «Таймса» Ник Б. Уильямс. — Им нужна газета, которой можно доверять».

ЛОС-АНЖЕЛЕС ТАЙМС МОГУЧИЙ ГОЛОС ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

ДЖОН ПОППИ

В самом центре Лос-Анжелеса стоят два неказистых, приземистых светложелтых здания, занимающих целый квартал. Одно из них насчитывает всего пять этажей, другое — десять. Рядом же, затмевая их, вздымаются высокие здания башенного типа — гостиницы и учреждения. Однако приземистые здания не менее заметны, чем небоскребы, может быть благодаря тому, что на более низком из них огромными буквами высечено: ТАЙМС

В этих двух зданиях рождается газета, которая расходуется по будничным дням в количестве 982 075, а по воскресеньям — 1 317 220 экземпляров. Обычный ее номер печатается на 106 страницах (а иногда даже на двухстах с лишним). Воскресный же номер насчитывает 470 страниц и весит почти два килограмма.

Такие масштабы делают «Лос-Анжелес таймс» крупнейшей из 31 газеты этого района и второй по

тиражу газетой в США (на первом месте стоит нью-йоркская «Дейли ньюс», чуть позади — «Нью-Йорк таймс»). Контрольный пакет акций принадлежит лос-анжелесскому семейству Чендлер, которому газета приносит немалый доход. Газета обеспечивает хорошо оплачиваемой работой почти 4000 служащих.

Но значение «Лос-Анжелес таймса» определяется не только количественными показателями.

Неуклонный рост качества газеты за последние десять лет сделал ее одним из самых громких голосов в общем хоре американской прессы. Популярность газеты основывается «не на сенсационности и шекотании нервов, — как выразился один профессор журналистики. — Она знакомит читателей с фактами, поданными в широком контексте, с идеями, с интерпретацией; короче говоря, она воспитывает и учит читателей».

Добиваясь честного подхода, Уильямс побуждает корреспондентов описывать явления точно так, как они их видят, а не как их оценивают они сами или владельцы газеты. Если такой подход иной раз вызывает недовольство некоторых лиц, близко стоящих к владельцам, или приводит к появлению статей, расходящихся с мнением редакции, это никого не должно смущать, коль скоро сами факты не искажены.

Как проводится эта установка в жизнь? Как практически внедряются основополагающие принципы в столбцы газеты, подающей каждое утро вместе с завтраком во многих (около миллиона) домах Лос-Анжелеса? Давайте проследим с вами шаг за шагом ежедневный процесс рождения газеты.

6.30

Джек Гулдинг, помощник редактора отдела местных новостей, подавая последний зев, поднимается на лифте на третий этаж здания «Таймс». Выстилающие пол красные пластмассовые плитки смягчают стук шагов Гулдинга, в одиночестве шествующего в просторную комнату, заполненную в этот ранний час лишь столами, телефонами, пишущими машинками и другими атрибутами «местной» редакции.

Усевшись в кресло лицом к столам, за которыми вскоре рядами рассядутся сотрудники, Гулдинг начинает читать информационные заметки телеграфных агентств и официальные сообщения правительственных, деловых и общественных организаций. На листках блокнота он распределяет сегодняшние новости между 55 сотрудниками «местного» отдела. В большинстве газет отдел местных новостей называется «городским» отделом, но «Таймс» обслуживает территорию, заполненную целым рядом расположенных городов, городков и пригородов — территорию, занимающую сотни квадратных километров и далеко выходящую за пределы города Лос-Анжелеса.

Вскоре появляются трое других помощников редактора. Эрик Малник помогает распределить задания среди 70 пригородных корреспондентов, не имеющих собственных столов в здании «Таймса»;

Мэтт Гори, недавно приехавший сюда из Канзас-Сити, где он работал в газете «Стар», уточняет с журналистами планы крупных статей, которые будут писаться неделями; Артур Берман обсуждает статьи с сотрудниками, специализирующимися на отдельных областях — народном образовании, науке, медицине, авиации и космонавтике, автоделе, градостроительстве, гражданских правах, религии, профсоюзах.

9.30

Комната наполнилась журналистами. Среди них масса совсем молодых лиц. Редактор местного отдела Уильям Томас усаживается в кресло. Подобно другим ответственным работникам «Таймса», Томас доверяет своим подчиненным и, обсудив задание в общих чертах, редко вмешивается в их работу. Зная эту установку и зная, что если редактор окажется недоволен выполнением задания, то в следующий раз твердо прикажет сделать все иначе, сотрудники стремятся не ударить лицом в грязь.

Слева от Томаса в большой комнате сидят сотрудники других отделов — отдела национальных новостей, то есть информации о событиях в США за пределами Лос-Анжелеса, и отдела международных новостей. Национальные и международные новости обрабатываются отдельно от местных, и редактор каждого отдела по своему служебному положению равен Томасу.

9.45

Ответственный редактор Фрэнк Хейвен проходит через кипящую работой комнату в свой угловой кабинет. На третьем этаже Хейвен — старший. К нему часто обращаются редакторы всех трех отделов, и все ежедневно собираются на деловое совещание в 15.30. Хейвен, в свою очередь, отчитывается перед Ником Уильямсом, но только по вопросам общего характера.

Именно Хейвен и решает, как будет выглядеть «Таймс» на следующее утро — какие известия попадут на первую страницу, как они будут расположены и под какой «шапкой». Он отвечает за отбор «по-

ЗАСЕДАНИЕ, на котором решается, какую позицию займет газета. Слева направо: председатель правле-

ния Норман Чендлер, издатель Отис Чендлер, сотрудник отдела комментариев Антони Дэй.

следних известий» — кор- стьяка газеты.

Хейвен появился в «Таймсе» в 1941 году и начал работу рядовым корреспондентом, как в свое время и главный редактор Ник Уильямс. Отзываясь о Хейвене, его сотрудники прибегают к самому почетному термину, который один газетчик может применить к другому: они называют его «профессиональным репортером», то есть человеком, который превыше всего ставит точность своих сообщений. Этот

коренастый, суровый с виду человек может показаться ушедшим на покой боксером-профессионалом, когда, шуря от дыма только что закурившей сигары, беседует о «Таймсе» в своем кабинете, украшенном газетными вырезками и призами — в том числе тремя из полученных его редакцией семи Пулицеровских премий, считающихся высшей наградой в мире американской журналистики. Одна премия была получена за репортаж о расовых беспорядках в лос-ан-

желеском районе Уоттс в 1965 году; две других — за заслуги перед общественностью и международный репортаж.

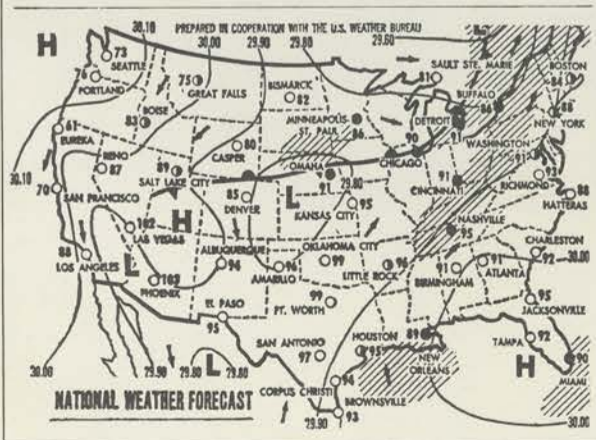
«Мы стремимся освещать все события, — говорит Хейвен, — но о мелких ежедневных новостях — автомобильных катастрофах и пресс-конференциях — предоставляем заботиться телеграфным агентствам (коммерческим организациям, снабжающим печать, радио и телевидение информацией о местных, национальных и международных событиях на основе договорных отношений). Наши же журналисты должны проникать за внешнюю сторону событий, выяснять их подоплеку и информировать читателя о подробностях, ему еще не известных. Ведь с фактической стороны событий большинство лос-анжелесских читателей знакомятся по радио или по телевизору еще до выхода газеты. Мы не считаем себя документальной газетой, как «Нью-Йорк таймс»; там половину места занимают скучнейшей информацией, полагая, видимо, что событие входит в историю лишь после того, как сообщение о нем появится в этой газете. Мы смотрим на вещи иначе. Прежде всего мы стремимся к тому, чтобы нас читали. Мы прилагаем все усилия, чтобы издавать такую газету, в которой каждый читатель мог бы найти для себя что-нибудь интересное».

10.00

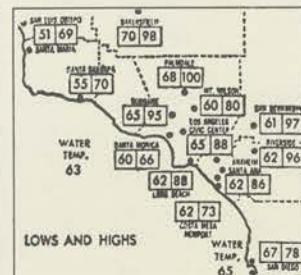
Внизу, на втором этаже, идет подготовка к центральному событию дня. Готовится «совещание генерального штаба»: издатель, главный редактор и редактор отдела комментариев вместе со своими адъютантами собираются на редакционное заседание, которое устраивается пять раз в неделю. Здесь будут обсуждаться не факты, но мнения, которые будут высказаны в статьях, занимающих две левых колонки в отделе комментариев, находящемся в середине газеты; это единственный отдел, в котором редакторы высказывают свои взгляды и сообщают, какую позицию занимает газета по тем или иным вопросам.

Ник Уильямс проходит 15 метров, отделяющих его кабинет на втором этаже от скромно обставленной комнаты заседаний. Там он встречается с издателем Отисом Чендлером — верховным главнокомандующим газетой. Мускулистый, загорелый блондин ростом в 190 см, с пышной шевелюрой, Чендлер весит 97 кг; своими мускулами он обязан упражнениям с гантелями, которыми начал заниматься еще студентом. Ему было 33 года в 1960 году, когда он перенял обязанности издателя у своего отца, дед которого в 1886 году отдал свой первый приказ: «Как можно активнее!»

В каждом номере «Таймс» предлагает читателям карту погоды

На карте США указаны районы высокого (H) и низкого (L) барометрического давления, фронты воздушных масс, районы дождей, температура по Фаренгейту. Справа — местная температура (высокая и низкая).

Молодое руководство внесло коренные перемены

Еще до прихода Отиса, пока газетой руководили три предыдущих поколения Чендлеров, «Таймс» активно способствовал промышленному развитию Южной Калифорнии, активно боролся за увеличение числа рекламных объявлений на своих страницах (даже помещал собственные статьи об открытии новых магазинов, в надежде снискать их благосклонное внимание), активно участвовал в предвыборных кампаниях, агитируя за кандидатов консервативного толка, близких по взглядам к Чендлерам, и заложил фундамент для основания крупной издательской фирмы «Таймс-Миррор». Компания, помимо газеты «Таймс», издает книги, карты и журналы, а также производит бумагу из принадлежащих ей лесов. Все это принесло ей в 1968 году 352 миллиона долларов дохода.

В юные годы своего существования «Таймс» снижал репутацию поверхностной и пристрастной газеты. Делам Республиканской партии газета уделяла много внимания, но в освещении местных событий ограничивалась разводами кинозвезд, пожарами, автомобильными катастрофами и взаимными расшаркиваниями местных общественных деятелей — то есть всем тем, что характерно для провинциальной печати.

«Мы отличались крайней консервативностью и в подборе сообщений не соблюдали беспристрастия, — признает Отис Чендлер. — Мы односторонне освещали споры профсоюзов с предпринимателями, мы уделяли мало места жизни Демократической партии...»

Застав такую картину, молодой Чендлер вместе с Ником Уильямсом, ставшим в 1959 году главным редактором, взялся за радикальные реформы. Прежде чем возглавить газету, Чендлер, чтобы обучиться делу, работал во всех отделах редакции, причем большую часть этого времени — почти два года — провел в отделе комментариев. Лос-Анжелес тогда уже старался отрешиться от провинциализма, и оба руководителя «Таймса» решили, что газета не должна отставать от города. С одобре-

ния Чендлера, Уильямс перенес главное внимание на информацию и редактирование. За 10 лет бюджет отдела новостей вырос с 3 миллионов долларов до 12 миллионов, а число сотрудников с 220 до 500 с лишним.

Средний возраст сотрудников уменьшился на 15 лет. За первые же пять лет большинство престарелых редакторов и корреспондентов вышли на пенсию, и Уильямс заменил их молодыми силами. «Новой газете нужны новые газетчики», — говорит он.

Сам Уильямс, однако, не принадлежит к числу новых газетчиков. Уже немолодой (63 года), лысеющий, с бледным цветом лица и явно неспортивной фигурой, он кажется полной противоположностью Чендлеру. Тем не менее, они сработались изумительно — как две части одного механизма. Чендлер разговаривает тихо, слушает внимательно, и во всех движениях его чувствуется спокойствие опытного руководителя. Уильямс говорит с уверенностью человека, посвятившего всю жизнь изучению любимого дела. В «Таймсе» он начал работать в 1931 году, когда Отису Чендлеру было всего четыре года.

«Ставши редактором «Таймса», — вспоминает Уильямс, — я предоставил другим сотрудникам гораздо больше самостоятельности, чтобы самому разгрузиться от всяких мелочей. Подчиненные, однако, обращаются ко мне в тех случаях, когда считают возникший вопрос достаточно серьезным».

Стрелки часов в комнате заседаний показывают 10.00. К издателю и главному редактору присоединяется редактор отдела комментариев Джемс Бассет — пожилой человек с интересным лицом, вьющимися седыми волосами и трубкой во рту. Он воплощение уверенности. В «Таймсе» Бассет начал работать в 1934 году, но несколько раз покидал его — сначала во время Второй мировой войны, потом для участия в предвыборных кампаниях Президента Ричарда Никсона. Сейчас он собирается обсудить три редакционных статьи, намеченных на завтра, и для этого привел с собой журналистов, которым они поручены.

За Бассетом входят сотрудники с третьего этажа: Фрэнк Хейвен, Билл Томас, редактор отдела

национальных новостей Эдвин Гатмен и редактор отдела международных новостей Роберт Гибсон.

Бассет сразу приступает к делу. Он говорит спокойно, негромко, поглядывая на листки с набросанными заметками: «Мы собираемся прокомментировать положение на Ближнем Востоке, но хотим подождать, пока ОАР и Израиль не решат, наконец, как они предполагают дальше действовать». Завтра же он собирается поместить одну редакционную статью о необходимости расширить лос-анжелесский порт; этот крупнейший порт на Тихоокеанском побережье должен непереставно расширяться, чтобы удержать завоеван-

ных избранных ими представителей». Бассет предлагает поместить статью, которая должна ошеломить всех, кто утверждает, что «Таймс» неизменно поддерживает представителей большого бизнеса: «Мы считаем, что следует обратиться за поддержкой к нашему мэру Сэму Йорти. Он должен убедить Апелляционную комиссию в том, что следует отметить данное администратором разрешение. В конце концов, не кто иной, как сам Йорти назначил членов Апелляционной комиссии, так что его слово должно для них кое-что значить».

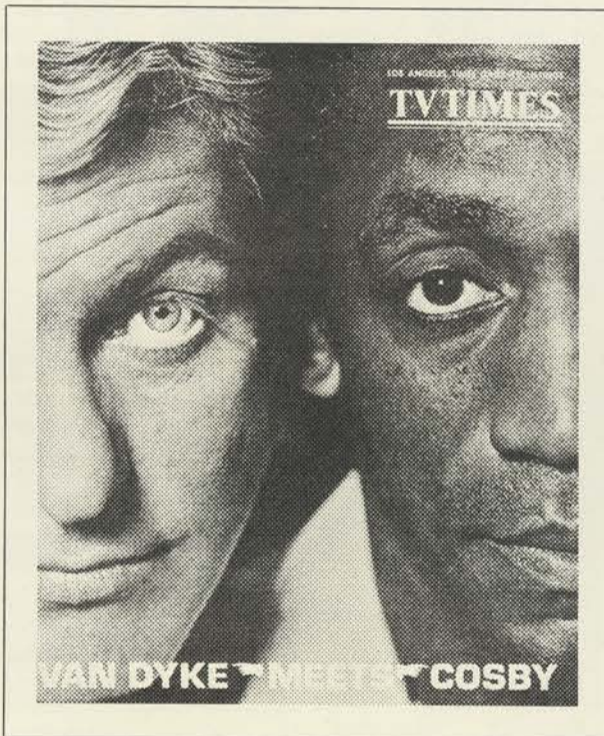
Ник Уильямс прерывает Бассета: «Но в таких

словах эту мысль нельзя выразить!» Он явно взволнован: «Мы не смеем оказывать давление на назначенную им комиссию. Это будет чудовищный прецедент. Мы ни в коем случае не желаем, чтобы мэр вмешивался в это дело и поучал членов комиссии».

Бассет задумывается. «Хорошо, тогда мы обратимся в статье прямо к комиссии, в надежде, что и мэр поймет, в чем дело».

«Вот это другое дело», — соглашается Уильямс, и заседание заканчивается.

ствие людей, клавиатуры установленных рядами 80 наборных машин лихорадочно работают. Более 90 процентов газетного текста и рекламных объявлений набирает теперь компьютер с помощью системы, введенной «Таймсом» в 1966 году. Отобранные для газеты тексты «переводятся» на перфорированную ленту на одной из нескольких вводных установок, имеющихся в здании, затем поступают в компьютер (модель IBM-40), который подгоняет текст: рассчитывает, как

Одно приложение к воскресному номеру «Лос-Анжелес таймс» посвящено ТВ. Там печатается программа передач по 22 местным каналам на всю неделю.

ное положение. Уильямс прерывает говорящего: «Не только для того, чтобы удержаться на ведущем месте. Нужно расширить порт и для того, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение нашего района». Бассет делает пометку в блокноте. Затем он обращается к сотруднику по имени Эрн, и тот рассказывает о предложенных Президентом Никсоном мероприятиях по улучшению почтовой связи в США. «Таймс» будет ратовать за эти мероприятия во второй редакционной статье.

Бассет переходит к обсуждению третьей статьи: «Фирма «Оксидентал петролеум корпорейшн» проводит нефтеразведку и собирается бурить скважину в пригороде Лос-Анжелеса Пасифик-Палисэйдс. Фирма заручилась разрешением местного администратора, несмотря на протесты жителей и

«Дом» — другое приложение к воскресному номеру. Здесь помещаются иллюстрированные статьи о домоводстве, модах, кулинарии, рукоделии и т. п.

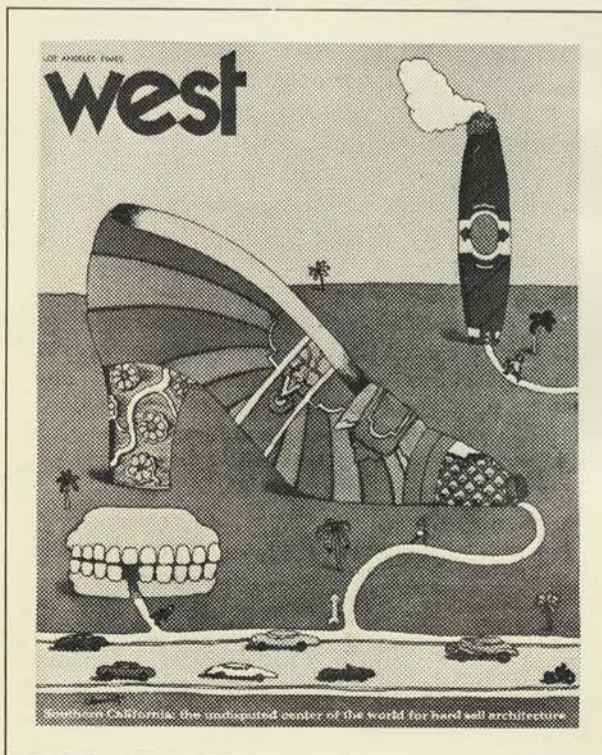
10.30

Комната, где верстается газета, производит таинственное впечатление. Несмотря на полное отсут-

ствие распределить слова в строчке и где сделать переносы. Готовая лента программирует работу наборных машин, пропускающих материал со скоростью, достаточной для того, чтобы заполнить один столбец за 17 секунд. Сегодня с ночи машины набирали рекламные объявления; сейчас сюда начинают поступать последние известия.

10.45

Возвратившись к себе в кабинет, Джемс Бассет просматривает гранки одной из страниц утреннего номера. Отдел комментариев состоит из двух помещаемых на развороте страниц; от отдела новостей они отличаются и местонахождением и функцией. За исключением двух столбцов редакционных статей, отражающих точку зрения «Таймса», эти страницы отводятся под письма читателей, карикатуры, комментарии и фельетоны, которые зачастую расходятся с мнением редакции.

Кроме того, читатели получают по воскресеньям журнал «Уэст», где есть много статей, снимков и разной интересной смеси о людях и местной жизни.

«В своих суждениях будьте независимыми», — говорят издатели сотрудникам

«Мы сознательно стремимся к равновесию, к тому, чтобы отразить все точки зрения, — говорит Бассет. — Мы называем себя независимой газетой, и это не пустые слова». Но как может Бассет сохранять равновесие — ведь сам он тесно связан с Республиканской партией? «Мои политические убеждения не влияют на отдел комментариев. Мы не раз сурово критиковали нынешнее правительство, возглавляемое Президентом Никсоном. Мы, например, порицаем некоторые пункты законопроекта по борьбе с преступностью в столице».

В «Таймсе» есть два постоянных карикатуриста и несколько собственных комментаторов. Газета, следуя практике многих американских органов печати, печатает также комментарии видных журналистов, распространяемые пресс-синдикатами и появляющиеся одновременно в десятках газет. В общей сложности, в отделе комментариев печатаются статьи 19 журналистов. Из них трое, по классификации редакции, — «либералы», пять — «консерваторы», шесть — «умеренные» и пять — «специалисты»; последние пишут фельетоны, научные статьи, освещают местную жизнь различных этнических групп и т. д. Стараясь как можно полнее ознакомить читателей со взглядами национальных меньшинств, газета регулярно печатает материалы о положении негров в США, а недавно добавила к ним и материалы о жизни американцев мексиканского происхождения. Не смутило ли Бассета резкое возражение Уилльямса на утреннем заседании редакции? «О нет, на наших заседаниях и не такое приходится выслушивать. Обсуждения статей, требующих быстрого вывода наших войск из Вьетнама, порой протекают весьма бурно! Конечно, последнее слово принадлежит издателю, но

В этом помещении трудятся журналисты и редакторы. Часы на стене указывают время в различных точках земного шара.

он редко настаивает на своем. Мы не стремимся к полному согласию и не решаем вопросы голосованием. Мы ведем дискуссию, чтобы осветить ту или иную проблему со всех сторон. Автор спорной статьи, покидая заседание, яснее понимает слабые стороны своей аргументации».

11.30

Выше, на третьем этаже, редактор отдела национальных новостей Эдвин Гатмен с улыбкой здоровается со Стюартом Лури, журналистом, ведающим вашингтонскими новостями. Лури пишет о Белом Доме и недавно прилетел сюда из Вашингтона, чтобы оставаться невдалеке от Президента Никсона, намеревающегося провести десять дней на Тихоокеанском побережье в так называемом «Западном Белом Доме» в Сан-Клименте.

В другой стороне комнаты журналист, захлебываясь, сообщает редактору новости другого рода. Вчера он побывал в бродячем цирке: «И я покатался верхом на слоне, но подставной лестнички не было, и слезать пришлось, как по телеграфному столбу». Томас смеется и возвращается к своему столу. «Все это вставьте в заметку», — советует он.

12.00

Через полтора часа срок сдачи первых материалов. Журналисты и редакторы нажимают, торопятся. Ник Уилльямс, однако, отправляется с гостем в буфет дирекции на ленч. Там он продолжает рассказывать о своей газете:

За последние десять лет рост газеты обогнал рост города

«Лос-Анжелес — это огромная территория, город-гигант, с культурой, гораздо более высокой, чем в недавнем прошлом. Сюда переселяется много людей из других американских городов и даже из других стран. Много канадцев, мексиканцев, 40 000 англичан, немало французов... Из Нью-Йорка и Чикаго сюда переезжает больше

людей, чем в любой другой город США. В Лос-Анжелесе много колледжей и университетов. Если учесть все эти факторы, то нашему читателю нужна газета столичного типа, откликающаяся на жизнь всего мира».

Росту обслуживаемого «Таймсом» населения, увеличившегося за последнее десятилетие с 6,7 до 8,5 миллиона человек, соответствует расширение кругозора газеты. Читатели явно одобряют новую тенденцию газеты, и их число растет быстрее, чем сам Лос-Анжелес. Если число жителей города возросло на 26,4 процента, то число продававшихся экземпляров газеты за это же время выросло в будничные дни на 92 процента, а в воскресные — на 44,9 процента.

В отличие от «Нью-Йорк таймса», читаемого всей страной, «Лос-Анжелес таймс» распространяется в сравнительно узких пределах: 700 000 экземпляров расходуется ежедневно в округе Лос-Анжелес, еще 130 000 в округе Оранж (пригород к югу от Лос-Анжелеса с территорией 2000 кв. км), остальное в других соседних округах. Тем не менее, газета уделяет много места национальным и международным новостям. До 1960 года отдел международных новостей печатал большей частью сообщения телеграфных агентств «Ассошиейтед пресс» и «Юнайтед пресс Интернационал». Сейчас ядро отдела составляют сообщения собственных корреспондентов.

В 1960 году газета имела трех собственных корреспондентов в Вашингтоне и одного за границей. Теперь она содержит за границей 17 бюро, в том числе одно в Москве, одного постоянного корреспондента при ООН и 30 «национальных» корреспондентов в городах США (не считая Лос-Анжелеса). Только вашингтонское бюро насчитывает 17 сотрудников.

Собственные иностранные корреспонденты — журналисты, проявившие инициативу и способность вдумчиво комментировать события, — проходят тщательную подготовку перед отъездом за границу. Так, например, Гарри Тримбон с женой прошли интенсивный курс обучения русскому языку, прежде чем приступить к работе в Москве; обучение их продолжалось до последнего дня, когда они с восьмилетним сынишкой вылетели в СССР.

Порой читатели возмущаются

О новостях газета всегда пишет откровенно и нередко вызывает споры. Иной раз задетые читатели начинают возмущаться.

«Мы ухитряемся всем насолить, — с довольной усмешкой говорит Ник Уилльямс. — Тем не менее, мы не ведем кампаний и не предаемся обличениям. Главная наша цель — приглядывать за тем, чтобы окружающая жизнь текла лучше и глаже, чтобы ничто нигде не заделало».

«Таймс» зорко следит за деятельностью политиков, даже тех, кого поддерживает на выборах. Несмотря на то, что газета поддерживала Рональда Регана, баллотировавшегося в 1966 году на пост губернатора Калифорнии, она не раз жестоко критиковала его после избрания. Недавно, возражая против плана Регана сократить бюджет огромного университетского комплекса штата Калифорния, «Таймс» в редакционных статьях обвинил губернатора в «скопидомстве за счет калифорнийских детей». После того, как газета осудила Регана за вызов полиции и Национальной гвардии для прекращения студенческих беспорядков, губернатор дважды приезжал в редакцию с протестами. Поколебать редакторов ему не удалось.

«Если мы поддерживаем кандидата на выборах, — говорит Уилльямс, — это не значит, что мы будем во всем ему потакать».

В некоторых случаях «Таймс» открыто восставал против фирм, регулярно помещающих в газете рекламу. Когда в 1969 году произошел взрыв на нефтяной скважине фирмы «Юнион ойл» в Тихом океане, вблизи города Санта-Барбара, «Таймс» разразился серией статей о черной, клейкой, похожей на мазут массе, покрывшей часть калифорнийского побережья. Фотоснимки погибших птиц, больных китов, вымазанного черной липучкой тюленя с катящейся из глаза слезой вызвали общее негодование. Президент фирмы «Юнион ойл» Фред Л. Хартли гневно запротестовал против «тенденциозного освещения» последствий взрыва. «Таймс»

поместил его письмо, не прекращая печатать и свои материалы о катастрофе, к которым прибавились редакционные статьи с требованием запретить законом бурение нефтяных скважин в прибрежных водах.

Неизбежно должны были появиться в «Таймсе» и статьи о загрязнении воздуха выхлопными газами: ни в одном городе мира не сосредоточено столько автомобилей, как в Большом Лос-Анжелесе — около 3 611 000 по последнему подсчету.

«Значительную часть рекламных объявлений мы получаем от крупных фирм нефтяной и автомобильной промышленности, но замалчивать факты в угоду своим клиентам мы не имеем права, — убежденно заявляет Уилльямс. — Всякий раз, когда мы пишем о том, что 90 процентов смога создают выхлопные газы, автомобильные фирмы волнуются. В Детройте некоторые влиятельные люди называют даже нашу газету «антиавтомобильной». Но это суший вздор. Мы не против автомобилей, мы — против смога».

Пытаются ли когда-нибудь фирмы мстить газете, отказываясь помещать в ней рекламу? «Редко, — говорит Уилльямс. — Обычно они настаивают лишь на своем праве возразить нам, высказать свою точку зрения, как

Los Angeles Times ★

сделал Фред Хартли. Мы охотно предоставляем им место. Даже если они и прекращают помещать у нас объявления, то не надолго. Ведь они обращаются к нам не из платонической любви: они знают, что нас ежедневно читает миллион человек. Мы им нужны не меньше, чем они нам, мы же, правду говоря, не в состоянии были бы содержать такой штат сотрудников, если бы не объявления».

Почему рекламные объявления играют такую важную роль? Да потому, что деньги, вырученные от продажи газеты, не покрывают даже стоимости материалов, подготовленных для печати. В будничные дни «Таймс» стоит всего 10 центов, воскресный номер — 50 центов. По подписке газета обходится еще дешевле — 3,5 доллара в месяц.

В 1969 году читатели заплатили газете 17 миллионов долларов. Но одна только газетная бумага обходится в два с лишним раза дороже — примерно в 40 миллионов долларов. К этому нужно прибавить стоимость типографской краски, оборудования, зарплату сотрудникам, экспедиционные расходы и т. д. Рентабельным колоссальное предприятие становится лишь благодаря плате, взимаемой за рекламу: в прошлом году она составила 141

В поисках материала корреспондентам нужно поспевать повсюду

В каждом номере «Таймса» помещен список местных и иностранных корреспондентов.

Los Angeles Times

Daily Founded Dec. 4, 1881

BUSINESS AND EDITORIAL OFFICES

Times Mirror Square

Los Angeles, California 90053 Phone 625-2345

Classified Advertising 629-4411

Display Advertising 629-3261

ORANGE COUNTY OFFICES

George Colliar, Managing Editor

1375 Sunflower Ave., Costa Mesa Phone 540-5151

DOMESTIC BUREAUS

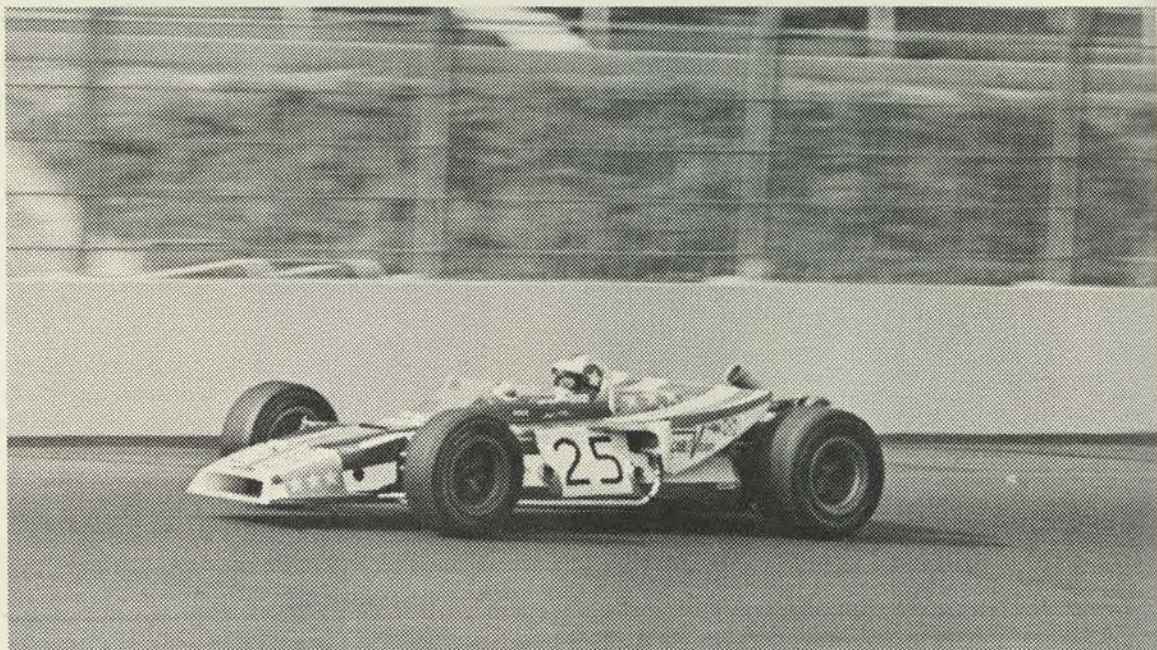
Washington (1700 Pennsylvania Ave., N.W.), David Kraslow, bureau chief; Leo Adde, news editor; Rudy Abramson, John H. Averill, Robert S. Barkdoll, Vincent J. Burke, Marlene Cimonis, Thomas J. Foley, Don Irwin, Robert L. Jackson, Stuart H. Loory, Jack Nelson, Ronald J. Ostrow, Warren Rogers, Murray Seeger, Robert C. Toth, Joann L. Wilson, Jules Witcover. Sacramento (216 State Capitol Bldg.), Tom Goff, bureau chief; Jerry Gillam, Robert Fairbanks. San Francisco (908 Fox Plaza), Daryl Lembke, Philip Hager. Advertising Office: 100 California St., Suite 1180. Atlanta (2 Peachtree Street), Kenneth Reich. Chicago (435 N. Michigan Avenue), Richard T. Cooper, Francis Ward, Bryce Nelson. Advertising Office: 500 N. Michigan Ave. New York (1301 Ave. of the Americas), Richard Dougherty, John J. Goldman, Robert Dallos. Advertising Office: 711 Third Ave. Houston (807 Chronicle Building), Nicholas C. Chriss.

FOREIGN BUREAUS

Paris (73 Ave. des Champs-Élysées), Don Cook. Bonn (Heuss Allee 2-10), Joe Alex Morris Jr. London (Printing House Square, London Times Bldg.), Richard Reston. Rome (Piazza di Spagna 51), Louis B. Fleming. Moscow (12/24 Sadovo-Samotechnaya), Harry Trimborn. Vienna (Obernring 1, Stiege "E"), Osgood Caruthers. Buenos Aires (Av. Roque Saenz Pena 917), David F. Belnap. Rio de Janeiro (Av. Rio Branco 156, S. 3320), Leonard Greenwood. Mexico City (Paseo de la Reforma 122), Francis B. Kent. Hong Kong (603 Shing Loon Bldg., 24-26 Stanley St.), Donald Bremner. Bangkok (Nava Bldg.), Jack Folsie. Saigon (Hotel Caravelle), Arthur J. Ottemen, George McArthur. Tokyo (925-2 Sankai Bldg., 1-Chome Ottemachi Chiyoda-ku, Tokyo), Don Shannon. New Delhi (12 Raddoot Marg), William J. Coughlin. Nairobi (P.O. Box 9583), Stanley Meisler. Beirut (Press Cooperative Bldg., Rue Hamra), William Tuohy. Jerusalem (11 Ben Labrat St., Rehavia), Tom Lambert. United Nations (Secretariat Bldg., United Nations).

ПРОЩАНИЕ С СОЛНЦЕМ НА ПЛЯЖЕ.

АВТОГОНЩИК ПЕРЕД ЗАЕЗДОМ «КАЛИФОРНИЯ-500».

СЛЕПАЯ ДЕВОЧКА НА ДЕТСКОЙ ГОРКЕ.

ПОКАЗ МОЛОДЕЖНЫХ МОД.

ПОЖАР НА КАЛИФОРНИЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ.

миллион долларов. Иначе говоря, 86 процентов доходов газета получает от фирм, рекламирующих свои товары.

В 1962 году «Нью-Йорк таймс», стремясь увеличить свои доходы и, без сомнения, свое влияние, попытался выходить отдельным изданием на Тихоокеанском побережье.

Попытка эта кончилась неудачей и принесла убытки в несколько миллионов долларов. Выяснилось, что газета, которая редактируется в Нью-Йорке, а распространяется в западных штатах, не удовлетворяет местных жителей, которым нужна печать, ориентирующаяся на их нужды и интересы. Фирмы знали, что такая газета не получит широкого распространения, и поэтому лишь немногие печатали в ней рекламные объявления. Нью-Йоркский приходец так и не приобрел на Западе влияния и популярности, которыми пользуется и которые культивирует «Лос-Анжелес таймс».

В 1970 году лос-анжелесская фирма «Таймс-Миррор» сделала первую попытку проникнуть в прессу Восточного побережья США. Она приобрела в собственность «Ньюсдэй» — новую ежедневную газету с большим тиражом, обслуживающую густо заселенный нью-йоркский пригород Лонг-Айленд. Издатель Отис Чендлер собирается, видимо, сохранить локальный характер этой газеты. «Мы уже решили», — говорит он, — что возможность включения газеты «Ньюсдэй» в широкую прессу Нью-Йорка практически исключается. Тем не менее, новое приобретение обеспечивает «Лос-Анжелес таймс» важное предмостное укрепление в нью-йоркском районе, где объявлений печатается больше, чем в любой другой части США».

13.30

В здании «Таймса» сотрудники торопятся сдать в срок первые материалы. Поступающие в отделы местных, национальных и международных новостей

тексты быстро направляются в компьютеры для набора, а затем передаются в типографию в центре здания, оборудованную 96 печатными агрегатами. Чтобы лучше откликаться на интересы читателей многоликого, растущего района, «Таймс» выходит в пяти различных вариантах: один для центрального Лос-Анжелеса, один для округа Оранж и три варианта для остальных пригородов. Каждый вариант содержит, помимо общего для всех материала, некоторое количество новостей и объявлений, представляющих интерес именно для жителей данного района.

14.30

Редактор отдела национальных новостей Эдвин Гатмен, проследив за сдачей в срок материалов, размышляет вслух о том, как отличается пройденная им подготовка от подготовки Бассета:

«Я верю Бассету, когда он говорит, что его предыдущая работа в Республиканской партии не мешает его нынешней. Я ведь был пресс-секретарем Роберта Кеннеди, но это не мешает моей работе сейчас, как не мешало даже тогда, когда Кеннеди еще был жив. Я ведь, как-никак, профессиональный журналист и, думаю, умею проводить границу между своим прошлым и оценкой текущих событий. Издатель, редактор и ответственный редактор относятся к моему прошлому так спокойно, что мне никогда и похвастаться не могло бы, будто за мной втихомолку наблюдают».

Полная свобода корреспондентам — такова точка зрения «Таймса»

«Хейвен — редактор опытный и требовательный. Я никогда не замечал, чтобы он побуждал меня или моих сотрудников высказываться в пользу какой-либо одной партии. Наоборот, редактируя материалы, он стремится уравновесить различные точки зрения. Что касается Отиса Чендлера и Ника Уильямса, то оба они считают, что сотрудников нужно подбирать по способностям, после чего не следует вмешиваться в их работу. Если же они не оправдают ожиданий, их нужно заменить другими».

Фотокорреспонденты «Таймса» вездесущи. Своими снимками они показывают читателям все, что происходит в мире — будь то выдающееся событие или просто интересный случай.

Для развозки газет используются небольшие грузовички. Жителям Лос-Анжелеса газета доставляется на дом в то же утро — или они покупают ее в киосках. Иногородные подписчики получают газету по почте.

«Отис Чендлер, например, на заседаниях редакции иногда спрашивает меня о намеченных статьях, но за вопросами его никогда не кроется желания навязать собственную точку зрения. Если ему жалуются на нас люди с общественным весом, он обычно им отвечает: «Я, знаете ли, тут ни при чем. Издатель у нас не руководит делом новостей»».

И сам Гатмен тоже старается не придирается по мелочам к своим журналистам. «Я не переделываю чужих статей, если для этого нет весьма серьезных оснований, так как считаю, что автор все сам тщательно продумал. Наши корреспонденты тщательно расследуют вопрос, прежде чем написать о нем, и нередко рискуют головой. Нужно уважать их».

15.00

Весь день печатные машины были заняты воскресного номера, отличающегося такими внушительными размерами, что за сутки его не напечатать. Воскресный номер приходится печатать по частям: цветные комиксы — в понедельник, два журнала для Южной Калифорнии — во вторник, отдел для домохозяек — в среду и семь пригородных отделов — по одному на пригород — в пятницу.

15.03

Машины берутся за дело. Кто-то со всех ног мчится с сигнальным номером к Фрэнку Хейвену, и тот собирает своих редакторов на второе заседание, посвященное обсуждению последних известий.

Обстановка неторопливая. На Атлантическом побережье США сейчас уже половина седьмого, рабочий день в Вашингтоне и Нью-Йорке окончился, и даже здесь, в Лос-Анжелесе, все важные события, за исключением назначенной на вечер пресс-конференции Президента Никсона, уже произошли. Сотрудникам Хейвена остается только решить, куда и как поместить последние известия, предназначенные для «местного» издания, рассылаемого подписчикам. Однако между редакторами местного, национального и международного отделов не разгорается борьба за драгоценные полосы на первой странице.

16.00

Заседание кончается. Гатмен и Гибсон уходят, чтобы еще раз просмотреть телеграммы и телефонограммы собственных корреспондентов и этим закончить рабочий день. Томас останется ждать прихода вечерней смены. Внизу, на уровне первого этажа, газетчики, подбавившие на своих пикапах, грузят доставляемые конвейером связки газет.

Хейвен задерживается, чтобы внести окончательные поправки в верстку первой страницы. Для удобства читателей газета придерживается постоянства в распределении материала: самое важное сообщение помещается в правом верхнем углу страницы, насчитывающей шесть столбцов. Левый верхний угол занимает статья-обзор: сегодня в ней говорится о настроениях «рядовых американцев» в фермерских районах Среднего Запада — о том, как далеки

они от бюрократической суеты больших городов.

Остальной материал газеты с таким же постоянством распределяется на пять основных отделов. У каждой темы — свое место: оно закрепляется за ним, чтобы читателю легче было ориентироваться. Отдел 1 (информационный) содержит текущие известия о международных и национальных событиях. Отдел 2 (местные известия) содержит новости местной жизни, редакционные статьи, комментарии и статистические сведения о смертях и рождениях за последний день. Отдел 3 — новости спортивной и деловой жизни. Отдел 4 освещает местную культурную жизнь, помещает рецензии и статьи о новинках искусства, литературы, музыки, театра и кино, печатает программы телевизионных передач. Отдел 5 — крупнейший в мире газетный отдел рекламных объявлений, заполненный главным образом объявлениями с предложениями работы, о продаже домов, автомобилей и различных товаров. По четвергам добавляется кулинарный отдел с рецептами блюд и объявлениями продуктовых магазинов.

19.00

Почти все сотрудники дневной смены разошлись по домам. Корреспонденты с самыми последними новостями, слав материалы редактору ночного выпуска, ожидают его решения на опустевшем, ярко освещенном третьем этаже. В 21.45 начинают печатать второй выпуск.

23.30

Начинается печатание основного тиража — 700 000 экземпляров для подписчиков. Поток газет со скоростных печатных агрегатов поступает на 20 конвейеров, направляющих газеты в экспедиционную контору. Автоматы перевязывают их в пачки по 50 газет; на каждую пачку уходит 5 секунд. Другие конвейеры переносят эти пачки в погрузочную; отсюда 177 грузовиков доставляют их в распределительные пункты, разбросанные по всему Лос-Анжелесу.

0.30

В это время, если требуется, печатные машины останавливаются для ча-

Los Angeles Times ★

стичной замены матриц: включения новых сообщений или добавлений к уже имеющимся. В экстренных случаях, когда происходят национальные выборы, возникают острые кризисы или появляются чрезвычайные сообщения, матрицы меняются всю ночь, по мере поступления новых сообщений.

3.00

Последний забег печатных машин — печатаются номера, которые выйдут через несколько часов.

Пока спит Отис Чендлер, пока спят Ник Уильямс, Фрэнк Хейвен, Джеймс Бассет, Уильям Томас, Эд Гатмен, сотни корреспондентов и сотрудников, десятки бизнесменов и продавцов, пока Джек Гулдинг готовится к следующему рабочему дню в отделе местных новостей, — тысячи подростков-газетчиков еще до рассвета носятся по всему Лос-Анжелесу — доставляют газеты в дома фабричных рабочих, ответственных работников, киноактеров, автомехаников, студентов и пенсионеров, торопясь обслужить старых и малых, богатых и бедняков.

БАЦ!

С ГЛУХИМ СТУКОМ ПАДАЕТ НА КРЫЛЬЦО ДОМА ТЯЖЕЛЫЙ СВЕРТОК — ОДНА ИЗ САМЫХ МАССИВНЫХ АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТ, ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ИНФОРМАЦИЕЙ И РЕКЛАМОЙ. ВСКОРЕ СОТНИ ТЫСЯЧ АМЕРИКАНЦЕВ НА ТИХООКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ПОГРУЗАТСЯ В ЧТЕНИЕ ЕЩЕ ПАХНУЩИХ ТИПОГРАФСКОЙ КРАСКОЙ СТРАНИЦ И БУДУТ ТО УДИВЛЯТЬСЯ, ТО УХИЛЯТЬСЯ, ТО РАДОВАТЬСЯ, ТО НЕГОДОВАТЬ, ЗНАКОМЯСЬ С ТЕМ, ЧТО ПИШЕТ ГАЗЕТА О СОБЫТИЯХ И ЛЮДЯХ НАШЕГО СТРЕМИТЕЛЬНОГО, ОШЕЛОМЛЯЮЩЕГО МИРА.

И ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ЭТА МАССА ЛЮДЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ВСЕ ПРОСЛОЙКИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ, БУДЕТ ПОПРЕЖНЕМУ СЧИТАТЬ «ЛОС-АНЖЕЛЕС ТАЙМС» НЕПРЕМЕННОМ УСЛОВИЕМ НАЧАЛА РАБОЧЕГО ДНЯ, ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА, РОЖДАЮЩАЯСЯ В ДВУХ НЕКАЗИСТЫХ ЗДАНИЯХ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА, БУДЕТ И ДАЛЬШЕ СУЩЕСТВОВАТЬ, РАСТИ И РАЗВИВАТЬСЯ, КАК ОДИН ИЗ САМЫХ МОШНЫХ ГОЛОСОВ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ. ■

УСЫНО- ВЛЕННЫЕ ДЕТИ

ФОТО ПОЛЯ КОНКЛИНА

«Я отлично справляюсь с обязанностями матери, хотя в матери-то я, кажется, совсем не гоюсь, — говорит, сияя от радости, 44-летний холостяк Тони Пьяцца, усыновивший недавно двух маленьких мальчиков. — Ведь если не о ком заботиться, то какая же это жизнь?»

Пьяцца — пианист, живет он в Орегоне. Его случай необычный, но и далеко не единственный в своем роде. Он наглядно свидетельствует о тех огромных переменах, которые произошли в американской практике усыновления детей, оставшейся неизменной в течение долгого времени.

За одно короткое десятилетие в Соединенных Штатах почти удвоилось число усыновленных детей (с 90 000 в 1957 до более 170 000 в 1968 году), и как желающие усыновить ребенка, так и бюро по усыновлению ищут новых решений для многих аспектов этого вопроса. Например, Джим Баутон, спортсмен, писатель и отец двух сыновей, один из которых адоптирован, отзывается так: «На свете столько детей без семьи и крова, что неразумно заводить целый полк своих собственных, если жена уже получила удовольствие, родив одного, а вы таким образом удовлетворили свой мужской эгоизм. Вокруг достаточно детей, лишенных семейного очага».

До недавнего времени большинство бюро требовало, чтобы приемные родители были той же религии, расы и интеллектуального развития, как и мать и отец ребенка. В то же время большинство приемных родителей хотели усыновлять только развитых, здоровых, голубоглазых и светловолосых малышей своего вероисповедания. А так как таких было немного, то приемных родителей отбирали очень строго. Особенно суровому обследованию подвергались нервные люди. В частности, их спрашивали: «Хорошее ли было у вас детство? Довольны ли вы своей работой? Уживаетесь ли с тещей и свекровью? Почему у вас нет собственных детей?» После этого проходили чуть ли не годы, пока им находили соответствующего ребенка. Сейчас число детей для усыновления намного увеличилось, особенно так называемых «трудно устраиваемых», которых раньше считали почти не подхо-

дящими для адаптации. Это дети смешанной национальности, физические или умственные калеки, подростки или родные братья и сестры, которые хотят жить вместе. И хотя все больше и больше людей желают стать усыновителями, все же определить таких детей в семьи по-прежнему непросто. Бюро пытаются найти новый подход к этой проблеме. Сотрудник одного из бюро по усыновлению признает: «Сейчас мы скорее просители, чем критики».

По-другому теперь смотрят и на то, кого можно считать хорошими родителями. В некоторых районах США от усыновителя уже не требуется, чтобы он состоял в браке. В ряде штатов, например в Техасе, от усыновителя не требуется столь высокой финансовой обеспеченности, как раньше; в других местностях подходящие, но малообеспеченные семьи, усыновившие детей, получают материальную помощь. Во многих бюро теперь благожелательно встречают заявления пожилых людей, если они в состоянии обеспечить ребенку хорошие условия жизни.

Хотя новые традиции пока еще прививаются с трудом, старые преграды постепенно рушатся. Разные штаты, разные бюро и разные судьи предъявляют к усыновителям различные требования. В некоторых местностях разрешается усыновление при таких условиях, при которых оно запрещается в других. Вот один ставший широко известным случай. Председатель комиссии по делам социального обеспечения штата Нью-Йорк пытался воспрепятствовать американцам итальянского происхождения (обоим по 48 лет) усыновить четырехлетнюю девочку, которую они воспитывали с грудного возраста. Его мотивировка была такова: приемные родители брюнеты, а девочка блондинка. Только под давлением общественности судья позднее отменил это постановление. Случай озаменовал поворот в практике усыновления.

По инициативе бюро «Уэлком хаус», организованного и руководимого писательницей Перл Бак, были проведены коренные перемены в области межрасовых усыновлений. Раньше требовалось, чтобы приемные родители и ребенок принадлежали к одной расе. Теперь все больше бюро поощряют усыновления, считавшиеся раньше почти невозможными.

Усыновления детей негров белыми родителями — один из примеров новой политики в этой области. До настоящего времени зарегистрировано более тысячи таких усыновлений, то есть примерно 25 процентов усыновленных детей негров попадают в семьи белых. Сотруд-

ники бюро по усыновлению считают это небольшим, но для начала очень обнадеживающим успехом. Как бюро по усыновлению, так и усыновители отдают себе отчет в том, что впереди таких приемных родителей ожидают серьезные проблемы. К детям могут недружелюбно относиться соседи. В будущем дети невольно начнут задавать себе вопрос: «Кто мы?», «Что делать, если ваш ребенок спросит, почему он не такой, как вы? — говорит нью-йоркский адвокат А. Т. Хант. — Единственная возможность — это объяснить, что вы его усыновили, объяснить, что такое усыновление детей; сказать, что расовые предрасудки исчезают и что вы его любите, как родного».

«Разумеется, для ребенка лучше иметь родителей, которые почти во всем похожи на него, — соглашается руководитель городского бюро по усыновлению в Лос-Анжелесе. — Но самое главное, чтобы его любили и чтобы он любил своих приемных родителей».

«Нашему обществу предстоят серьезные перемены, — добавляет приемная мать, усыновившая двух детей разных рас. — К тому времени, когда моим детям исполнится по 15–16 лет, их происхождение не будет иметь такого значения».

Но в практике усыновления и сегодня еще много рутины и бюрократизма. Бюро, как частные, так и государственные, все еще подвергают усыновителей скрупулезному обследованию. С них взимается плата, устанавливаемая в зависимости от их дохода. Когда приемным родителям разрешают усыновить ребенка, им подробно сообщают все данные о нем: о его здоровье и умственном развитии, о его семье. Но ни настоящим, ни приемным родителям не разрешается что-либо знать друг о друге. На оформление документов по усыновлению уходит от шести месяцев до одного года. Юридическое оформление акта усыновления обходится не меньше чем в сто долларов. Как только судья даст разрешение на усыновление, усыновители получают новое свидетельство о рождении ребенка, где в рубрике «родители» проставлены их имена. Ребенок приобретает все законные права и обязанности их родного ребенка.

Иногда желающие усыновить ребенка находят детей через врачей и адвокатов. Такое усыновление также оформляется в законном порядке, хотя иногда большой помехой служит то, что родной матери разрешается знать, кто именно усыновляет ее ребенка, и это вызывает, как правило, неприятные переживания и у взрослых, и у детей.

Наравне с традиционной практикой, бюро пользуется но-

выми средствами отыскания родителей для детей и детей для родителей. Когда в автомобильной катастрофе в Охайо погибли родители девяти детей, местное бюро не питало особых надежд найти такую супружескую пару, которая согласилась бы усыновить всех их вместе. Но, связавшись с другими бюро страны, оно обнаружило людей, давно мечтавших о семье из девяти детей.

Недавно Общество помощи детям в Буффало (штат Нью-Йорк) по системе замкнутого телевидения нашло приемных родителей для двухлетней девочки из Делавэра, хотя их разделяло 800 километров. Родители увидели на экране телевизора резвую и умненькую Эми, играющую в приемном доме, и тут же поняли, что всегда мечтали о таком ребенке.

Городское бюро по усыновлению в Лос-Анжелесе показывает по телевидению фотографии детей. Диктор Уильям Хантер представляет их зрителям: «Вот Джимми. Мальчику придется, наверно, еще долго скитаться по детским домам: он слепой. Но посмотрите на его глаза — они ничем не отличаются от нормальных, целы и невредимы». Или: «Это Дик. Мы показываем его фотографию, потому что мальчику семь лет, и он может расстроиться, услышав, как мы говорим о его одиночестве. Дик хороший, здоровый ребенок. Обычно усыновители предпочитают детей более раннего возраста. Но ведь с Диком приемный отец сразу сможет играть в бейсбол». Многие порицают рекламу такого рода, но после каждой передачи в бюро обращаются по телефону до 35 заявителей, так что за первые же месяцы были найдены семьи для более 150 ребят.

Телевидение использовал и писатель Ян де Хартог, американец голландского происхождения. Он показал в Голландии короткий фильм об усыновленной им девочке кореянке. Студию наводнили письма с вопросами, как усыновить корейского ребенка. Хотя такое усыновление по существовавшим тогда в Голландии законам запрещалось, книга де Хартога, описывавшая опыт американского бюро «Уэлком хаус», помогла сломить старые преграды. Теперь, по сведениям бюро Перл Бак, в Голландии и Дании многие семьи усыновляют детей из азиатских стран. «У нас столько желающих усыновить ребенка из-за океана, — говорит один сотрудник бюро, — что мы не можем найти для всех детей».

Перл Бак, у которой несколько приемных детей разных национальностей, теперь уже взрослых, пишет о своем бюро: «Радостно видеть, как почти слепая девочка уходит с милы-

ми и добрыми людьми, у которых есть средства лечить ее; или как у мальчугана со следами страшных ожогов на коже появляются родители, готовые заботиться о нем. На душе становится теплее от сознания того, что, если хорошо поискать, всегда найдутся люди с добрым сердцем, которые примут ребенка и сделают его своим... Мир полон детей, обделенных любовью, и нельзя проходить мимо хотя бы одной семьи, умеющей любить. Я убеждена, что на свете нет детей, которых никто не хочет усыновить».

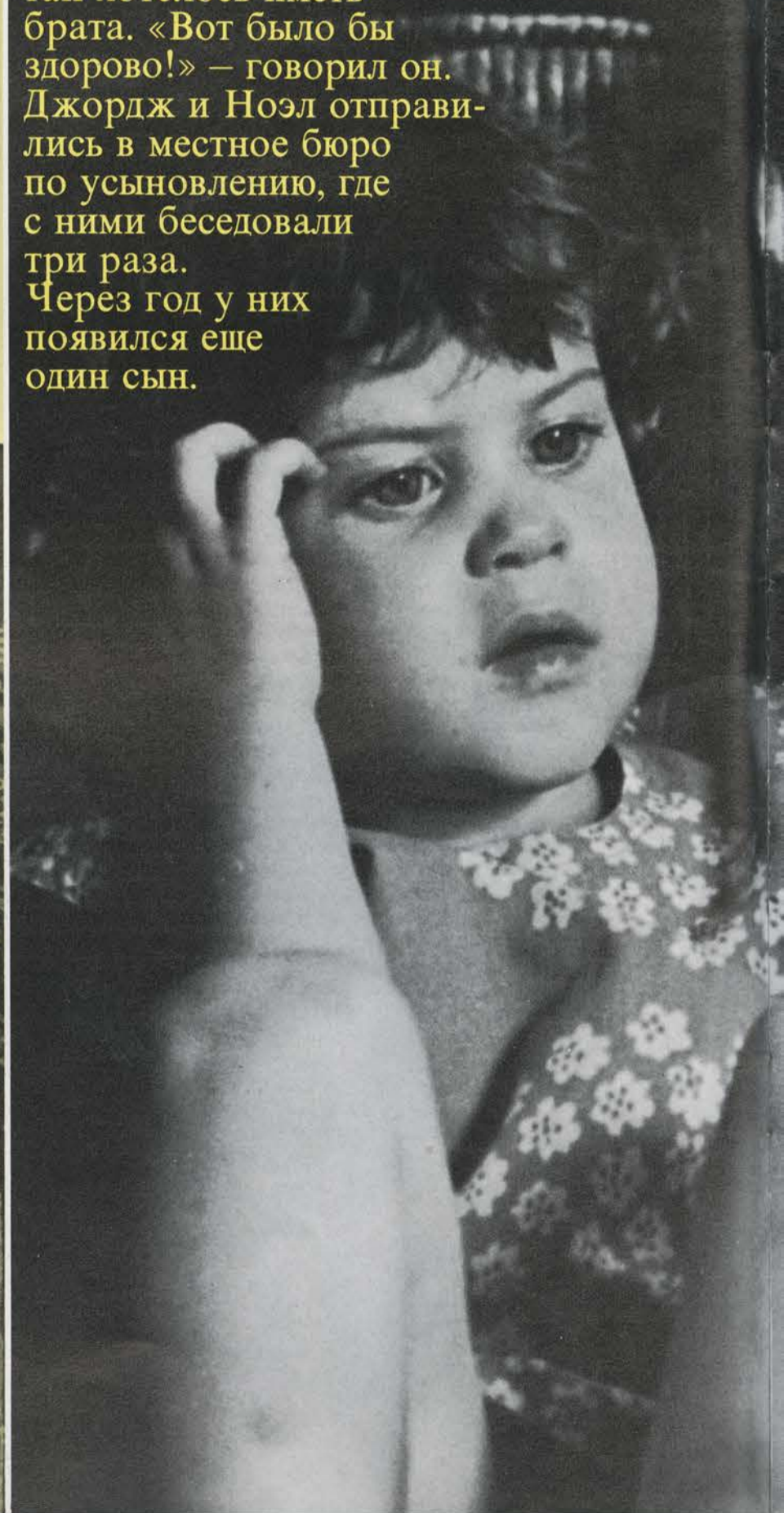
Пока усыновления родителями-одиночками (такие осторожные попытки предпринимаются сейчас в Калифорнии и Орегоне) дают обнадеживающие результаты. Луиза Гюнтнер, усыновившая 11-летнего сироту грека и его девятилетнюю сестру, отмахивается от недоуменных взглядов соседей: «Мне нравится, когда меня представляют: «Мисс Гюнтнер, незамужняя мамаша».

Тони Пьяцца, неженатый отец, с таким же энтузиазмом относится к своему положению, но признается, что хотел бы с кем-нибудь делить радость, которую ему доставляют его два мальчика. «Ужасно хочется сказать кому-нибудь: «Ты слышала, что он сказал? Ты видела, как он это сделал?» Пьяцца хотел бы жениться, но на такой женщине, которая, по его словам, подходила бы им всем троим.

В городе Миннеаполисе сотрудник газеты Джо Ригерт и его жена Джен создали у себя «Организацию Объединенных Наций в миниатюре». Кроме собственной дочки, у них пять детей в возрасте от двух до пятнадцати лет самого различного происхождения — от японо-ирландского до индийско-негритянского. Когда друзья спрашивают Джен: «Которая из них ваша?», — та, смеясь, отвечает: «Все они наши».

♥ Неда и Джулию (слева) усыновили вашингтонский адвокат Джордж Бетти и его жена Ноэл. Их родному сыну Эрику (справа, читает Джулии вслух) шел шестой год, когда супруги начали подумывать об усыновлении. К тому времени они узнали, что у них больше не может быть детей. «Мы немного колебались, — вспоминает Ноэл. — Но Эрику так хотелось иметь брата. «Вот было бы здорово!» — говорил он. Джордж и Ноэл отправились в местное бюро по усыновлению, где с ними беседовали три раза. Через год у них появился еще один сын.

♥ Год спустя Бетти усыновили Джулию. «Нам всем так не доставало дочурки», — говорит Ноэл. Были ли у них какие-нибудь трудности? «Пока нет, — улыбается Ноэл. — Конечно, вначале Эрик немножко ревновал. Но все дети ревнуют, когда у них появляется братишка». Нед и Джулия знают, что они усыновлены: говорить об этом приемным детям предоставляется на усмотрение родителей. «По-моему, скрывать тут нечего», — считает Ноэл. Конечно,

не проходит дня без легких недоразумений (фото вверху), но это не нарушает счастливой жизни семьи.

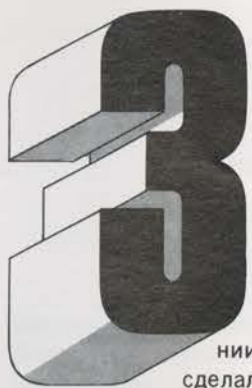

ЕСЛИ НЕ ДАТ, ЧТО ТОГДА?

ХОЛ
ХИГДОН

Неподалеку от Вашингтона, у мэрилендского городка Белтсвилл, раскинулся под сенью деревьев Научно-исследовательский центр Министерства земледелия. На его обширных землях площадью в 4300 гектаров находится 70 лабораторий, 40 теплиц и 700 помещений для скота, домашней птицы и т. д. Все эти хозяйства связаны между собой сетью дорог, причем каждая названа в соответствии с тем местом, куда она ведет, — Научно-исследовательская, Энтомологическая, Куриная, Пестицидная и т. п. «С удовольствием бы переименовал Пестицидную дорогу во что-нибудь другое», — заметил один из сотрудников Центра, когда недавно мы ехали к д-ру Эдуарду Книплингу, директору Отдела энтомологических исследований и виднейшему специалисту в области сельского хозяйства.

замечание о переименовании дороги сотрудник Центра сделал неспроста: за последнее время пестициды, в том числе и ДДТ, впали в немилость. Все время стоявший в авангарде борьбы с вредными насекомыми, ДДТ ныне заслужил репутацию убийцы живой природы и, возможно, угрожает даже здоровью человека. В 1962 году Рэйчел Карсон в своей нашумевшей книге «Безмолвная весна» подняла голос против ДДТ и некоторых других ядохимикатов, широко применявшихся в борьбе с вредителями (см. «Америка» № 86). Однако в то время на ее предостережения о вреде ДДТ никто не обратил должного внимания. И лишь недавно для предотвращения дальнейшего засорения окружающей среды в Мичигане, Висконсине, Аризоне, Калифорнии и ряде других штатов, а также за рубежом, например, в Швеции, был наложен запрет на применение ДДТ.

Но если не ДДТ, что тогда? Рэйчел Карсон в своей книге рекомендует заменить химические средства борьбы с вредными насекомыми биологическими методами. Если, скажем, нам будет угрожать японский жук, не опрыскивайте его. Вместо этого завезите паразитических ос, которые питаются личинками жука. Или распространите бактериологическую болезнь, которую жук не переносит. Уже в 1955 году бригада специалистов под руководством д-ра Книпплинга перенесла центр тяжести исследований с обычных инсектицидов на поиски биологических методов борьбы с вредителями и на создание селективных химических препаратов, действующих лишь против одного-двух видов насекомых. В то время 65 процентов человеческих и материальных ресурсов Отдела энтомологических исследований приходилось на работу с инсектицидами распространенного образца. В настоящее время Отдел выделил на поиски биологических методов больше половины (51 процент) своего бюджета в 18 миллионов долларов и только 16 процентов на работу с пестицидами. Повышенный интерес к биологическим методам уже приносит плоды.

В прошлом, когда энтомологи говорили о биологических методах, они имели в виду паразитические, хищные и патогенные организмы, которые либо убивают свою жертву, либо понижают ее активность. Паразит действует как жилец-неплательщик, он живет за счет своего хозяина, как блоха на собаке. Хищник жертву поедает — например, богомол. Патогенные организмы — микробы или вирусы — вызывают болезнь, ослабляющую жертву.

Но современные биологические средства борьбы стали настолько утонченными, что их вряд ли можно запросто разбить на упомянутые выше три категории. Произошло это благодаря успешной работе таких специалистов, как д-р Книпплинг, который, помимо руководства энтомологическими исследованиями в Белтсвилле, возглавляет работу 70 других энтомологических лабораторий Министерства земледелия. Одна из них — в Фарго (Северная Дакота) — занимается вопросами стерилизации насекомых путем радиоактивного облучения или с помощью химических препаратов. Другая лаборатория в Риверсайде (Калифорния) изучает вирусные заболевания насекомых, поражающих цитрусовые растения. Лаборатория в Гейнсвилле (Флорида) главным образом работает над москитами, мухами, блохами, вшами и клещами. Вместе с Книпплингом работает группа французских специалистов сельского хозяйства, изучающая паразитических и хищных насекомых, попавших в Америку из других мест, но оставивших позади своих естественных врагов.

Авт. права: изд-ва «Нью-Йорк таймс компани», 1970 г. Переведено с разрешения изд-ва.

Книпплинг часто посещает подведомственные ему лаборатории, проверяя их работу и давая новые задания. Порой он исчезает из Вашингтона на целые недели. Во время таких наездов он может одной лаборатории указать на необходимость методов массового выведения насекомых в лабораторных условиях, а другой — поручить поиск и синтезирование половых аттрактантов. И тут и там он обязательно спросит, возможно ли это и сколько на это уйдет времени. Книпплинг напоминает пчелу, которая опыляет цветки, перелетая с одного на другой. По ходу дел он успевает писать статьи для научных журналов, читать лекции, участвовать в семинарах и практикумах, из которых обычно выбирает такие, где он не только может поделиться с другими своими знаниями, но и почерпнуть что-либо новое для себя. Занимая пост директора энтомологических изысканий Министерства земледелия, Книпплинг отнюдь не принадлежит к числу кабинетных администраторов, которые только и знают, что рассылают циркуляры. Он всегда находится среди своих исследователей, которые борются с вредными насекомыми методом стерилизации, половыми аттрактантами, гормонами и даже инфракрасными лучами.

Книпплинг — высокий техасец с твердыми чертами лица — встретил меня в Белтсвилле крайне приветливо. Во всей его фигуре сквозили спокойствие и терпение — качества, необходимые человеку, который увлекается охотой с луком и стрелами и борется с насекомыми-вредителями.

Еще когда я по телефону договаривался с ним об интервью, Книпплинг предложил мне встретиться за ленчем. Меня больше всего интересовали вопросы борьбы с насекомыми-вредителями, и я боялся, что во время ленча мне вряд ли удастся поговорить об этом. Когда я поделился своими опасениями с ассистентом Книпплинга, тот ответил, что ленч с его шефом никогда не проходит без того, чтобы разговор рано или поздно не перешел на насекомых и, особенно, на динамику их популяций — его главный интерес. Впоследствии я заметил, что, как только разговор переходит на эту тему, глаза Книпплинга загораются, он хватается за карандаш и начинает писать колонки цифр на скатерти или на чем-нибудь другом, наглядно демонстрируя, сколько сотен тысяч паразитирующих ос понадобится для борьбы с сотнями тысяч мотыльков кукурузного червя. К концу ленча Книпплинг смачивает в стакане с водой салфетку и пытается стереть свои вычисления.

За столом белтсвиллского ресторана Книпплинг первым делом рассказал мне, что из ста тысяч видов насекомых, обитающих в США, десять тысяч можно классифицировать как вредителей. Из последних примерно сто видов причиняют 90 процентов ущерба, и из применяемых инсектицидов 90 процентов идет на борьбу с ними. В эту сотню входит двадцать самых опасных видов вредителей; среди них хлопковый долгоносик, в 1969 году стоивший хлопковой промышленности 300 миллионов долларов, и коробочный червь, ежегодно приносящий ущерб в 500 миллионов долларов.

«В следующие 25 лет мы будем успешно сокращать численность или уничтожать этих главных вредителей — примерно по одному виду в год», — объясняет Книпплинг. Он говорит об этом деловым тоном опытного администратора, который хорошо знает, что столько-то долларов, вложенных в исследовательскую работу столько-то специалистов, обеспечат успех борьбы со столько-то видами вредителей.

За умелое ведение битвы с насекомыми-вредителями и, особенно, за свои теоретические труды

в области динамики их популяций Книпплинг был удостоен почти всех возможных наград за научные достижения, включая Национальную медаль, врученную ему Президентом Джонсоном. В 1966 году он был избран членом Национальной Академии наук, в которую входят лишь самые видные в стране ученые. Фактически единственная выдающаяся награда, которую он еще не успел получить, — это Нобелевская премия. «Тут только вопрос времени, но он ее обязательно получит», — говорит сотрудник Книпплинга. Ему вторит целый ряд ученых, ибо, по их мнению, Книпплингу принадлежит «одна из самых оригинальных идей XX века».

Приятно слышать, что «одна из самых оригинальных идей» нашего времени не имеет ничего общего с термоядерным уничтожением или даже с астрофизикой, а непосредственно касается борьбы с мухой каллитрогой, которая донимает крупный рогатый скот в Техасе. Еще в 1937 году Книпплинг высказал мысль, что эту вредную муху можно уничтожить путем ее стерилизации в лабораторных условиях. Выпущенные на волю стерильные мухи будут спариваться с плодущими особями, но потомства у них появляться не будет, в результате чего их род исчезнет. Прошло почти два десятилетия, прежде чем теория Книпплинга была проверена на практике. Метод стерилизации насекомых может оказаться настолько ценным в борьбе с вредителями, что имя его автора, пока еще малоизвестного широкой публике, в один прекрасный день, возможно, займет место рядом с такими корифеями науки, как Галилей и Пастер.

Основная причина, которая препятствует человеку свести на нет вредных насекомых, это динамика их популяций. Как известно, насекомые размножаются с фантастической быстротой. За одно лето, например, самка обыкновенной комнатной мухи способна дать потомство до двухсот квинтильонов особей.

Рассказывая о методах борьбы с вредителями, Книпплинг в качестве примера привел хлопкового долгоносика — любимый объект его исследований. Хотя хлопковый долгоносик и не такой плодовитый, как комнатная муха, размножается он все же очень быстро и, конечно, причиняет куда больше вреда, чем та же муха. На борьбу с ним уходит 35 процентов всех инсектицидов, применяемых в сельском хозяйстве. Полное уничтожение или более эффективная борьба с долгоносиком биологическими методами (вместо химических) не только сократит потери в урожае, но и снизит на треть применение инсектицидов, загрязняющих окружающую нас среду.

Химические методы борьбы с хлопковым долгоносиком применяются уже на протяжении тридцати или сорока лет. Они помогли фермерам вырастить хлопок эффективнее и дешевле, но не способствовали достижению достаточно ощутимого прогресса в уничтожении вредителя. Причина кроется в динамике популяций. Одно поколение долгоносика живет 21 день. Потомство одной пары долгоносиков может достичь 25 экземпляров. Ликвидированная колония долгоносиков восстанавливает свою численность в течение года. «Применяя инсектициды, мы всего-навсего держим численность вредителя на таком уровне, где он не может причинить большого вреда. Но мы ни на шаг не приблизились к полному решению проблемы хлопкового долгоносика», — говорит Книпплинг. Тут он берется за карандаш и начинает писать столбики цифр на скатерти.

Предположим, у нас имеется 500 гектаров хлопчатника. Если на каждый гектар приходится 400 экземпляров, то население всей плантации будет

равно 200 000 особей. Допустим, дальше, что каждый уцелевший долгоносик данного поколения оставит потомство в 10 экземпляров. Возникает вопрос: как уничтожить всех долгоносиков на данной плантации?

Один из методов — применение такого пестицида, как ДДТ. Семикратная обработка плантации ДДТ уничтожит 98 процентов долгоносика. Из 200 000 особей в живых останется только 4000, но они будут размножаться в нормальном для них десятикратном размере, и следующее поколение уже будет насчитывать 40 000 особей. Повторное семикратное применение ДДТ опять уничтожит 98 процентов насекомых. Оставшиеся 800 в третьем поколении умножатся до 8000. Продолжая применять ДДТ, мы сведем численность долгоносика до 160, затем до 32 — и теоретически уничтожим его к седьмому поколению.

Чтобы достичь этих результатов, надо затратить на ДДТ 42 000 долларов. Книплинг считает эту цифру непомерно высокой; кроме того он уверен, что такое интенсивное применение химических средств вредно отразится на окружении.

Вместо того, чтобы целиком полагаться на инсектициды, было бы целесообразнее, по мнению Книплинга, выпустить на те же 500 гектаров стерильных долгоносиков в период спаривания. Против этого, однако, есть одно возражение: столь значительное, хотя и временное, увеличение численности вредителя нанесет урон урожаю. В таком случае поначалу против данного поколения применяется семь раз тот же ДДТ. Борьба с сокращенным до 4000 населением потребует пропорционально меньшего числа стерильных особей. Если выпустить на участок сотню стерильных долгоносиков, которые начнут конкурировать с нормальными самцами, приплод на плантации будет равняться 400 000, или по 800 насекомых на гектар. Это вполне допустимый уровень.

Теоретически шанс размножения будет равняться одному из ста. Следовательно, только 40 из 4000 насекомых дадут потомство. Так, второе поколение будет насчитывать 400 долгоносиков. Если бы мы действовали пестицидами, оно насчитывало бы 40 000. Вторая партия из 400 000 стерильных долгоносиков окончательно подавит 400 нормальных особей. Шансы размножения будут сведены к одному из тысячи. Теоретически размножению будет положен конец. Население хлопкового долгоносика будет уничтожено к третьему поколению, причем вся операция обойдется, по предварительным подсчетам, в 11 000 долларов, не считая потерь в урожае.

Так дело выглядит в теоретических расчетах, но сработает ли метод на плантации фермера? Пока это остается невыясненным. Научно-исследовательский центр Министерства земледелия должен еще проверить этот метод в полевых условиях, главным образом для того, чтобы установить, какое количество долгоносика проникает на данную плантацию с соседних полей. По мере продвижения работы в этом направлении, в Миссисипи в лабораториях штатного университета исследователи выявили, что самец хлопкового долгоносика привлекает самку специфическим запахом (в большинстве случаев у других организмов самка привлекает самца). Химики лаборатории, работающие под руководством д-ра Теодора Дэвича, уже выделили и синтезировали этот аттрактант, открыв таким образом новые возможности в деле уничтожения вредителя.

С помощью аттрактанта долгоносиков можно завлекать на липкое вещество, где им придет конец. Допустим, пользуясь испытанным методом ДДТ,

мы сократим численность долгоносиков на данном участке с 200 000 до 4000 к моменту их перехода в состояние зимнего покоя. Весной против них можно применить аттрактант. Книплинг считает, что таким образом возможно привлечь (и уничтожить) 80 процентов вредителя. Для размножения останется всего 800 экземпляров, с которыми будет легко справиться стерильными долгоносиками. Итак, битва с долгоносиком продолжается, и способы борьбы становятся все утонченнее.

Тем, кто опасается, что эта работа нарушит равновесие в природе, Книплинг говорит: «Хлопковый долгоносик — вредитель завезенный и не является частью нашей природной среды. Он попал к нам из Мексики, когда в США начала развиваться хлопковая промышленность. Я считаю, что мы можем истребить чужого жучка, не нарушая природного равновесия. Больше того, я уверен, что этим мы восстанавливаем нарушенное равновесие».

Хлопковые долгоносики знакомы Книплингу с детства, проведенного на хлопковой плантации неподалеку от техасского городка Порт-Лавака. Один из ранних методов борьбы с вредителем заключался в следующем: пораженные бутоны хлопчатника срывали и уничтожали вместе с развивающимися в них личинками долгоносика. Юному Книплингу самому приходилось заниматься этим делом. Кроме того, он, также вручную, собирал на картофельном поле колорадского жучка. «Тогда не было всех этих ядохимикатов, которыми мы располагаем сегодня, — вспоминает Книплинг, — и я своими глазами видел, какой ущерб наносят такие вредители, как хлопковый долгоносик и американская хлопковая совка».

Книплинг учился в Техасском агротехническом университете, специализируясь по энтомологии и побочно изучая генетику. В 1930 году, по окончании университета, он с группой специалистов Министерства земледелия США поехал в Мексику, чтобы разработать методы борьбы с розовым коровчатым червем. Впоследствии он поступил в аспирантуру университета штата Айова. Там он познакомился с Фиби Холл, ставшей его женой. У Книплинга пятеро взрослых детей. В настоящее время жена Книплинга работает инспектором по преподаванию естественных наук в общественных школах города Арлингтона (Вирджиния).

В основу кандидатской диссертации Книплинга легли исследования личинок мясной мухи. Работа с мухами привела его в техасский город Менард, где он посвятил себя борьбе с каллитрогой — падающей мухой, паразитирующей на скоте. Проработав полгода в Менарде, Книплинг занялся бычьими оводами, которым посвятил два года исследований. В 1938 году он показал, что животных от внешних паразитов можно излечить лекарственными средствами, вводимыми внутрь.

К середине 30-х годов каллитрога перебралась из Техаса во Флориду. Размером раза в три больше комнатной мухи, каллитрога откладывает яйца в гноящиеся раны животных. Вышедшие из яиц личинки питаются разлагающимися тканями раны. Каллитроги поражают крупный рогатый скот, овец, коз и диких животных, а также часто являются источником инфекций. В очень редких случаях мухи даже выбрасывают яйца в ноздри спящих людей; проникшие в лобные пазухи личинки могут вызвать смерть. Скотоводы лечат пораженных каллитрогой животных химическими препаратами и стараются предохранить их от порезов шипами колючей проволоки.

Д-р Рэймонд Бушленд (один из сотрудников Книплинга, ныне директор энтомологической лаборатории Министерства земледелия в Фарго, Се-

верная Дакота) в исследовательских целях разводил у себя в лаборатории личинок каллитроги. В 1937 году Книплингу пришла в голову мысль: нельзя ли разводить в стенах лаборатории каллитрог, стерилизовать их или вызывать у них генетические дефекты? Численность этой мухи в США никогда не была очень высокой, и поэтому выпущенные из лаборатории на волю неполноценные особи, по мнению Книплинга, легко могут свести на нет всю популяцию.

Книплинг начал обсуждать с генетиками возможность выведения генетически стерильных мух, но его планам помешала Вторая мировая война. Он был послан в Орландо (Флорида) руководить поиском средств борьбы с возбудителями тифа, малярии и других болезней. В этих средствах нуждалась армия. В конце 1942 года из Швейцарии была получена первая партия ДДТ, инсектицидные свойства которого были открыты там в 1937 году. «Химический состав ДДТ был нам неизвестен, — вспоминает Книплинг, — но мы сразу увидели, насколько это ценное оружие для борьбы со вшами. Своими качествами ДДТ превосходил все, с чем мы работали в то время, а у нас были весьма неплохие средства против вшей».

ДДТ также оказался эффективным оружием против москитов, мух и прочих вредных насекомых. По иронии судьбы Книплинг, прокладывая путь к славе, нынче сам ищет замену вредоносному инсектициду.

После войны Книплинг возглавил Научно-исследовательский центр в Белтсвилле. Он по-прежнему вынашивал идею борьбы с мухой каллитрогой методом стерилизации. Однако мало кто из генетиков, с которыми он вступал в контакт, разделял его энтузиазм. «Большинство не представляло себе возможности стерилизации, — говорит Книплинг. — Честно говоря, они прямо заявляли, что из этой затеи ничего не получится».

Тогда Книплинг списался с Германом Дж. Мюллером, из университета штата Индиана, получившим Нобелевскую премию за эксперименты в области влияния радиации на генетическую мутацию. Мюллер не исключал возможности стерилизации мух рентгеновскими лучами, но сомневался в целесообразности их разведения и выпуска на волю.

После этого Книплинг обратился к Бушленду с предложением начать программу стерилизации каллитрог. В то время Бушленд работал в Керрвилле (Техас) по исследованию паразитов рогатого скота. Пользуясь рентгеновским оборудованием в военном госпитале имени Брука в Сан-Антонио, Бушленд подверг мух облучению и вернулся с ними в Керрвилл для дальнейших исследований (видимо, рентгеновские лучи нарушили у мух строение хромосом, делая невозможным нормальное оплодотворение самки). Стерильных мух поместили в садки вместе с нормальными экземплярами. В садке, где 50 процентов самцов были стерильными, 50 процентов отложенных самками яиц тоже оказались стерильными. В другом садке стерильных самцов было 90 процентов, таким же был процент стерильных яиц. Исследователи также установили, что самка спаривается только один раз либо со стерильным, либо с нормальным самцом. Лабораторные опыты прошли успешно. Пройдут ли они успешно в природе? В полевых условиях возникла проблема: учету результатов эксперимента мешали мухи, залетавшие на опытный участок со стороны. В конце концов Книплинг, Бушленд и другие члены коллектива решили перенести работу на остров Санибел, лежащий километрах в трех от берегов Флориды, неподалеку от города Форт-Майерс. Опыты на новом месте показали, что сте-

■ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ СВЕТА СОТРУДНИКИ КНИПЛИНГА ВЕДУТ ПОИСКИ ПАРАЗИТИРУЮЩИХ ОРГАНИЗМОВ, КОТОРЫЕ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ В БИТВЕ С НАСЕКОМЫМИ-ВРЕДИТЕЛЯМИ, А В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ И С СОРНЯКАМИ... УЧИТЫВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ ТАКИМИ МЕТОДАМИ БОРЬБЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПРИНИМАЮТ ВСЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ■

рильные особи могут значительно сократить популяцию мух, однако подтвердить возможность их полного истребления помешали мухи, залетающие на остров с материка.

И вот однажды Книплинг получил письмо от ветеринара Б. А. Биттера, проживавшего на острове Кюрасао в Нидерландской Вест-Индии. На острове мухи каллитроги губили коз и молочный скот, и Биттер просил совета, что делать. Раскрыв атлас, Книплинг увидел, что между Кюрасао и ближайшей суши пролегло по крайней мере 80

Узнав, что на острове Кюрасао от мух каллитрог гибнут козы, Книплинг завез туда стерильных самцов этого насекомого, и через некоторое время от вредителя не осталось следа.

километров водного пространства. Глаза его загорелись — он нашел природную лабораторию.

В своем письме Биттеру Книплинг предложил начать совместную программу исследований и указал, что стерильных мух будут разводить во Флориде и доставлять самолетом на Кюрасао. Биттер заручился согласием местного правительства, и 9 августа 1954 года программе был дан старт.

«В моей жизни это была самая захватывающая работа, — вспоминает Книплинг. — Ежедневно на остров выпускали 150 000 стерильных самцов. В конце каждой недели работавшие на Кюрасао исследователи составляли сводку, в которой выводился процент стерильных яиц, собранных в ранках на теле коз. Данные точно сходились с нашими теоретическими расчетами. Через три месяца на Кюрасао не осталось ни одной каллитроги. Мы доказали возможность полного уничтожения вредителя на протяжении лишь четырех поколений».

Услышав об успешном опыте на Кюрасао, флоридские скотоводы потребовали аналогичного мероприятия в своем штате. Задача была потруднее: площадь Кюрасао равно всего 440 кв. км, тогда как зона распространения каллитроги во Флориде и прилегающих штатах охватывала 130 000 кв. км. Благодаря совместным усилиям Министерства земледелия и Флоридской ассоциации скотоводов, под городком Сибринг, в перестроенном для этой цели

ангаре, вскоре открылась станция по разведению стерильных мух. В специальных садках самки откладывали яйца на теплое мясо. Вышедшие личинки в течение пяти дней вскармливались на мясном фарше с кровью, а затем зарывались в песок и окукливались. Куколок извлекали из песка, помещали в особые контейнеры и облучали в кобальтовой камере. Через восемь дней появлялись взрослые стерильные самцы.

За 18 месяцев с самолета было выпущено 2 750 000 000 каллитрог. К 1958 году во Флориде мухи исчезли, и операция была перенесена в Техас (обычно каллитроги в других штатах не водятся из-за климатических условий).

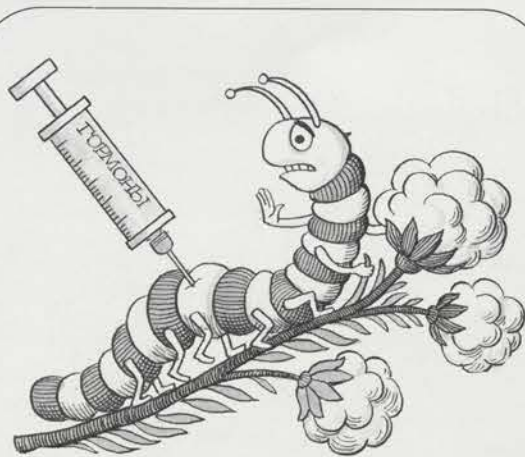
В настоящее время Соединенные Штаты ведут борьбу с каллитрогой в Мексике, в зоне, уходящей к югу от границ США на 500 км. Ежедневно здесь выпускают 175 миллионов стерильных самцов. В скором времени, в сотрудничестве с мексиканским правительством, мух будут выпускать все дальше и дальше на юг, пока вредителя не запрут в зоне Панамского канала. Пройдет, возможно, десятилетие, и каллитрога будет уничтожена окончательно.

Тем временем исследователи Министерства земледелия открыли, что методом стерилизации можно столь же успешно бороться с несколькими разновидностями плодовой мушки. Ведутся работы и в Африке, на одном из островов озера Виктория, где бригада Министерства земледелия США работает над программой уничтожения мухи цеце, сильно тормозящей экономическое развитие африканских стран.

Между тем Книплинг считает возможным выделение химического вещества, способного стерилизовать насекомых. Это заменит лабораторный метод разведения и облучения вредителей. Такими химическими веществами вредителей будут опылять в их природной среде, что обеспечит массовую стерилизацию и возможное истребление вредителя во втором поколении.

В подведомственных Книплингу лабораториях было сделано вообще много интересных открытий.

Исследователи установили, что избыток гормонов в организме насекомых препятствует их нормальному развитию. Так, живущие на ваточнике жучки, которым вводили гормоны, давали потомство с крыльями, наполовину меньше нормальных, и недоразвитыми половыми органами. Обработанные таким же методом мучные хрущачи

Введенная в организм вредителя повышенная доза гормонов нарушает нормальное развитие насекомого, и оно погибает, не оставив потомства.

развивались в промежуточную форму между куколкой и взрослым насекомым. Все недоразвитые экземпляры затем погибают, не оставляя потомства.

Нарушение состояния зимнего покоя насекомых также приводит многих из них к гибели. Потрясенные искусственным освещением или половыми аттрактантами, насекомые покидают свои зимние убежища и либо замерзают (так как весна еще не наступила), либо погибают от голода (поскольку растения, которыми они питаются, еще не проросли).

Половые аттрактанты открывают возможность успешной борьбы с реагирующими на них тараканами. Тараканов, выползающих из домовых щелей

Вредители, привлекаемые запахом созданных в лабораториях половых аттрактантов, будут покидать свои зимние убежища и погибать от холода и голода.

на запах аттрактанта, можно травить ядами, заманивать в ловушки или стерилизовать. (Ныне такие методы борьбы ограничиваются невозможностью получения аттрактантов в достаточных количествах.)

Возможно, одна из самых захватывающих исследований работ проводится сейчас под руководством д-ра Филлипа Каллахаана в лаборатории Министерства земледелия в Гейнсвилле (Флорида). Д-р Каллахан подозревает, что некоторым насекомым находить друг друга помогает инфракрасное излучение. Так, например, самец мотылька гелиофиса улавливает исходящее от самки инфракрасное излучение, генерируемое неким химическим веществом в ее организме. Каллахан также предполагает, что этот вид мотылька может опознавать посевы кукурузы или хлопчатника по типу исходящей от них радиации.

Если это так, то путем изменения таких радиационных сигналов в будущем, возможно, удастся помешать некоторым насекомым спариваться. Или, воспроизводя инфракрасное излучение, их можно будет заманивать в ловушки.

В разных частях света сотрудники Книплинга ведут поиски паразитирующих организмов, которые можно использовать в битве с насекомыми-вредителями, а то и с сорняками.

Не так давно исследователи обнаружили в Южной Америке разновидность крестоцветной блошки, питающейся так называемой аллигаторовой травой, которая засоряет водоемы и водные пути и на борьбу с которой Инженерный корпус армии США тратил миллионы долларов. Блошка, завезенная в США, теперь успешно борется с этим ги-

■ ■ ДЛ Я ИСТРЕБЛЕНИЯ ТЫСЯЧИ ВИДОВ ВРЕДНЫХ НАСЕКОМЫХ НАМ НУЖНО НАЙТИ НЕ ДЕСЯТЬ МЕТОДОВ БОРЬБЫ, А ТЫСЯЧУ ■ ■

дропитным сорняком, устраняя необходимость применения против него гербицидов. По-видимому, аллигаторова трава служит жучку единственным источником питания, так как он погибает, когда сорняк уничтожен. Полагают, что блошка ничем не угрожает другим полезным насекомым или растениям, однако Книплинг и его сотрудники, учитывая возможность нарушения экологического равновесия такими методами борьбы, принимают все меры предосторожности. В этом одна из причин, почему биологические методы борьбы с вредителями развиваются сравнительно медленно.

Поиск биологических методов уничтожения вредных насекомых отнюдь не означает, что химическим средствам, в конечном итоге, вообще не найдется места в этой борьбе. «Инсектициды доказали свою эффективность в борьбе с вредителями, — говорит Книплинг. — Главная беда в том, что инсектициды не селективны. Широкий диапазон их действия охватывает не только насекомых. Некоторые из них опасны для человека, другие — для рыб и диких животных, третьи — губительны для полезных насекомых и прочих организмов.

«Мы ставим себе целью разрабатывать варианты борьбы с вредителями. Если данный биологический метод не отличается селективностью, он нас не очень устраивает. Селективные химические методы так же хороши для достижения нашей цели, как и селективные физические методы, скажем, световые ловушки или звук, используемый как аттрактант. По своей природе большинство биологических методов селективны, тогда как большинство химических — нет. Но это вовсе не означает, что мы не можем разработать селективные химические методы борьбы — например, аттрактант или химическое вещество, которое нарушит нормальное гормональное развитие».

На мгновение Книплинг задумывается.

Насекомые подвержены тем же недугам, что и человек, — продолжает он. — Возьмем болезни. У человека их вызывают вирусы, бактерии или другие организмы. Насекомые тоже болеют, но, к счастью, организмы, вызывающие болезни у человека и животных, совершенно отличны от тех, которые поражают насекомых. Человеку не страшен ни один из вирусов, угрожающих насекомым.

«Этот фактор и является самым значительным в селективном методе борьбы с вредными насекомыми, так как он исключает всякую опасность для человека. Возьмем *Bacillus thuringiensis*. Она поражает личинку капустной совки, и ее можно выра-

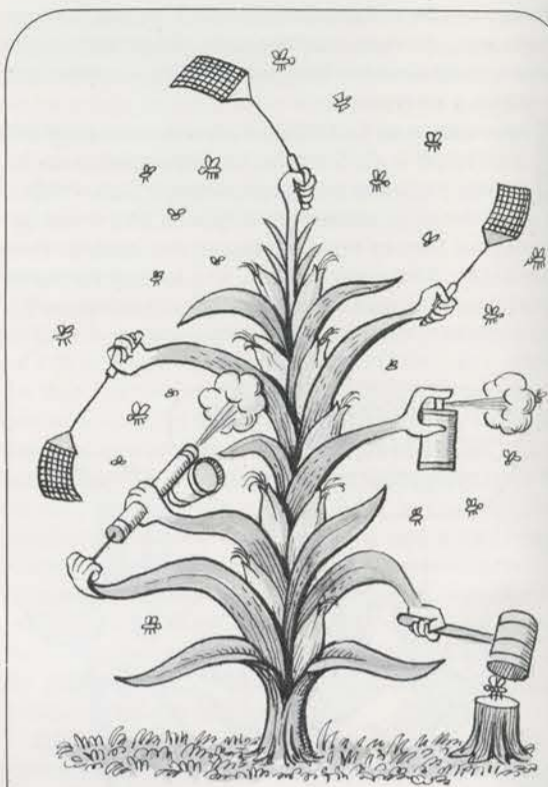
щивать в искусственной среде, как и пенициллин. Вы скажете, что эта бацилла — вредный, болезнетворный организм. Не спорю, но он вырабатывает также химическое вещество, которое ядовито для насекомого-хозяина. Итак, в руках у нас биологический метод, который убивает химически. Это один из примеров, почему мы не можем целиком исключить химическое оружие в борьбе с вредными насекомыми».

В качестве другого примера, — добавляет Книплинг, — возьмем растение, которое выработало защиту — токсическое или отталкивающее химическое вещество, приходящееся не по вкусу насекомым. Тут мы опять сталкиваемся с биологическим методом борьбы, видимо, осуществляемым химическим оружием».

В лабораториях Министерства земледелия уже освоен метод разведения вирусов, поражающих насекомых. В числе этих вирусов и возбудитель ядерного полиэдроза, способный истребить непарного шелкопряда, наносящего большой урон лесам, в особенности на северо-востоке страны. Как средство борьбы с вредителем этот вирус еще должен быть одобрен Министерством земледелия, а затем представлен Управлению по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов для получения лицензии на право его коммерческого использования. В борьбе с японским жучком эффективно действует *Bacillus popilliae*, поражающая его личинки. В Браунсвилле (Техас) в лаборатории Министерства земледелия выведен новый штамм *Bacillus thuringiensis*. Эта разновидность, видимо, действует эффективнее бациллы того же вида, применяемой в настоящее время в борьбе с капустной и хлопковой совками и другими чешуекрылыми вредителями.

«Когда мы говорим о селективных методах борьбы — биологических или химических, — мы имеем в виду борьбу с данными насекомыми без нанесения вреда другим, — говорит Книплинг. — Это означает, что для истребления тысячи видов вредных насекомых нам нужно найти не десять методов борьбы, а тысячу. Именно поэтому поиск усложняется во много раз, так как искать надо не общего решения проблемы, а специфического».

Исследователи продолжают поиски лучших, высокоселективных и безвредных для человека и животного мира химических средств борьбы с вредителями. Одновременно, благодаря усовершенствованию средств применения ядохимикатов, понижается степень загрязнения ими природной среды.

Эффективным оружием человека в борьбе с вредителями могут стать химические вещества, вырабатываемые некоторыми растениями для защиты от насекомых.

Так, применение на опрыскивателях новых распылительных наконечников дает туманообразный распыл, вследствие чего опрыскивание данного участка требует меньшего количества ядохимиката. Жуки, поражающие голландский ильм, погибают в больших количествах, если их опрыскивать не с земли, а с вертолета: пестицид задерживается в разветвлениях деревьев, и его меньше теряется в атмосфере.

Если бы ДДТ не был открыт, уровень биологических исследований был бы значительно выше, так как на них сосредоточились бы главные усилия. Книплинг, однако, отказывается присоединиться к тем, кто ополчился на ДДТ. Он по-прежнему считает ДДТ величайшим благом человечества.

«Мне кажется, мы признали вред ДДТ с некоторым запозданием, — говорит Книплинг. — Я также считаю, что мы были не очень дальновидными, направив все наши усилия на разработку ядохимикатов. Но без ДДТ мы понесли бы огромные потери в деньгах и урожаях. Много людей погибло бы от малярии и других болезней. И все же, мы сознаем теперь, что ДДТ далеко не панацея».

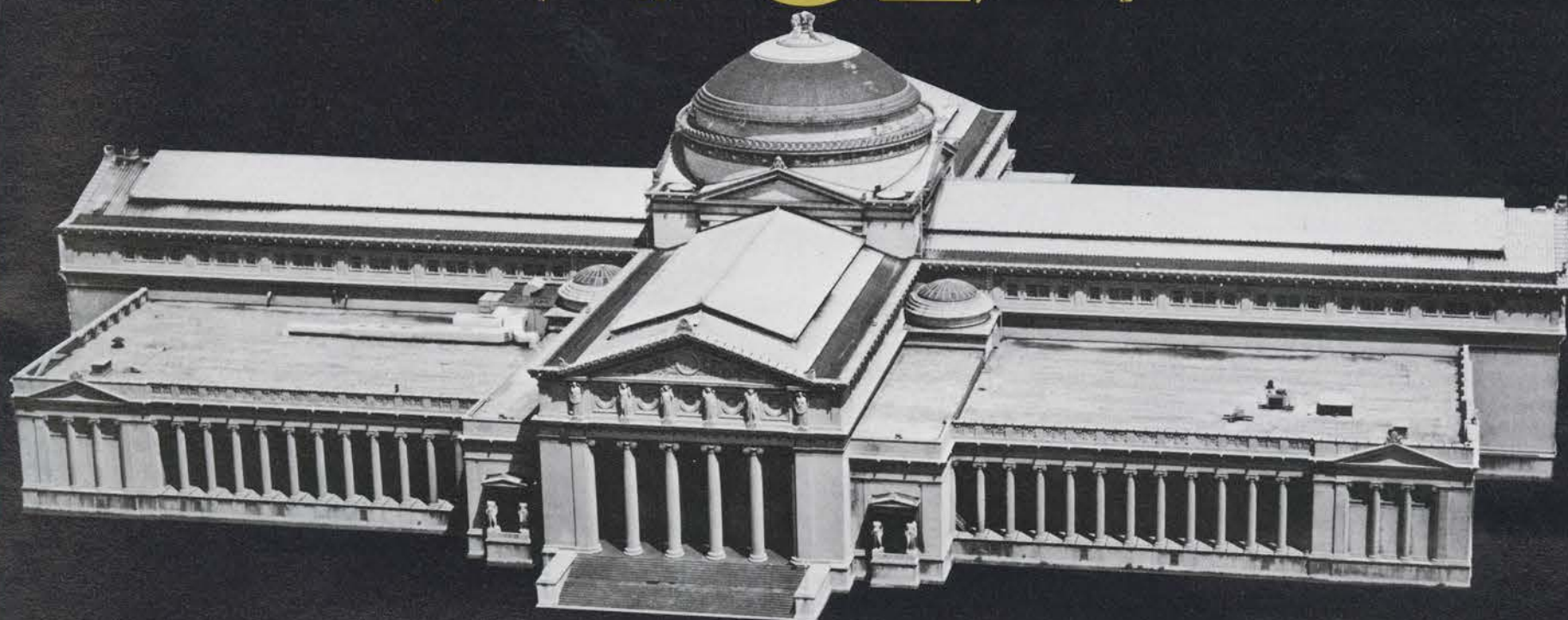
Проблему борьбы с вредителями окончательно решат, возможно, такие пестициды, как ДДТ в комбинации с бесчисленным множеством других средств, разрабатываемых в настоящее время. Непросто в Белтсвиллском исследовательском центре теперь все чаще и чаще слышится термин «интегрированная борьба».

Книплинг считает, что методы борьбы с вредными насекомыми, в особенности методы селективные, могут быть использованы в борьбе с вредителями другого типа — голубями, скворцами, крысами. «Принцип налицо, потенциал тоже, — говорит Книплинг. — Что же касается насекомых-вредителей, то рано или поздно наука найдет средства уничтожения всех главных их разновидностей. Это лишь вопрос времени».

В борьбе с вредителями могут быть использованы патогенные организмы, вызывающие смертельные болезни у насекомых, но безвредные для людей и животных.

МУЗЕЙ

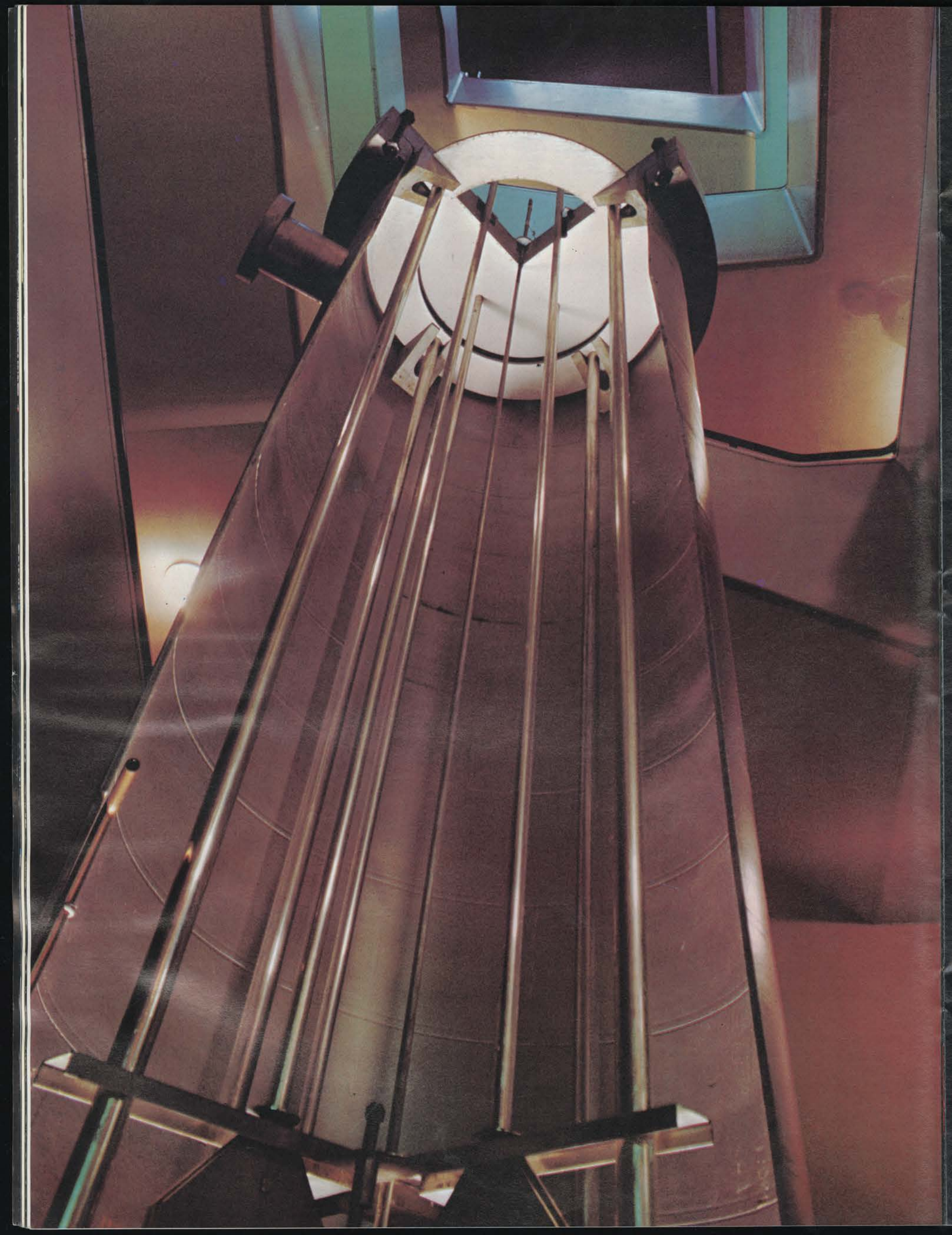

НАУКИ И ТЕХНИКИ

По внешнему виду чикагский Музей науки и техники можно причислить к архитектурным памятникам прошлого, зато внутри, в его выставочных залах, собраны последние технические достижения нашего века. Среди его замечательных экспонатов, которые посетителям рекомендуют попробовать, есть двигающиеся и говорящие, светящиеся и искрящиеся, поющие и свистящие. Все они представляют собой машины, инструменты и предметы комфорта сегодняшнего и завтрашнего дня. Каждый экспонат снабжен соответствующим подробным описанием, чтобы посетитель имел представление о его прошлом и о его связи с настоящим. Вот что сказал о назначении музея его куратор Даниэл М. Макмастер: «Мы хотим, чтобы публика во всем принимала участие. Ведь музей — это образовательный центр, при-

надлежащий людям, о чем и гласит наш девиз: «Наука познает законы природы, а промышленность применяет их для нужд человека».

Такого принципа музей придерживается с самого его основания в 1926 году. Выставки музея отличаются своей полнотой. Посетителям не показывают отдельные предметы, а дают возможность проследить последовательное развитие каждого экспоната. Музей заслуженно пользуется репутацией одного из самых замечательных в стране, чуть ли не главной достопримечательности Чикаго, и в год его посещают свыше 3 000 000 человек. Вход в музей бесплатный. Демонстрируя стадию экспериментирования и затем осуществленные проекты, музей отражает роль науки и техники в деле прогресса. О некоторых выставках, организованных в этом музее, расскажут показанные здесь снимки.

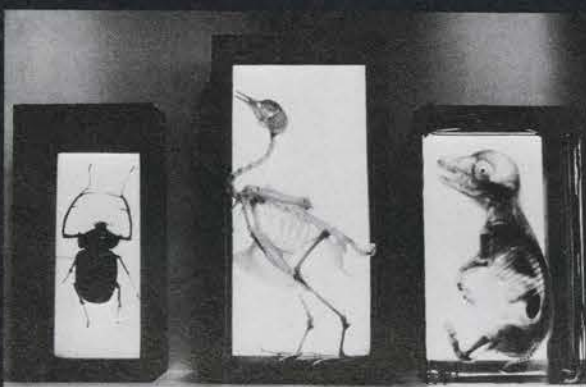
Модель атомного реактора занимает центральное место в отделе «Атомная энергия», где на площади в 500 кв. метров экспонируются достижения науки в области использования энергии атомного ядра.

Помимо постоянной выставки, музей регулярно устраивает временные экспозиции; так, например, здесь жители Чикаго ознакомились с выставкой «Фото СССР-70», которая в порядке культурного обмена посетила США.

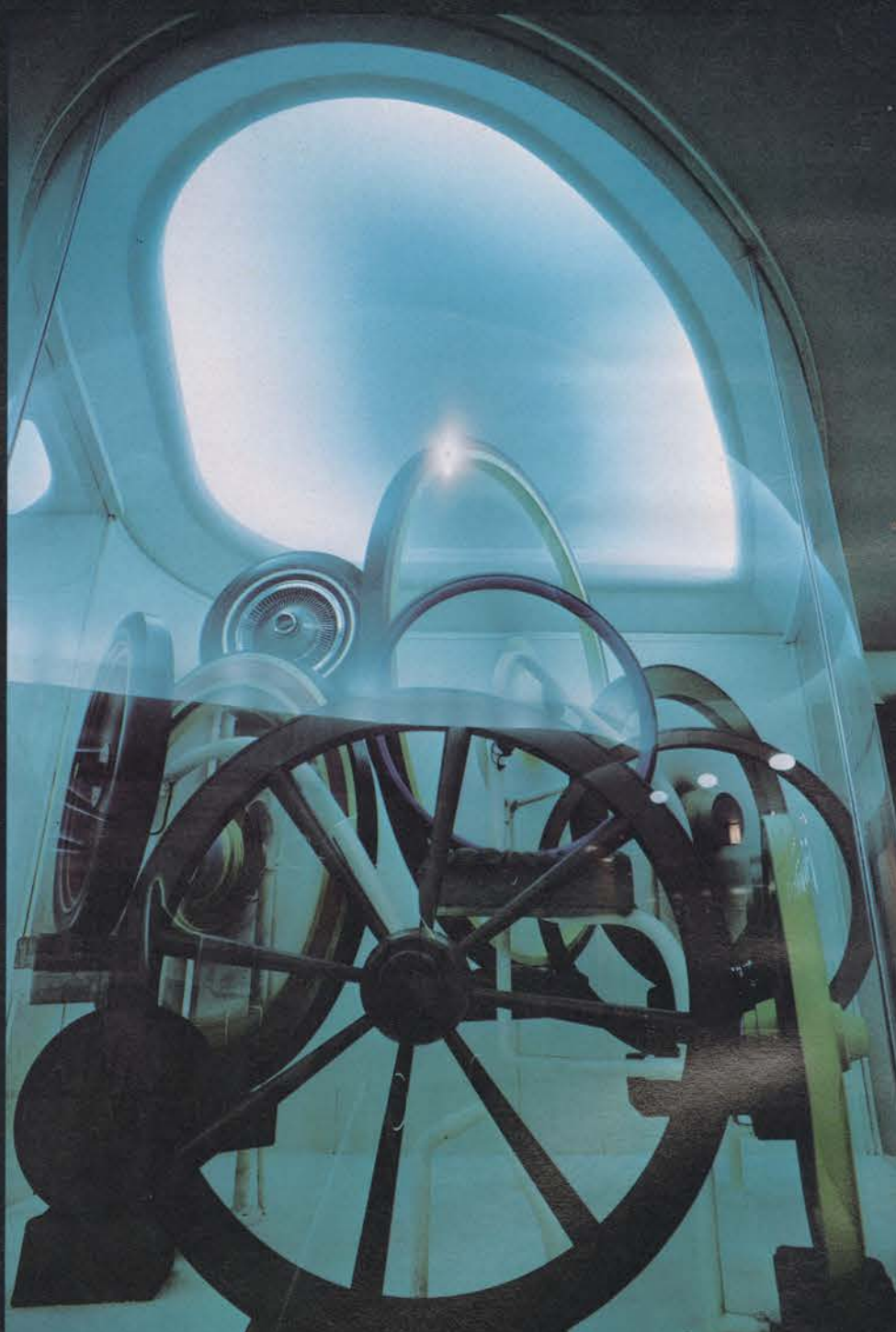
Щелкающий и сверкающий куб, который состоит из 512 лампочек, наглядно демонстрирует математические действия. Нажимая кнопки на пульте управления, посетитель «видит» процесс умножения и возведение числа в квадрат и куб.

Экспонаты, представляющие три класса животного мира — насекомых, птиц и млекопитающих, — служат отличным пособием для изучения зоологии. На фото один из разделов выставки «Медицинское образование».

Отдел «Воздушный транспорт» посвящен развитию авиации США с 1926 года до наших дней. Экспонируемый здесь самолетный двигатель показывает в замедленном темпе, как поршни приводят в движение коленчатый вал.

Отдел «Моторама» рассказывает о развитии автомобильной промышленности, начиная с эволюции колеса (вверху). Другие экспонаты поясняют структуру автомобиля и электронных автомагистралей, а также знакомят посетителей с подготовкой специалистов.

Робот в «Зале связи» демонстрирует прокладку кабеля. Посетители одновременно слушают записанные на магнитной ленте пояснения, которые сопровождаются графическим изображением телефонной связи.

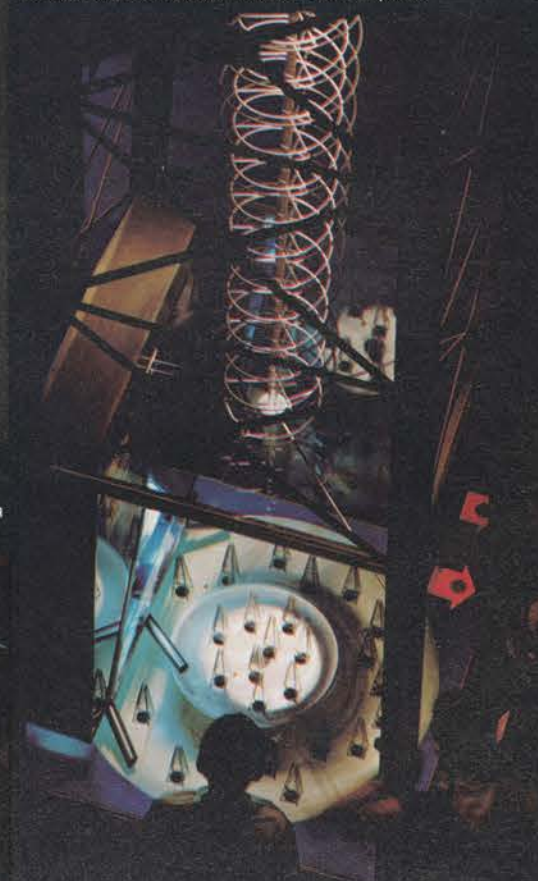
Гигантская стиральная машина с прозрачными стенками, вмещающая 2650 литров воды, показывает процесс автоматической стирки белья. Это один из экспонатов отдела «Домашняя стирка».

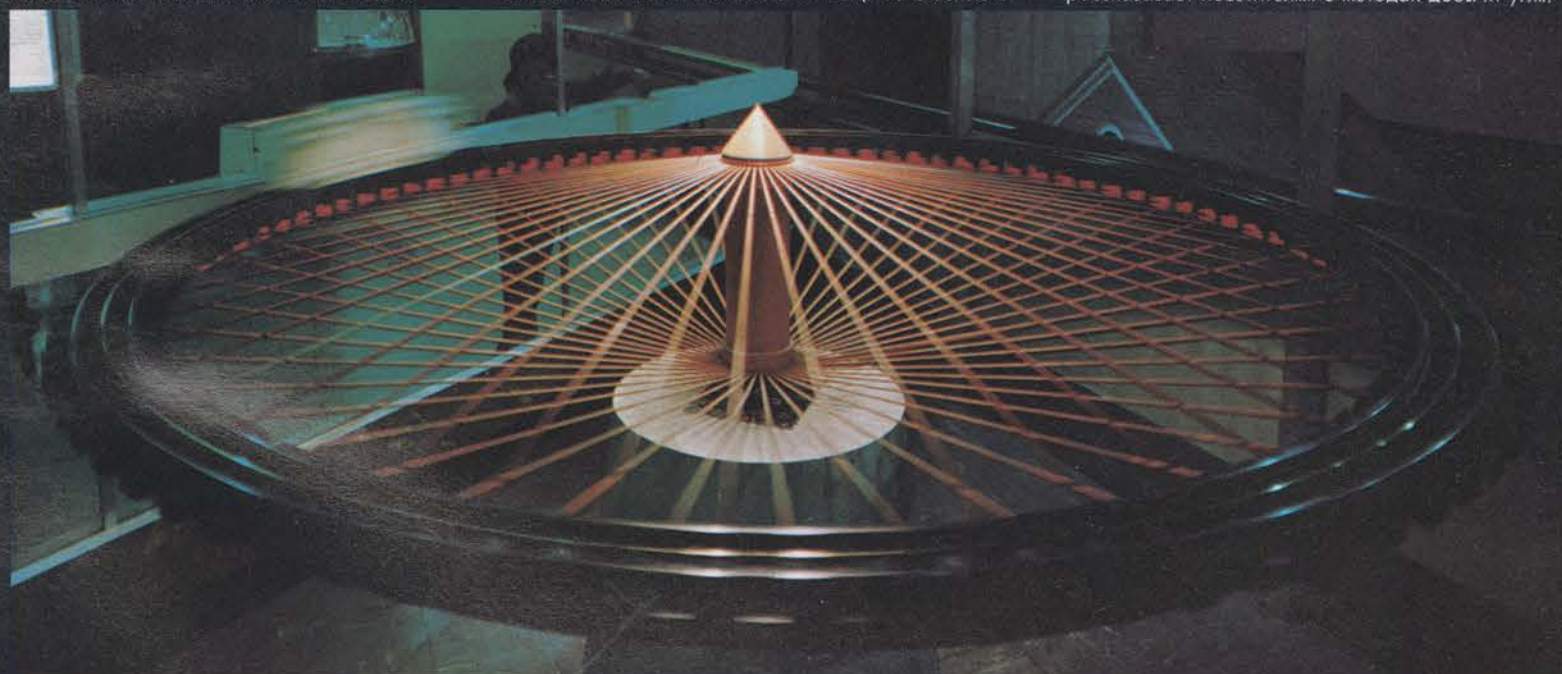
Аэропланы прошлого размещены на галерее музея. Слева направо: модель биплана времен Первой мировой войны, моноплан 1913 г. и почтовый самолет 1920-х годов.

Работа анестезиолога во время операции представлена натуральной величины макетом операционной, где роль персонала исполняют менекены-роботы. Это один из экспонатов выставки «Борьба с болью».

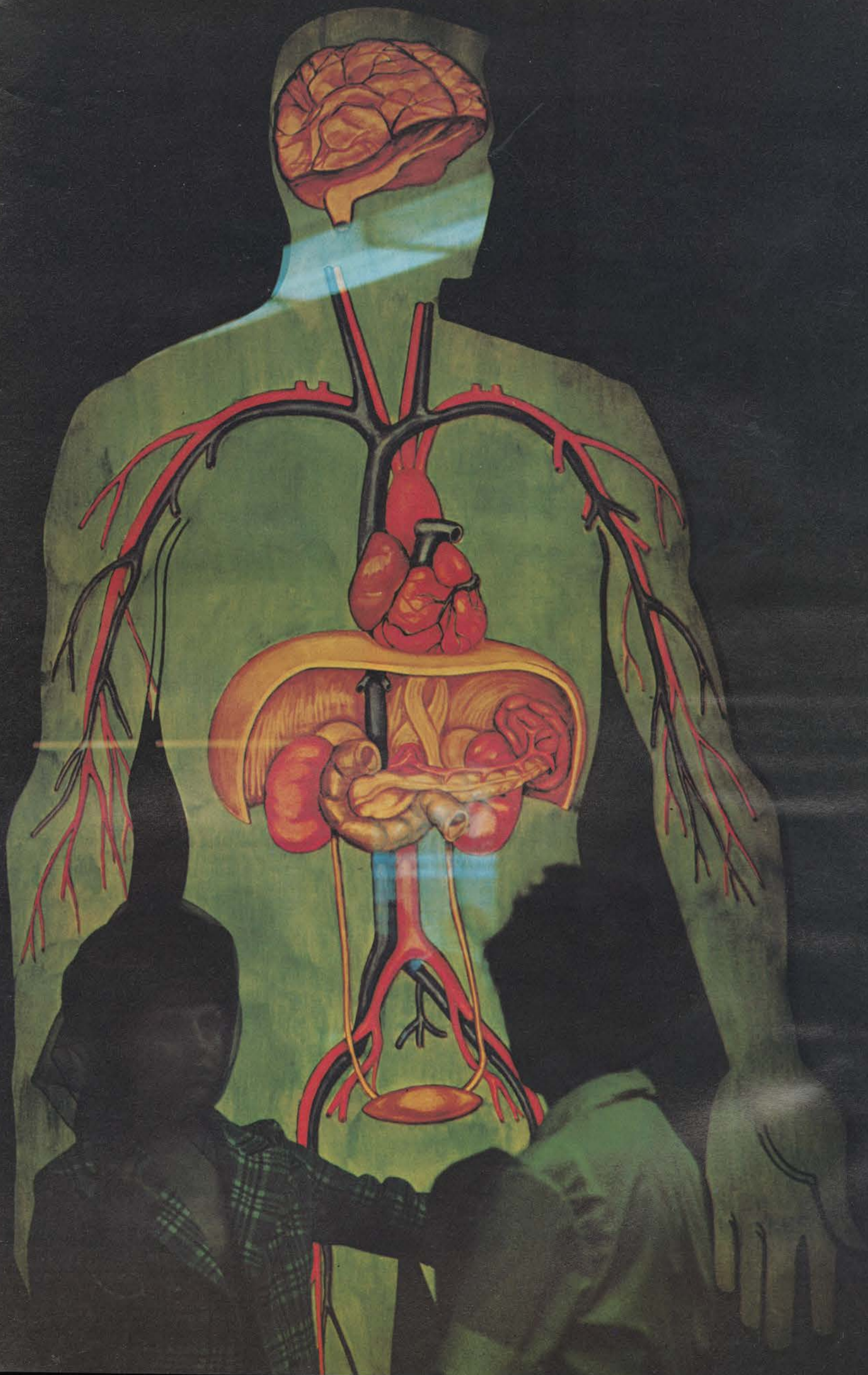

В отделе «Горючее» посетители получают возможность добывать нефть из искусственной нефтяной скважины. Здесь же находится и макет шахты, где гид рассказывает посетителям о методах добычи угля.

Светящееся колесо доказывает закон действия и противодействия. По смонтированным на ободе колеса рельсам движется вагонетка. Когда вагонетка останавливается или начинает двигаться, рельсы приходят в движение с такой же силой, но в противоположном направлении.

Человеческий организм в разрезе. Здесь посетитель получает возможность наглядно убедиться в важности правильного питания: он видит, как каждый орган усваивает пищу, необходимую для поддержания жизненных процессов.

Красный с синими и белыми цветочками комплект с белым бантом (слева) может, когда того требуют обстоятельства, служить нарядным праздничным платьицем (крайний снимок слева), а через час превратиться в костюм для игр. Для этого нужно всего-навсего снять бант и надеть брюки.

В нарядах маленькие девочки обожают подражать своим матерям.

Беда лишь в том, что образ жизни детей — лазанье по деревьям, игры с мячом, катание на велосипеде — препятствует этому.

Но когда появились женские костюмы с брюками, модельеры нашли блестящий компромисс.

Детские комплекты с брюками удобны, элегантны и прочны.

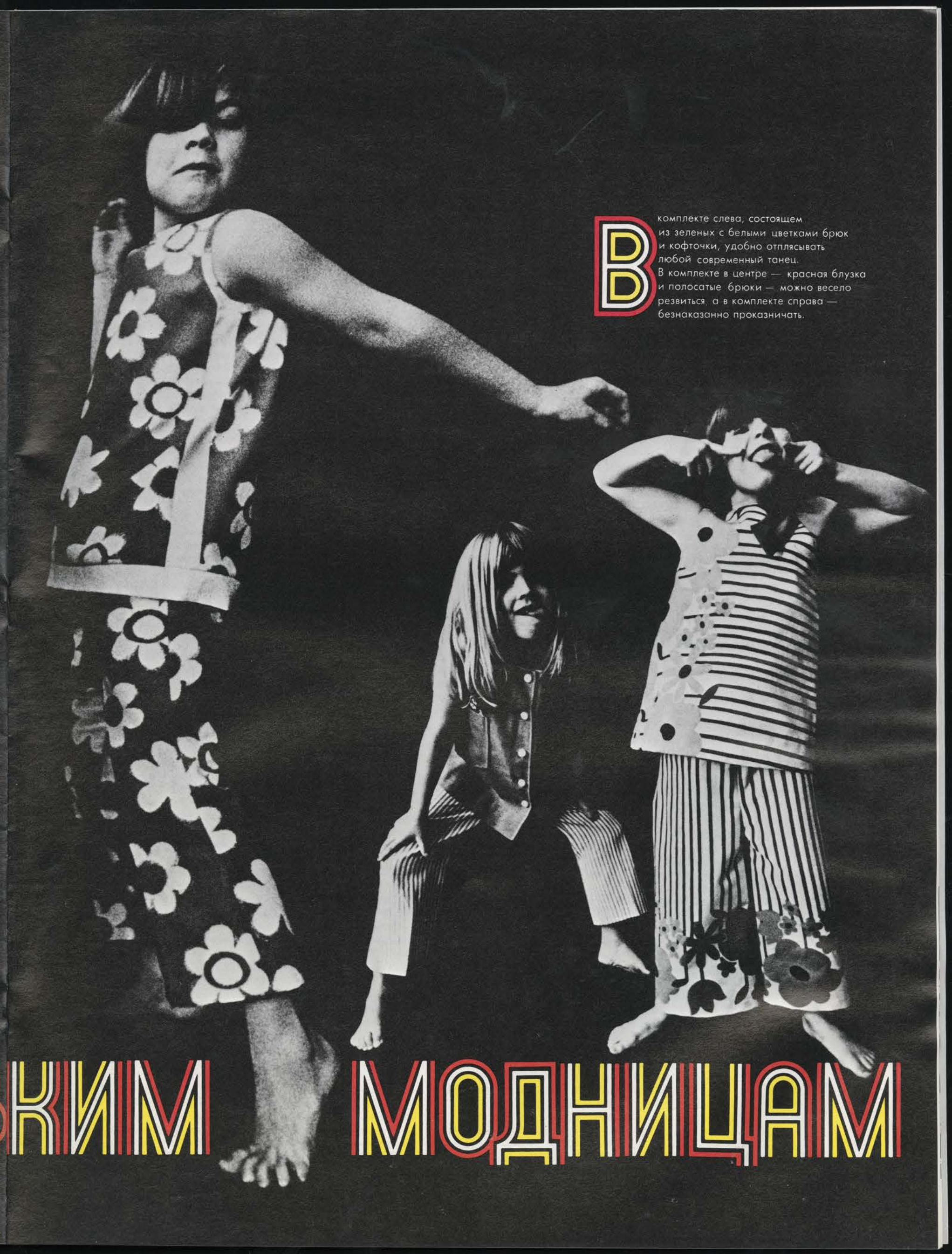
В них можно играть, ходить в школу и в гости.

Состоят они из кофточки (или блузки) и брюк с пестрой окраской и игривым узором.

Маленькие модницы чувствуют себя привольно в нарядах «совсем как у мамы».

ФОТО ДЖОРДЖА ЭЛЛИОТА
С разрешения журнала «Лук»

МАЛЕНЬ

В комплекте слева, состоящем из зеленых с белыми цветками брюк и кофточки, удобно отплясывать любой современный танец. В комплекте в центре — красная блузка и полосатые брюки — можно весело резвиться, а в комплекте справа — безнаказанно проказничать.

КИМ

МОДНИЦАМ

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

Несколько месяцев тому назад мы поместили в нашем журнале (см. № 171) статью Роберта Таунсенда, в которой автор подвергает непочтительной критике один из главных институтов Америки — корпорацию. Подобной жестокой критике подвергаются теперь все учреждения и организации в Соединенных Штатах. Мы предоставляем слово Питеру Ф. Друкеру, который заострил свой критический взор на крупнейшем американском институте — на правительстве. В помещенной здесь (с сокращениями) главе из книги «Век разрыва» Друкер обсуждает ряд недостатков работы правительственного аппарата. Профессор Друкер читает курс делового администрирования в Нью-Йоркском университете. Он хорошо известен и как автор многих книг на политические и экономические темы, и как один из ведущих консультантов крупных корпораций по вопросам техники управления.

Никогда еще власть правительств не была столь всеобъемлющей. Подобная картина наблюдается во всем мире. Но так ли уж правительства сильны? Или они просто поражают своими размерами?

Постоянно убеждаешься, что правительственный аппарат скорее слишком громоздкий, чем сильный, что он раздутый и дряблый, а не мощный; что содержание его стоит очень дорого, а результаты его деятельности не ахти какие. Постоянно убеждаешься, что рядовые граждане доверяют правительству все меньше и меньше. Нечего говорить: правительственный организм болен — и это когда все мы нуждаемся в сильном, здоровом и жизнеспособном руководстве.

У нынешней молодежи мало уважения к властям, а любви к ним и того меньше. Но все больше разочаровываются в правительстве и взрослые налогоплательщики. Они ожидают от него очень многого, но близится тот час, когда они откажутся содержать его непрерывно разбухающий аппарат.

Разочарование в правительстве не знает ни национальных границ, ни идеологических различий. Эта неудовлетворенность может легко привести к возникновению наиболее глубокого разрыва в окружающем нас мире, разрыва, отражающего то резкое изменение в настроениях и взглядах, которое отличает нынешнее поколение от предыдущих. В недалеком еще прошлом население, особенно в передовых странах, находилось под гипнозом всемогущества правительства.

Но теперь наши взгляды меняются. Мы все еще по привычке поручаем решение социальных проблем государству. Мы все еще вновь и вновь пересматриваем провалившиеся программы и продолжаем утверждать, что в них нет неисправимых недостатков, — лишь бы нашлись «компетентные администраторы» и правильные подходы к проведению этих программ. Однако мы уже сомневаемся в правоте таких утверждений, если программа после троекратной попытки ее проведения все равно не дает желательных результатов.

Чем же объяснить разочарование в существующем институте власти?

Мы ожидали чудес, а несбывшиеся надежды всегда разрушают иллюзии. Общество глубоко (хотя, в сущности, лишь подсознательно) верило, что правительство без каких-либо затрат сумеет добиться блестящих результатов. Стоимость любого мероприятия, считали мы, зависит от людей, его проводящих, а не от того, какие перед ними поставлены цели.

Так, введя у себя в стране «бесплатное медицинское обслуживание», англичане были уверены, что лечение вообще никому ничего не будет стоить. На деле же медицинская помощь, конечно, оплачивается — и притом вперед. Кто-то ведь должен платить жалованье медсестрам и врачам, содержать больницы, оплачивать лекарства и т. д.

Я ни в какой мере не возражаю против подобных систем обслуживания населения. Только путем «массового финансирования» возможно обеспечить каждому то, что ему положено иметь. Не обязательно должно быть такое обслуживание неэффективным, но оно отнюдь не «бесплатное». За него приходится платить — и платить немало, поскольку оно должно обеспечивать непредвиденные случаи и выплачивать страховые пособия всем и каждому, хотя на деле только меньшинство обычно нуждается в какого-либо рода помощи. Неслучаен потому тот факт, что наиболее экономной и эффективной системой медицинского обслуживания оказывается не «бесплатная» британская служба здравоохранения и не американский «медикэр», а значительно более старая немецкая система социального страхования. Каждый житель Германии обязан застраховаться и уплачивать взносы в фонд медицинской помощи. Но ему при этом предоставляется широкий выбор различных страховых планов — как общественных, так и частных.

Взносы по этим планам, по существу, представляют собой вид прину-

дительных сбережений и налогов, которые каждый должен платить, хочешь ли он того или нет. В этом и состоит логика системы. Но, как бы это ни было очевидно, в последние пятьдесят лет большинство людей слепо верит в то, что государство может, каким-то неведомым путем избежав всех расходов, безвозмездно предоставлять значительные льготы. И до сих пор не изжит старый миф, будто государственное распределение материальных благ способно привести к решению экономических проблем, вытекающих из недостаточно высокой производительности.

Это убеждение, по сути дела, составляет лишь один из аспектов более широкого заблуждения, во власти которого находились, главным образом, многие интеллектуалы, считавшие, что стоит лишь передать какой-либо вопрос в ведение государства, как все конфликты и необходимость принятия решений сами собой исчезнут. Достаточно, мол, покончить с «недобросовестными частными интересами» — и правильный образ действий сам зародится на основе «фактов», а логичные решения выкристаллизуются автоматически. Никто не станет действовать из эгоистических соображений, и никого не будут обуревать политические страсти. Вера во всеислие правительства, по существу, была романтическим бегством от политики и ответственности.

Одной из основных причин такого убеждения была ненависть к тому, что называется «бизнесом», ненависть к прибылям и, в первую очередь, к богатству. Другой — и более опасной — причиной был отказ от принятия на себя ответственности за вынесение решений, что и сыграло такую важную роль в возникновении фашизма и нацизма, увлекших многих в других отношениях вполне трезвых и рассудительных людей. В 1940 году Эрик Фромм в своей первой книге назвал это явление «бегством от свободы».

То, что здоровый личный интерес может основываться и не на денежной корысти и что конфликты могут возникать не только на финансовой почве, но и на стремлении к ценностям иного порядка, просто не приходило в голову людям поколения 1930-х годов. Им представлялось, что наступлению золотого века препятствуют лишь эгоистические экономические вожеления. Влияния фактора власти они не замечали, хотя такую близорукость трудно себе представить, а понять и вовсе невозможно. Описанная Ч. П. Сноу в книге «Хозяева» (1951 г.) борьба за власть, развернувшаяся в маленьком «альтруистичном» и «бескорыстном» обществе одного из колледжей Кембриджа или Оксфорда, глубоко шокировала поколение, воспитанное в твердой вере, будто конфликты всегда вызываются корыстными интересами и могут быть устранены лишь путем ликвидации частных прибылей — иными словами, национализацией.

Не нужно быть сторонником свободного предпринимательства, — а капитализма и подавно, — чтобы увидеть всю несостоятельность такого аргумента. Но логика имеет мало общего с убеждением, что национализация частной собственности представляет собой панацею от всех бед. Вывод строился весьма упрощенно: «Частное предпринимательство и прибыли — зло, следовательно, обобществление собственности — благо». Возможно, что с первой частью этого вывода мы порой готовы согласиться, зато вторую часть мы уже не в состоянии принять на веру.

Отказ от политической ответственности и нежелание брать на себя бремя решений — явления, однако, еще весьма распространенные. В самом деле, молодежь сегодня стремится отмежеваться решительно от всего, внушая страх своей попыткой возродить то самое чувство отвращения к ответственности, которое 40 лет назад сделало молодое поколение столь восприимчивым к обещаниям и лозунгам тоталитаризма.

Но никто, и особенно молодежь, теперь не верит в то, что после передачи всей ответственности государству исчезнут якобы все конфликты, все проблемы и необходимость в принятии решений. Наоборот, само государство стало в глазах молодежи одним из самых порочных носителей «привилегированных интересов». Да и из старшего поколения мало кто еще считает, что подчинение всей политической жизни государству приведет к установлению золотого века.

Действительно, большинство из нас сегодня прекрасно сознает, что подчинение какой-либо отрасли деятельности ведению государства лишь порождает конфликты, создает особые и корыстные интересы и усложняет решения. Мы понимаем, что, передавая ответственность за какое-либо дело властям, мы тем самым придаем ему политическую окраску, а никак ее не устраняем. Когда зимою 1968 года в Нью-Йорке вспыхнула забастовка уборщиков мусора, многие либералы серьезно предлагали поручить уборку мусора «частной инициативе» в целях «смягчения напряжения».

Главная причина разочарования, однако, заключается в том, что государственная машина просто не способна продуктивно работать. Итоги ее деятельности за последние 30—40 лет оказались весьма плачевными. В роли руководителя промышленности государство выступает до-

Авт. права: Питера Ф. Друкера, 1968 и 1969 гг. Изд-во «Харпер энд Роу».

вольно неудачно. Немногим лучше обстоит дело и с планированием.

Но самое сильное разочарование вызвал провал идеи «государства общего благосостояния». Большинство людей хочет пользоваться социальными услугами и бытовыми преимуществами, предоставляемыми современным зажиточным индустриализованным обществом. Однако государство общего благосостояния обещало много больше, чем обеспечение социальных услуг. Оно обещало создать новое счастливое общество, высвободить творческие силы, уничтожить уродливые стороны жизни, искоренить зависть и вражду. Как бы, однако, хорошо оно ни справлялось со своими задачами — а в ряде стран в некоторых областях оно кое-с чем и в самом деле справляется прекрасно, — государство общего благосостояния все же, в лучшем случае, больше всего походит на громадное страховое общество, столь же стимулирующее, столь же созидательное и вдохновляющее, каким по своей природе может быть страховое общество. Никто еще до сих пор не извлек готовности во имя страхового полиса пожертвовать своей жизнью.

Компетентная посредственность — вот то лучшее, что сумела нам обеспечить власть в государстве общего благосостояния. Но часто дело обстоит еще хуже: нам навязывают такую бестолочь, какую не потерпело бы ни одно страховое общество. В каждой стране имеются подведомственные государству отрасли деятельности, где, несмотря на высокие расходы, правительству удается добиться очень малого. Это справедливо не только в отношении хаотического положения больших городов, с которым никогда не справлялось ни одно бюрократическое управление. Это наблюдается и в народном образовании, и в области транспорта.

Не буду утверждать, что мы, американцы, особенно бездарны в области общественного управления, но едва ли мы в этом отношении обладаем особыми талантами. Мы, возможно, просто чувствительнее других к головотяпству и самонадеянности бюрократов, потому что до недавнего времени их у нас было меньше, чем в других странах.

За последние три десятилетия федеральные субсидии, выделяемые большим городам для проведения всевозможных программ, увеличились почти в сто раз, а результаты таких невероятных ассигнований оказались чрезвычайно маловнушительными. Зато внушительной показала себя бестолковость администрации. Городскими проблемами у нас теперь занимается в десять раз больше государственных учреждений, чем в 1939 году. Тысячекратно, а возможно и еще больше, возросло у нас количество формуляров и отчетных ведомостей, подлежащих заполнению, прежде чем что-либо может быть предпринято в городе.

Административная волокита, однако, — явление, характерное не только для Америки. Пресса почти всех индустриально высокоразвитых стран жалуется на такую же неразбериху, такую же бесплодность усилий, такое же разрастание учреждений, программ и формуляров и такое же торжество правил бухгалтерского учета над конкретными результатами. Соревнование между ведомствами повсюду заменяет желание добиться результатов и готовность принять на себя ответственность.

Современный аппарат управления стал неуправляемым. В наше время нет государственного аппарата, хоть как-то способного руководить порожденной им бюрократией и всевозможными агентствами. Все государственные учреждения постепенно становятся автономными, самодовлеющими организациями, движимыми жаждой власти и собственным узким кругозором, а не интересами национальной политики и директивами своего прямого начальства — правительства страны.

Все это ставит под угрозу самую способность правительства осуществлять свои основные прерогативы: руководить и управлять. Разработка основных установок становится все более фрагментарной; люди, разрабатывающие эти установки, изолированы от тех, кто должен проводить установки в жизнь. Выполнение поставленных задач осуществляется по инерции, приводящей в движение крупные бюрократические империи, а не в согласии с политическими установками. Бюрократы делают то, что им предписывают процедурные правила. Они чисто по-человечески склонны отождествлять то, что служит интересам их учреждений, с тем, что действительно нужно сделать, и то, что административно удобнее, с тем, что целесообразно. Вот почему власть в государстве общего благосостояния не может устанавливать очередности решений. Она не может разумно использовать свои громадные ресурсы.

Величайшее достижение современного государства, каким оно выкристаллизовалось в XVII и XVIII веках, заключалось в его способности обеспечивать единое политическое руководство. Продолжавшаяся 300 лет великая конституционная борьба велась за установление контроля над властью центрального правительства в сплоченном и объединенном государстве. Однако создавшийся в результате этого политический орган, независимо от того, как он в отдельных странах избирается, больше такого контроля не осуществляет.

А между тем, крепкая, энергичная и подлинно действенная власть нужна в нашем чреватом опасностями мире теперь больше, чем когда бы то ни было.

Нам нужно правительство, которое служило бы центральным институ-

том власти в плюралистическом обществе множества организаций. Нам нужен орган, выражающий общую волю и общее видение будущего, способный обеспечить каждой организации возможность вносить ценный вклад на пользу всего общества и отдельных его членов и в то же время выражать общие чаяния и веру в общие идеалы. Нам нужны сильные и действенные правительства и для сотрудничества в сфере международной. Мы должны, пожертвовав известной долей суверенитета, создавать дееспособные сверхнациональные организации для упорядочения мировых общественных и экономических отношений. Важнейший урок истории последних 50 лет заключается в раскрытии той истины, что правительство не должно быть «исполнителем».

Задача правительства — выносить основные решения и обеспечивать их эффективное проведение в жизнь, мобилизовать политическую энергию общества, остро ставить вопросы и указывать основные пути выбора решений. Иными словами, задача правительства — управлять.

А это, как мы знаем по опыту других общественных институтов, несовместимо с процессом «исполнения». Всякая попытка сочетать процесс управления с процессом «исполнения» в широких масштабах парализует способность выносить решения. Всякая попытка заставить органы, ответственные за принятие решений, заняться конкретным «исполнением» приводит к весьма печальным результатам. Они не созданы для «исполнения». Не приспособлены к этому. И, в основном, это не их задача.

Недаром военные руководители, гражданские администраторы и заведующие больницами, в поисках идей, принципов и практических решений, устремляют сегодня свои взоры на руководство промышленностью. Ибо промышленности и деловым кругам — тому сектору, который в Америке охватывается общим понятием «бизнес», — в более мелком масштабе, конечно, приходилось за последние 30 лет все время сталкиваться с той же проблемой, с которой сталкивается и современное правительство: несовместимость «управления» с «исполнением». Промышленно-деловое руководство поняло, что эти два процесса следует строго разграничить и что высший орган управления, выносящий решения, не должен вмешиваться в процесс «исполнения». Иначе он перестает принимать решения, и никакого «исполнения» не получается.

В деловом мире такое распределение функций называется «децентрализацией», термином довольно туманным. Это как будто ведет к ослаблению центрального органа: высшего руководства учреждения. На самом деле цель децентрализации как структурно-конституционного принципа состоит в том, чтобы сделать центр (главное управление организации) наиболее действенным и способным к выполнению центральной задачи — то есть к руководству на верхах. А для этого необходимо обеспечить этому центру возможность сосредоточить все внимание на принятии решений и управлении, а ответственность за «исполнение» возложить на оперативных руководителей, с определением для каждого из них соответствующих задач и сфер действия, а также с предоставлением им автономии.

Если бы правительство учло этот опыт, то другие общественные институты занялись бы — как им и надлежит — «исполнением». «Децентрализация» в применении к аппарату государственной власти не привела бы к некоей новой форме «федерализма», при котором ответственность за «исполнение» всего лишь перекладывается с центральных органов управления на местные власти. Она выразилась бы в планомерной политике привлечения других — негосударственных — учреждений в обществе организаций к процессу «исполнения», то есть к выполнению конкретных задач, операций и действий. Такую политику можно было бы назвать «возвратом к частной инициативе».

Политическая теория и социальная теория в течение последних 250 лет были строго отделены друг от друга. Если бы мы приложили к структуре власти и общества все то, что мы узнали за последние полвека о принципах организации, то обе теории вновь бы слились воедино. Негосударственные учреждения (например, университеты, деловые предприятия, больницы) рассматривались бы как органы что-то производящие. А правительство стало бы для общества центром, формулирующим основные цели, «дирижером» хора многообразных элементов общественной структуры.

Я сознательно воспользовался термином «дирижер». Будет, кажется мне, вполне уместным сравнить сегодняшнюю ситуацию с создавшимся лет двести тому назад положением в мире музыки. Господствующей фигурой в музыкальном мире XVIII века был органист-виртуоз, в особенности на протестантском севере Европы. В органной музыке, — так, как ее исполняли Букстехуде или Бах, — один инструмент и один музыкант передавали всю полноту музыкального выражения. Но для этого от исполнителя требовалось чуть ли не сверхчеловеческое мастерство.

К концу XVIII века, однако, органист-виртуоз постепенно исчез. Место его занял современный оркестр. Каждый инструмент в оркестре исполняет только свою партию, а стоящий впереди дирижер, согласно партитуре, сочетает звуки всех этих разнородных и разноголосых инструментов в единую гармонию. Таким образом, то, что казалось ранее

пределом возможностей музыки, перестало быть таковым. Уже маленький оркестр Гайдна намного превосходил возможности великих органистов предыдущего века.

Сам дирижер не играет ни на одном инструменте. По сути дела, он даже и не должен уметь играть. Его задача — знать диапазон каждого инструмента и уметь добиваться лучшего исполнения от каждого музыканта. Не будучи «исполнителем», он является «дирижером». Он не «исполняет», он управляет.

Передача частной инициативе процесса «исполнения», то есть выполнения заданий общества — вот что, возможно, станет следующим важнейшим шагом в развитии политической жизни, который позволит нашим изнуренным государственным аппаратам снова стать эффективными. Это отнюдь не означает обязательного возврата к «частной собственности» и осуществимо и в социалистическом государстве, как в Югославии, где мы наблюдаем частную инициативу без возврата к частной собственности. Мы видим автономные предприятия, согласующие свою деятельность с условиями товарного, рабочего и денежного рынков. То обстоятельство, что они могут «принадлежать» государству, имеет скорее юридическое, чем экономическое значение, хотя сам по себе этот факт, конечно, важен.

Другими словами, нужно, чтобы предприятия не находились под управлением государства, а были автономными. Кооперативы, к примеру, не считаются «капиталистическими» организациями в англо-американских странах, хотя они и являются «частными», поскольку не управляются государством. То же самое можно сказать о «частных» больницах и «частных» университетах. С другой стороны, немецкие университеты по традиции всегда были почти столь же автономны, как и «частные» американские колледжи, несмотря на то, что они представляют собой государственные учреждения.

«Возврат к частной инициативе», таким образом, может привести к возникновению чрезвычайно схожих социальных структур, хотя законы в отношении собственности могут сильно отличаться от страны к стране, от одного учреждения к другому. Общим для них будет не принцип субординации, а принцип деятельности. В каждой из этих структур автономные учреждения, созданные для выполнения важных общественных задач, будут выполнять функции «исполнителей». А правительство начнет все больше заниматься принятием решений, наметать пути дальнейшего развития страны и превратится в орган чисто политический. Оно будет стараться так формулировать какую-либо определенную задачу, чтобы сделать ее привлекательной для данного автономного общественного института.

Промышленно-деловой сектор станет, по-видимому, лишь одним — хотя и очень важным — из общественных институтов такой структуры. Будет ли в нем «хозяином» капиталист (то есть вкладчики-акционеры), кооператив или государство — может оказаться вопросом весьма второстепенным. Ибо даже если он и будет принадлежать государству, то он все же должен стать вполне независимым и автономным от него. И не только в области повседневного управления, но — что, возможно, еще важнее — и в своих операциях на рынке, в особенности на рынке долгосрочного кредита.

Процесс «возврата к частной инициативе» особенно целесообразен в отношении учреждений промышленно-делового сектора, потому что они являются преимущественно орудиями новаторства. Из всех общественных институтов они были созданы специально для того, чтобы способствовать процессу перемен и управлять им. Все же другие институты, во всяком случае поначалу, создавались с противоположной целью: с целью препятствовать этому процессу или хотя бы его сдерживать. Новшества они вводят лишь по необходимости и очень неохотно.

Конкретно, в тех двух областях, в которых проявляется явная слабость института государственной власти, именно там наблюдаются очевидные преимущества института промышленно-делового. Деловое предприятие может ликвидировать любую отрасль своей деятельности. В самом деле, оно вынуждается к этому, если его деятельность связана с рынком и особенно, если приток его капиталов зависит от рынка. Существует какая-то граница, перейдя которую ни один бизнесмен, сколь богат он бы ни был, не станет противиться требованиям рынка. Даже Генри Форд был вынужден прекратить производство модели «Т», когда спрос на нее прекратился. А его внуку по той же причине пришлось отказаться от выпуска автомобиля марки «Эдсел».

Деловое предприятие имеет возможность получать прибыли, поэтому оно должно идти и на риск, считаясь с возможностью понести убытки.

А риск, в свою очередь, приводит нас к другому свойственному деловым предприятиям преимуществу: из всех видов общественных учреждений только они подвергаются испытанию по признаку продуктивности. Даже при условии, что прибыльность — критерий неполноценный, она все же служит очевидным для всех мерилom. Можно, конечно, утверждать, что та или иная не отвечающая современным требованиям больница все-таки нужна местным жителям или может понадобиться в будущем. Можно доказывать, что даже плохой университет лучше, чем ни-

чего. Бывшие питомцы и местные жители всегда считают «моральным долгом» спасти свою «старую школу».

Однако потребитель лишен всякой сентиментальности. Он совершенно равнодушно относится к увещаниям, что покупать продукты местной фирмы его «долг» потому-де, что она так долго здесь существует. Потребитель неизменно задает вопрос: «А нужно ли мне будет данное изделие завтра?» И если ответ оказывается отрицательным, он без малейшего сожаления относится к гибели фирмы. Точно такой же будет и реакция потенциального вкладчика капитала.

В этом и кроется сила бизнеса как общественного института. И потому-то лучше всего сохранять его в частных руках. Очень многие придерживаются того мнения, что капиталистам не следует позволять извлекать прибыли. Но истинная роль капиталиста заключается как раз в том, что он разоряется. Он должен идти на риск, а следовательно, может терпеть убытки. И к этой роли частный предприниматель приспособлен куда лучше, чем государство. Мы хотим, чтобы промышленно-деловые предприятия были частными именно потому, что нам желательно иметь в этой области учреждения, которые могут и прогорать, и исчезать. Необходимо, чтобы существовал, по крайней мере, один общественный институт, который с самого начала был бы приспособлен к эволюции и должен был бы вновь и вновь на деле доказывать свое право на существование. В этом и есть назначение бизнеса, так как его назначение — производить перемены и управлять ими.

Если мы действительно хотим сильного и дееспособного правительства, то в наших интересах промышленно-деловой сектор не должен находиться в руках государства. Нашим интересам отвечала бы такая организация этого сектора, при которой частные вкладчики, движимые личными интересами и действующие на основе собственных суждений, шли бы на риск и учитывали возможность понести убытки. Главным аргументом в защиту «частного предпринимательства» служит не возможность получения прибылей, а как раз наоборот — возможность терпеть убытки. И в силу этого промышленно-деловой сектор представляет собой наиболее эластичный и наиболее легко «приспосабливающийся» из всех существующих общественных институтов. Только он один подвергается четкому «испытанию на продуктивность».

А следовательно, он и лучше всего поддается управлению. Если мерилom служат результаты, то по ним можно определить и эффективность, и соразмерность усилий. Анализируя деятельность своего предприятия, бизнесмен может сказать: «Главную сумму доходов мы получаем, когда в состоянии регулировать 95 процентов расходов, а не 99 процентов. Регулирование и учет этих четырех или пяти процентов обходится нам во много раз дороже, чем те прибыли, которые мы когда-либо могли бы извлечь, работая из того расчета, что наши расходы будут равняться 99 процентам». Такой оценки нельзя сделать в отношении ухода за пациентами в больнице. Нельзя ее сделать и в отношении преподавания в университете. Немыслима она и в каком-либо государственном учреждении. Там приходится гадать, взвешивать, составлять себе мнение. А в деловом предприятии можно точно измерять.

Но как в отечественном, так и в международном плане промышленно-деловой сектор представляет собой, конечно, лишь один общественный институт, приспособленный только для выполнения одной задачи — задачи экономической. И необходимо строго ограничить круг его деятельности — равно как и круг деятельности любого другого общественного института — отведенной ему задачей. «Возврат к частной инициативе», таким образом, обуславливает использование других негосударственных учреждений (больниц, например, или университетов) на ролях «исполнителей» в других неэкономических областях. Распределение негосударственных автономных организаций в качестве учреждений, выполняющих социальные функции в рамках «возврата к частной инициативе», станет одной из главнейших задач политики завтрашнего дня.

«Возврат к частной инициативе» не ослабит государственную власть. Наоборот, его основная цель сводится к восстановлению авторитета и эффективности аппарата государственной власти. По тому пути, по которому он двигался последние полвека, дальше идти нельзя: это может привести лишь к увеличению бюрократизма, но не даст никаких положительных результатов. Государственный аппарат может расти и разбухать, но ни сил, ни разума у него от этого не прибавится. Единственно чего мы можем добиться, если будем идти и дальше по старому пути, — это усугубления болезненного состояния власти и дальнейшего в ней разочарования.

В конечном итоге нам, вероятно, понадобится новая политическая теория и совсем новое конституционное право. Нам понадобятся новые идеи и новые социальные теории. Добьемся ли мы их и какими они будут — сказать сегодня невозможно. Но мы можем признать, что мы разочарованы в существующих системах управления потому, что они не дееспособны. Мы вправе утверждать, что для плюралистического общества нужна система управления, которая может и умеет управлять, — то есть не правительство-«исполнитель», а правительство-«администратор», правительство, которое управляет.

ЭЛИНОР ГОРВИЦ

Сейчас в США бытует новая поговорка: «Хочешь ближе познакомиться со своим соседом — поезжай за границу». Это, конечно, не соответствует действительности, но иногда такое впечатление создается. Попадешь, скажем, в знаменитый копенгагенский парк «Тиволи» и видишь: то тут, то там сидят молодые американские пары — одни обсуждают события дня, другие просто весело болтают. В

Италии, например, часто можно наблюдать, как в баре или ресторане совершенно незнакомые люди, слышав нью-йоркский говор, тут же подсаживаются друг к другу и начинают задушевную беседу. Стоя на палубе рейсового парохода и фотографируя сказочные замки, любой американец просто считает своим долгом дать ценный совет соотечественнику, занятому тем же делом. И будь то на Елисейских Полях, в стенах московского Кремля, на улочках Старого города в Варшаве или в одной из европейских контор «Аме-

рикан экспресс», американцы неизменно проявляют по отношению к своим соотечественникам чудеса общительности. А туристов из США в Европе много. И это понятно: еще никогда американцам не представлялись столь широких возможностей путешествовать, и потому каждый стремится осуществить свою мечту — побывать за океаном.

В этом году за границу на воздушных и океанских лайнерах отправится свыше пяти миллионов американцев. Почти половина из них возьмет курс на Западную Европу, причем для большин-

ства это будет уже не первый визит. Остальные побывают на Ближнем или Дальнем Востоке, в Африке, Азии — словом, повсюду: было бы свободное время да деньги. Туризму принадлежит одно из ведущих мест в мировой экономике, и наибольший процент путешественников дают Соединенные Штаты. Если раньше путешествие через океан мог совершить, в лучшем случае, какой-нибудь толстосум или, в худшем, отчаявшийся эмигрант, то сейчас это стало вполне обычным явлением для представителей среднего класса. Слу-

АМЕРИКАНЦЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ

1-й класс (во все времена года)
1145 долл.
Туристский класс (в разгар сезона)
817 долл.
Туристский класс (вне сезона)
727 долл.
Тур от 14 до 28 дней (в разгар сезона)
530 долл.
Тур от 14 до 28 дней (вне сезона)
480 долл.

Туристский класс
(до Хобарта, Австралия)
1243 долл.
Океанский лайнер, туристский
класс (Хобарт—Антарктика
12—19 дней круиз,
включая отели в Австралии)
2900 долл.

НЬЮ-ЙОРК

АФИНЫ

АНТАРКТИКА

Расценки на январь 1971 года; туда и обратно.

жашие, студенты, деловые люди, инженеры, научные работники — представители самых различных возрастных групп, люди самых различных интересов — без особых хлопот и с большим энтузиазмом отправляются за океан (причем 97 процентов по воздуху). Они едут для работы, для учебы или просто для личного удовольствия: полюбоваться творениями прославленных живописцев и скульпторов, красотами природы и архитектурными памятниками.

Ко времени возвращения домой средний американский турист успевает израсходовать значительную сумму денег, покрыть тысячи километров пути, сделать уйму снимков, составить себе мнение об английской политике, датских сырах и русском балете, применить, в меру своих способностей, знание французского языка, испробовать множество различных блюд и вин. Но на этом он не успокаивается: по данным паспортного бюро, 86 процентов обладателей паспортов спустя два года вновь совершают путешествие за границу.

Статистические данные паспортного бюро указывают также, что почти 25 процентов общего числа граждан, подающих заявление на получение паспорта, в графе «род занятий» пишут «учащийся». В настоящее время за границу отправляется огромное количество молодежи, совершенно немислимое лет двадцать тому назад. Одни едут учиться, другие просто побродить по белу свету — таких можно увидеть в любой стране: они или путешествуют по железной дороге, или «голосуют» на шоссе, или летают по удешевленным тарифам для учащихся на самолетах авиакомпаний, обслуживающих внутренние европейские линии (они получают скидку от 30 до 65 процентов).

Часто все свое имущество они носят за плечами. В отличие от старшего поколения, они не заботятся о комфортабельном ночлеге, их не прельщает изысканная кухня, они мало интересуются парижскими туалетами, итальянскими кожаными изделиями, советскими мехами и болгарскими ковриками; не покупают они и спиртных напитков или духов без пошрины в международных аэропортах.

Путешествие за границу для любого туриста начинается с получения паспорта. Тут нужно сделать оговорку, так как многие путешественники, особенно те, которые отправляются за границу в разгар сезона (июнь—август), сначала бронируют места в самолетах и гостиницах и только после этого обращаются в паспортное бюро. Для передвижения по Соединенным Штатам американцу паспорт не нужен, он требуется только при выезде из страны. Месяца за два до намеченной даты отъезда будущий путешественник обращается в любое из американских паспортных бюро, которые находятся в 11 крупных городах США, или в ближайший суд. Здесь он должен представить доказательство того, что является гражданином США — для этого достаточно предъявить метрику (для уроженцев страны) или свидетельство о натурализации (для иммигрантов, ставших американскими гражданами). При себе нужно иметь также какое-нибудь удостоверение личности — в большинстве случаев это старый паспорт или водительские права, — две фотографии и 12 долларов наличными, которые вносятся за паспорт. После этого он заполняет короткую анкету: имя, фамилия, год и место рождения, род занятий (место работы не указывается), се-

мейное положение и т. п. Паспорт действителен в течение пяти лет, присылается он по почте.

В 1950 году было выдано всего 300 000 паспортов, в 1960 — около 800 000, а в 1970 — 2 000 000. Основываясь на этих данных, Центральное паспортное бюро считает, что количество выдаваемых паспортов в течение следующих десяти лет будет увеличиваться на 10—12 процентов ежегодно.

Во время так называемого «туристского затишья» на получение паспорта требуется не больше недели, но зато в марте, апреле и мае количество заявлений на получение паспорта увеличивается в четыре раза по сравнению с осенними месяцами. Тогда вся процедура может продлиться от трех до четырех недель. В эти дни нервничают и публика, и служащие паспортного бюро. Для посещения западноевропейских стран виз не требуется, а в тех случаях, когда виза необходима, турист обращается в консульство соответствующей страны, и тогда виза в виде печати проставляется на его паспорте.

Право на получение заграничного паспорта имеют все граждане Соединенных Штатов, за исключением лиц, совершивших преступление и пытающихся скрыться. Несовершеннолетним паспорта выдаются только с разрешения родителей.

Перед поездкой за границу американец может обратиться за консультацией в любое бюро путешествий. Здесь ему бесплатно помогут составить маршрут путешествия, забронируют номера в гостиницах и т. д., и т. п. Бюро путешествий получает определенный процент от авиакомпаний. Здесь же можно забронировать место в поезде, на пароходе или в автобусе. Бюро обеспе-

чивает путешественника необходимыми дорожными картами и помогает ему получить визы. Будущий путешественник может просто рассказать, что его интересует, где он хочет побывать, каковы его финансовые возможности, и на основании этих данных бюро организует для него соответствующее путешествие. Ему достанут билеты, составят маршрут, снабдят путеводителями, картами и брошюрами.

Многие туристы, отправляющиеся за границу впервые, а также пожилые люди, путешествующие в одиночку, обычно выбирают для себя групповые туры. Они вылетают из США в составе группы, вместе с этой группой путешествуют в специальных автобусах и затем в определенный день возвращаются самолетом на родину. Один из европейских туров, организуемых бюро путешествий Кука, дает возможность путешественнику в трехнедельный срок посетить 11 стран. Такой тур обходится путешественнику в 900 долларов, что включает полет из Нью-Йорка в Европу и обратно, автобусные экскурсии, гостиницы (номер с отдельным санузлом), питание, средства передвижения, билеты на концерты и в театры, осмотр достопримечательностей и памятников. Участник тура не заботится ни о чаевых, ни о багаже, ни о выборе экскурсий и т. п. Ему не нужно знать иностранные языки. Все заботы берет на себя опытные экскурсоводы и владеющие английским языком гиды.

Существуют еще так называемые туры «особого интереса». Участники такого путешествия предпочитают проводить время — от двух до четырех недель — в тех местах, которые их особенно привлекают. Есть специально турне для гурманов и ценителей вин, туры

1-й класс (во все времена года)
1793 долл.
Туристский класс (во все времена года)
1121 долл.
Тур 14–21 день (во все времена года)
1029 долл.

ГОНКОНГ

для любителей замков и исторической старины, для натуралистов, желающих понаблюдать за неизвестными видами птиц, для искателей приключений, следующих по маршрутам великих мореплавателей и землепроходцев, — например, в далекие районы Антарктики, для любителей африканских сафари (с ружьем и фотокамерой) и т. д., и т. п. Многие известные художественные галереи организуют поездки с целью ознакомления публики с произведениями искусства или археологическими памятниками; в роли экскурсоводов выступают выдающиеся искусствоведы и археологи, и потому желающих принять участие в подобных мероприятиях обычно бывает очень много.

Стоимость заграничного путешествия — разумеется, при наличии какого-то определенного минимума, — может выразиться в любой сумме, зависящей от финансовых возможностей путешественника. С увеличением количества людей среднего достатка, расходы на одного человека за границей понизились, но вместе с тем сократились и сроки зарубежных путешествий. В этом выражается основная перемена, происшедшая в области путешествий. Если раньше трансокеанский рейс считался почти несбыточной мечтой и требовал не только больших расходов, но и продолжительных сроков, то теперь дело обстоит иначе. Все больше и больше туристов отправляется за границу на срок от двух до четырех недель, затрачивая на это сравнительно небольшую сумму денег и обеспечивая себе таким образом возможность через год—два побывать за океаном снова, в одиночку или всей семьей. В наше время заграничное путешествие длится в среднем 29 дней (пять лет назад его продолжи-

1-й класс (во все времена года)
794 долл.
Туристский класс (в разгар сезона)
554 долл.
Туристский класс (вне сезона)
464 долл.
Тур 14–28 дней (в разгар сезона)
381 долл.
Тур 14–28 дней (вне сезона)
331 долл.

АМСТЕРДАМ

тельность равнялась 41 дню). Рейс в обе стороны обходится в среднем в 420 долларов, а само пребывание за границей — 490 долларов. Издержки составляют приблизительно 17 долларов в день, и в среднем туристы посещают три страны. Тысячи учащихся, которые платят за ночлег в молодежных центрах менее доллара, передвигаются попутными машинами и питаются в дешевых ресторанах, ухитряются путешествовать месяцами, расходуя менее 5 долларов в день.

Авиалинии, помимо обычных рейсов, предлагают путешественникам два типа полетов по удешевленному тарифу: один сроком от 14 до 28 дней с четырьмя промежуточными остановками (скажем, Лондон, Париж, Мадрид и Рим) и другой, более дешевый, сроком от 19 до 45 дней, но лишь с одной промежуточной остановкой. Дети до 12 лет платят половину стоимости. В период от 31 августа до 1 июня цены на билеты понижаются, а в период от 1 июня до 31 августа возрастают.

Различные общества и организации фрахтуют самолеты для своих членов, тогда перелет обходится еще дешевле. Так, например, билет из Нью-Йорка в Западную Европу и обратно может стоить всего 170 долларов.

По прибытии за границу путешественники могут пользоваться, по своему усмотрению, любым видом транспорта: самолетом, автобусом, взятым напрокат автомобилем, поездом и т. д. Отправляющиеся в Европу могут приобрести в Соединенных Штатах специальный железнодорожный билет для неограниченного количества поездок по 13 странам сроком от трех месяцев до трех недель. Трехнедельный билет первого класса для пользования поезда-

1-й класс (во все времена года)
1168 долл.
Туристский класс (в разгар сезона)
858 долл.
Туристский класс (вне сезона)
768 долл.
Тур 14–28 дней (в разгар сезона)
598 долл.
Тур 14–28 дней (вне сезона)
548 долл.

МОСКВА

ми, пароходами и паромом стоит 110 долларов. Поездами особенно любят пользоваться в ночное время молодежь, чтобы не тратить деньги на гостиницы.

Множество молодых людей привлекают кемпинги: жизнь на лоне природы избавляет их и от гостиниц и от ресторанов. Туристы, путешествующие семьями, могут в целях экономии пользоваться услугами разбросанных по всему миру многочисленных станций проката автомобилей. Рост автомобильной промышленности в Европе, наряду с процветанием туризма, привел к интенсивному строительству скоростных автомагистралей и станций технического обслуживания. Моторист может забронировать автомобиль, находясь еще в Соединенных Штатах. Машина будет ожидать его у аэропорта прибытия; взяв напрокат автомобиль одной из станций, турист может сдать его в любом пункте, где ему заблагорассудится или откуда он намерен начать свой рейс домой.

Более половины американских туристов в этом году отправятся за границу в разгар сезона — июнь, июль и август. Более миллиона из них посетят Великобританию, которая вот уже в течение многих лет пользуется большой популярностью у туристов США. За Великобританией следуют Франция, Италия и ФРГ. Наблюдается большой рост туристов, посещающих страны Восточной Европы и СССР. Точные данные пока еще установить трудно, но, согласно сведениям Американского общества туристских агентств, в 1969 году в странах Восточной Европы побывало 100 000 американских туристов, из которых более 31 000 посетило Советский Союз. В 1968 году в Восточной Европе побывало до 75 000 американцев и из

них около 21 000 в СССР. Азиатские страны, невзирая на дальность расстояния, также привлекают множество американских туристов. По сведениям Японского национального туристского бюро, в 1968 году в Японии побывало 246 000 американцев, а в 1969 году 300 000. Среди американцев, посещающих Японию, большинство совершает кругосветное путешествие с остановками в Азии и Европе.

Какое же влияние на Соединенные Штаты оказало это знакомство с остальным миром? Судя по чисто внешним признакам, весьма заметное: появился большой спрос на французские коньяки, русскую водку, японское саке, итальянский вермут, португальские вина. Даже в самых заурядных продуктовых магазинах появились специальные отделы для гурманов, где можно купить различные импортные яства. В городах проводится множество курсов для взрослых по изучению русского, французского, испанского и итальянского языков. Расширился обмен студентами и преподавателями с другими странами. Полки книжных магазинов пополнились новыми журналами и книгами о путешествиях, а также путеводителями по разным странам и «разговорниками».

Увлекательные путешествия, знакомства с другими странами и народами помимо удовольствия носят еще и образовательный характер, а также повышают культурный уровень. Туризм — это прежде всего общение, являющееся самым эффективным средством борьбы с невежеством и предрассудками. Контакты с людьми различных культур могут оказаться значительно плодотворнее для дела сохранения мира, чем все усилия дипломатов.

«Америка» обсуждает: где предел совершенства

Вопрос: Джентльмены! В 1960 году, 11 лет тому назад, мировой рекорд на дистанцию 1500 метров был 17.11. К 1970 году Джон Кинселла сократил время до 15.57, что составляет больше минуты за десятилетие, или 7 секунд в год. Сейчас даже женщины, например Дебби Мейер, покрывают эту дистанцию в 17.19. Как вы думаете, какие показатели будут в 1980 году? Возможно ли снижение рекорда еще на одну минуту?

Консилмен: Конечно, он будет снижен, но не настолько; думаю, что на полминуты. Другими словами, кривая движения вперед будет более пологой: каждое следующее снижение будет равняться только половине предыдущего.

Шевур: Нет, Джим, я думаю, что к этому времени рекорд приблизится к 15 минутам. Через несколько лет, например, Майк Бэртон уже будет покрывать эту дистанцию приблизительно за 15.45.

Хейнс: Я тоже не считаю, что показатели будут выравниваться. И уверен, что кто-нибудь сократит их еще на 30—45 секунд. Не забудьте, девушки только начали по-настоящему тренироваться.

Вопрос: Если бы Джонни Вейсмюллер плавал теперь так, как он плавал на Олимпиаде 1924 года, то он не завоевал бы медаль даже в состязаниях женских команд на 400 метров.

Консилмен: Совершенно верно. Я, например, сейчас тренирую трех 13-летних подростков, которые на дистанции в 400 метров с легкостью могут перекрыть лучшее время Вейсмюллера — 4.57. А Билл Смит, здоровенный гавайец? На Олимпиаде 1948 года он вышел победителем на дистанции в 400 метров со временем 4.39. А у меня сейчас два 13-летних паренька покрывают эту дистанцию за 4.34, причем один из них не весит и 45 кг.

Вопрос: Можно ли создать суператлета с помощью особого питания и благоприятных условий?

Консилмен: За последнее столетие средний рост увеличился на несколько сантиметров, но я думаю, что это должно остановиться. Тут было проведено много исследований, однако все еще не доказано, влияет ли специальное питание на изменение физических показателей человека или только предохраняет от некоторых болезней. Время от времени возникают разные идеи о том, что тот или иной продукт, как, например, масло зародыша пшеничного зерна, витамин С или какой-то другой препарат, может сыграть серьезную роль в подготовке спортсмена. Но пока еще нет никакой секретной программы питания атлетов.

Хейнс: По-моему, самое главное сейчас — это новые методы тренировок и увеличение нагрузки по сравнению с тем, что было десять лет назад.

Вопрос: Станут ли девятилетние ребята, которых вы сейчас тренируете в ваших бассейнах, олимпийскими чемпионами 1980 года?

Хейнс: Надеюсь.

Вопрос: Интересно, чем отличается их тренировка от тренировки, которую проходили победители 1968 года, когда им было по девять лет?

Хейнс: Теперь ребята работают несравненно больше. В последние 11 лет я все записываю, скажем, как тренировалась Крис фон Зальца в 1960 году и как тренируется Клодия Колб сейчас. Нагрузки девушек нельзя сравнить.

Шевур: Сейчас тренировка гораздо лучше. Это факт. Гимнастика развивает спортсмена. Кроме того, в спортивных кругах сейчас появилась тенденция больше плавать и меньше отдыхать. Это автоматически дает увеличение скорости. Теперь все спортивные клубы следуют такому методу.

Вопрос: Он, кажется, называется «методом интервалов»?

Хейнс: Правильно; интервал — это отдых между заплывами. Теперь многие тренеры дают пловцам все меньше и меньше отдыха при одних и тех же дистанциях. Они могут пять раз покрыть дистанцию в 1500 метров с передышками в две-три минуты между заплывами. Тренеры требуют больше работы и лучших показателей, а ребята настолько хорошо подготовлены, что вполне могут выдержать такую нагрузку.

Шевур: Вы, вероятно, слышали о моей первой встрече с Дебби Мейер? Она приехала в Калифорнию из Нью-Джерси. Там она упражнялась в бассейне всего три-четыре раза в неделю. А тут я ей сразу сказал: «Прыгай в бассейн и сделай для разминки 20 кругов». Она удивилась: «20 кругов? У нас на Востоке это задание целого дня!» Тогда она плавала довольно посредственно, но начала работать, как зверь, и все увеличивала и увеличивала нагрузку. Если бы она попала в нашу группу раньше, она, несомненно, стала бы сейчас еще более сильной пловчихой.

Вопрос: Что значит знаменитая надпись у бассейна Консилмена в Индиане: «До боли, до физических страданий»? Значит ли это, что просто хорошие пловцы останавливаются, когда нагрузка становится до боли трудной, а мастерами становятся те, кто может преодолеть невыносимые физические страдания?

Шевур: Совершенно верно. В 1939 году тренеры бегунов переняли метод интервалов у немцев, а мы, тренеры пловцов, позаимствовали это у них. Но наши достижения значительно заметнее, чем в беге. Джимми Райен, бегун на длинные дистанции, увидев однажды, как Майк Бэртон работал в бассейне в Мехико, сказал ему: «Ну, если бы я так работал на стадионе, я проходил бы милю за 10 секунд быстрее». И я ему верю.

Хейнс: Абсолютно то же самое было с одним пареньком в нашем городе. Еще в средней школе он

пробежал милю за 4.17. Но тренер держал его все время на одинаковом режиме: та же дистанция, тот же темп. На следующий год его время все еще было 4.17, и тренер не понимал, в чем дело. Ясно, что при той же нагрузке парень не улучшал своих показателей.

Вопрос: На скачках «Кентукки дерби» до сих пор беговые лошади побеждают с той же скоростью, с которой знаменитый Мэн-О-Уор ходил 50 лет тому назад.

Шевур: Они неправильно тренируют своих лошадей. Правда, я как-то раз спросил приятеля: «Почему вы не тренируете лошадей, как мы пловцов?» Он ответил: «Потому, что лошадь не человек, она не выдержит такой нагрузки, как твои пловцы».

Консилмен: Лошадей разводят сотни лет, и все знают, что лошадь нельзя натренировать, как человека, так как нельзя изменить технику ее бега. А человек может совершенствоваться. Именно поэтому на скачках мне скучно. На скачках победа зависит только от конституции лошади.

Вопрос: А как насчет психологии человека? Существуют ли психологические барьеры в спорте? Или рекорды побиваются тогда, когда мы к тому физиологически подготовлены?

Хейнс: Ну, конечно, и рекорд — миля за четыре минуты — был бы побит гораздо раньше, если бы бегуны тренировались так, как Роджер Баннистер. Он первый действительно тренировался для этого.

Шевур: Не знаю, Джордж. Я просто говорю Майку Бэртону: «Майк, ты можешь сбить минуту», — и он верит мне. «Дебби, — говорю я, — твоё лучшее время 17.19. Это же курам на смех! Твое время 17.10, ты легко можешь его добиться!»

Вопрос: На последней Олимпиаде в плавании доминировали американцы, австралийцы и европейцы. Можно ли ожидать, что в будущем появятся пловцы и из других стран? Имеются ли потенциально сильные пловцы в Южной Америке, Африке, Индии, которые ждут своей очереди, как ждала Дебби Мейер, пока ее не обнаружил Шерман Шевур?

Консилмен: Ну, ясно, что каждая страна может дать замечательных пловцов. Мы, например, делаем и продаем фильмы о плавании, а я выпустил книгу о плавании, и она уже переведена на многие языки. На этот материал у нас есть заказы из разных стран от Мадагаскара до Советского Союза. Во всех концах мира организуются тренировочные программы по возрастным группам, что крайне важно для подготовки олимпийцев.

Шевур: При правильной тренировке во многих странах могут появиться сильные пловцы. Двадцать лет тому назад можно было уделять тренировке два, два с половиной часа в день, а теперь нужно четыре с половиной. Иначе ты уже не годишься для соревнований.

Есть ли границы физических возможностей человека? В состоянии ли он достигнуть совершенства — то есть предела, которого он уже никогда не сможет перешагнуть? Где находится этот предел, и как он достигается?

С такими вопросами редакция журнала «Америка» обратилась к трем известным тренерам по плаванию: д-ру Джемсу Консилмену, Шерману Шевуру и Джорджу Хейнсу. Джемс Консилмен из университета штата Индиана подготавливал мужскую американскую команду к Олимпиаде 1964 года; он автор книги «Наука о плавании» и соавтор статьи, помещенной на стр. 40–43. Среди его учеников — олимпийские призеры Чарли Хиккок и Марк Спитц, а также Джон Кинселла — чемпион мира на дистанцию 1500 метров. Шерман Шевур — тренер женской американской команды Олимпиады 1968 года. Среди его воспитанниц самая знаменитая пловчиха в мире Дебби Мейер. Джордж Хейнс тренировал мужскую американскую команду для Олимпиады 1968 года, на которой Дон Шолландер завоевал четыре золотые медали.

Джемс Консилмен.

Шерман Шевур.

Джордж Хейнс.

ШЕВЕНСТВУ ПЛОВЦА?

Вопрос: Почему среди наших выдающихся пловцов никогда не было негров?

Шевур: Главный фактор — материальная сторона. Плавание — спорт дорогой. За одно участие в чемпионате страны нужно выложить 100 долларов. Как-то у меня был один негр. Он был также хорошим футболистом, но футболом он мог заработать большие деньги. Я считаю, что если негры начнут заниматься плаванием серьезно, они будут превосходить пловцами.

Вопрос: Все наши мировые рекорды по плаванию были установлены подростками-любителями. Однако подросток-любитель не только не осмелится выступить против профессионала, но и вряд ли ему удастся, например, встретиться на ринге с Джо Фрейзером или попасть в одну футбольную команду с Джо Нейматом. А как насчет Дона Шолландера? Неужели он в 22 года оставил спорт в полном расцвете сил, или он этого расцвета еще не успел достигнуть?

Хейнс: Нет сомнений, что, продолжай Шолландер заниматься спортом в 24 года с тем же энтузиазмом, какой был у него в 17, он был бы еще более сильным пловцом.

Шевур: Это доказал Мори Роз. В 24 года он побивал мировые рекорды. Бэртон тоже будет побивать свои собственные рекорды. Возьмем хотя бы Рона Кларка — бегуна на длинные дистанции. Ему ведь уже 32 года.

Консилмен: Да, психологически человек достигает вершины своих возможностей только под 30 лет. Чет Ястжемский попал в олимпийскую команду в 27 лет; Прокопенко из СССР в 30 лет все еще занимается плаванием. Однако, это единицы. Большинство в этом возрасте отходит от спорта. Они обзаводятся семьями. Пловцов катастрофически не хватает, потому что этот вид спорта требует спартанского образа жизни.

Хейнс: Не забудьте, что эти двенадцати-тринадцатилетние девочки тренируются дважды в день. К окончанию колледжа они просто сыты по горло. Хотя, правда, Клодия Колб участвовала уже в двух Олимпиадах, а ей всего 19 лет, и она очень увлекается плаванием. После колледжа они обычно не хотят заниматься плаванием, потому что это не профессиональный спорт. Им не заработаешь ни цента. После окончания колледжа для них нет никаких перспектив в плавании.

Вопрос: Есть ли шансы, что плавание, как профессиональный спорт, может обещать пловцам что-либо в будущем?

Шевур: Пока что говорят только о легкой атлетике. Но бегунам только покажи доллар, и они побегут, как черти. Ясно, это стимул. Но что касается плавания — я не думаю, что это осуществимо, во всяком случае, в ближайшее время. Наша публика

предпочитает смотреть, как профессиональные футболисты сбивают друг друга с ног.

Вопрос: Поговорим о другом. В последнее время многие жалуются, что Олимпийские игры приобрели подчеркнuto националистический характер. Что вы думаете об этом?

Консилмен: Я не думаю, что Олимпиады приобретают особо национальный характер. Наоборот, эта сторона дела как бы остается в тени. Я считаю, что комитет поступает очень благоразумно, не регистрируя счета очков для командного первенства. Естественно, американцы радуются, когда побеждают американцы. Кроме того, представители этнических групп в Америке, естественно, радуются успехам своих бывших соотечественников: немцы радуются успехам немцев, русские — успехам русских. Нельзя же нивелировать национальное чувство и сделать все человечество однородным. Национальное чувство всегда будет существовать. И я считаю, что это очень хорошо.

Хейнс: Я не согласен с этим. Я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы национальный элемент вовсе был исключен из игр. Думаю, что такого же мнения придерживался и Шолландер. Мне кажется, это становится заметнее с каждым годом, а индивидуальные заслуги уходят на задний план, и это неправильно. Спортсмены прекрасно друг к другу относятся, но остальные все время говорят о том, чьи команды набрали больше очков. Я не менее патриотичен, чем любой другой, но все же, думаю, было бы неплохо, если бы кто-нибудь сочинил новый гимн — международный гимн Победы.

Вопрос: Можем ли мы сейчас заглянуть в будущее и предсказать, как будет выглядеть таблица установленных рекордов — ну, скажем, в 2000 году?

Хейнс: Я думаю, что показатели времени для дистанции в 1500 метров будут значительно меньше 15 минут.

Консилмен: Безусловно.

Вопрос: Разумеется, если не будет войн. Если начертить таблицу всех установленных рекордов, то будет видно, как много потребовалось времени, чтобы прийти в норму после двух мировых войн. Вам, Джим, это, вероятно, стоило медали по брассу на Олимпиаде 1944 года?

Консилмен: О да! Война страшно задерживает развитие спорта. Она поглощает всю нашу энергию. Тормозит развитие искусств, да и вообще всякую культурную деятельность.

Вопрос: Может ли человек достигнуть предела своего физического развития? Существует ли вообще предел человеческих возможностей, выше которых он не может подняться?

Шевур: Не думаю. Я считаю, что человек никогда не достигнет своего предела. Да я и не знаю, что это за предел.

Хейнс: Мы можем подойти близко к пределу, но мы не знаем, каков будет человеческий организм в будущем. Может быть, рост человека достигнет 270 сантиметров. Тогда его время на сто метров значительно улучшится.

Консилмен: Согласен. Через сто лет может появиться человек, который при известной комбинации его данных — таланта, физических возможностей, психологии и тренировки — сможет установить рекорд, который не будет побит в течение 50 лет. Но, вероятнее всего, такой тип человека вообще не появится. В ближайшие сто-двести лет показатели времени будут сокращаться довольно равномерно, сначала по секундам, потом по десяткам и, наконец, по сотым секундам. В финале больших встреч показатели времени отдельных пловцов будут находиться в пределах той же секунды. Придется изобрести секундомер, который будет засекать время в сотых долях секунды. Но, вероятно, можно «вывести» тип идеального спортсмена. Я часто ловлю себя на мысли о том, каких бы пловцов я пережил бы между собой. Если бы Дебби Мейер, например, вышла замуж за Майка Бэртона, то в физических данных их потомства можно было бы не сомневаться.

Шевур: Я знаю таких родителей, которые считают, что если их ребенок побеждает в соревнованиях, то это наследственность, а если проигрывает, то это вина тренера.

Вопрос: А у вас есть дети?

Шевур: Двое. Они уже взрослые. В клубе у меня тренируются 220 ребят, и они тоже в своем роде мои дети.

Консилмен: Дочке 23 года, Джимми 20 лет, он студент в Индиане. На общеамериканских соревнованиях 1969 года он почти что победил по брассу, но плохо повернул и вышел четвертым. Младшим 15 и 16 лет: дочка и сын.

Вопрос: Если бы вы имели возможность планировать их будущее по своему усмотрению, чего бы вы для них хотели?

Консилмен: Думаю, что мы все хотим одного и того же — чтобы во всем свете не было ни войн, ни голода. Но жизнь не должна быть слишком легкой. Если не будет трудностей, вырастет слабое и неприспособленное поколение. Наша молодежь не знала больших трудностей. А они закаляют. Нам полезны соревнования с другими странами и другими идеологиями. Это придает нам силы. Мне кажется, что наши молодые люди просто не могут переносить трудностей. Они к этому не привыкли. Но я хочу верить, что они чего-то добьются в нашем динамическом обществе. Мне бы не хотелось, чтобы они жили в атмосфере утопии. Нужно стремиться к чему-то реальному, добиваться своей цели, бороться и побеждать.

Улучшайте свой стиль

Различные стадии гребка: положение тела, высоко поднятый локоть и слегка закругленные и направленные вниз пальцы при входе руки в воду.

Научиться плавать сравнительно легко. Большинство животных умеют плавать от рождения. Попадая в воду, они просто начинают работать всеми четырьмя лапами. Конечности у них соединены так, что плыть «по-собачьи» для них и естественно, и удобно. Человек же, благодаря гибкости суставов, может плавать различными способами: на спине, на боку или на животе. Но беда в том, что мы, даже плавая быстро — кролем, — именно из-за гибкости и свободы

движений делаем много ошибок. Мы, например, склонны в первой части гребка напрягать мышцы и расслаблять кисти, локти и колени в самые неподходящие моменты, что приводит к напрасной потере сил.

Тем, кто намерен совершенствоваться в плавании кролем, мне хотелось бы указать на самые распространенные ошибки и объяснить, как от них избавиться. В известной мере каждый сам может определить свои недостатки, но мои советы принесут больше пользы, если кто-нибудь будет наблюдать за движениями пловца. Очень хорошо, когда два пловца, работая вместе, анализируют движения друг друга. Вообще в плавании существует два рода ошибок: ошибки, увеличивающие сопротивление воды, и ошибки, при которых напрасно расходуется много энергии без достижения желательных результатов. В воде человеческое тело подвергается встречному и вихревому сопротивлениям — оба тормозят и затрудняют его продвижение вперед.

В основе плавания кролем лежат четыре отдельных элемента: круговые гребки руками, непрерывные удары ног в воде, поворот головы набок для вдоха и неизбежное поворачивание всего корпуса по продольной оси при выносе рук из воды. Пловец, которому удастся выполнить эти движения с наименьшим поворотом корпуса с боку на бок и с наименьшим отклонением от горизонталь-

ности, будет двигаться быстрее. В основе плавания кролем лежат четыре отдельных элемента: круговые гребки руками, непрерывные удары ног в воде, поворот головы набок для вдоха и неизбежное поворачивание всего корпуса по продольной оси при выносе рук из воды. Пловец, которому удастся выполнить эти движения с наименьшим поворотом корпуса с боку на бок и с наименьшим отклонением от горизонталь-

Переведено с сокращениями из журнала «Спортс иллюстрийтэд», опубликовавшего статью д-ра Джермса Консилмена и Колса Финизи: «Не труднее, чем ходить». Авт. права: изд-ва «Тайм», 1970 г.

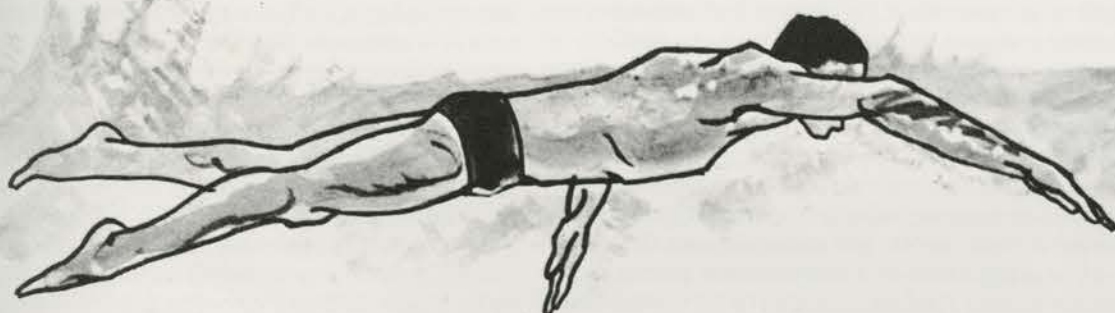

Правильный (справа) и неправильный (слева) вынос руки из воды.

ИЛЬ ПЛАВАНИЯ

Д-р Джеймс Консилмен и Колс Финизю

ного положения, сводит к минимуму оба вида сопротивления воды.

Неопытные пловцы, в результате неправильной техники гребка и дыхания, вызывают чрезмерное сопротивление воды. По моим наблюдениям, одна из самых распространенных ошибок у начинающих пловцов — это нелепая манера выноса рук из воды. Вместо того, чтобы, заканчивая гребок, сначала вынуть локоть, дав кисти и предплечью возможность свободно, как можно ближе к телу следовать за локтем, многие новички, еле сгибая локти, широко и размахисто вынимают руки и шлепают ими по воде. Рука при взмахе в воздухе встречает очень небольшое сопротивление. Но, согласно зако-

ну Ньютона, всякое действие вызывает противодействие — и потому широкий боковой взмах руки отбрасывает в противоположную сторону ноги и бедра, отклоняя тело от заданного направления. Болтание бедер и ног создает сопротивление, вызванное широким взмахом руки.

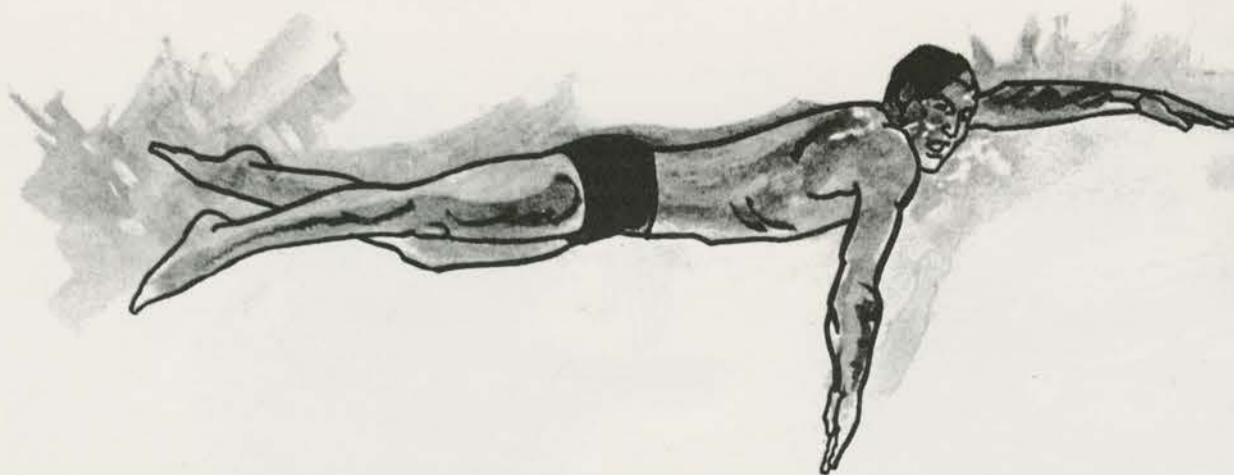
Многие мастера кроля обладают замечательной гибкостью плечевых суставов, но никто из них не может правильно пронести руки над поверхностью воды, не поворачивая при этом корпуса (наблюдая за движениями пловцов под водой, я заметил, что у хороших пловцов этот поворот тела достигает по крайней мере 30 градусов, а у некоторых и 45 градусов). Идеальная координация дви-

жений заключается в следующем: по мере того как правая рука проходит середину гребка, голова и туловище, как если бы они были нанизаны на вертел, поворачиваются вправо. Многие неопытные пловцы поворачиваются недостаточно для того, чтобы правильно вынуть руку, согнутую в локте.

Вращение корпуса по продольной оси, естественно, облегчает и вдох воздуха. Правильному дыханию каждый пловец может научиться в течение недели, но мало кто из новичков уделяет этому должное внимание.

Для того чтобы держаться в горизонтальном положении, пловец должен полностью погружать лицо в воду. Тренированный пловец слегка сгибает шею назад, так что линия

воды проходит между лбом и теменем. Для вдоха он поворачивает голову в сторону настолько, чтобы рот вышел из воды. Голова поворачивается направо в тот момент, когда правый локоть показывается на поверхности и тело начинает вращение кверху. Разрезая воду, голова пловца образует небольшое углубление, а потому хороший пловец начинает вдох чуть ниже уровня воды.

Каждый, за исключением людей с физическими недостатками, может поворачивать шею почти на 90 градусов, но, к сожалению, большинство неопытных пловцов забывает об этом: они пытаются захватывать воздух над поверхностью воды, поднимая из воды всю голову вверх или вбок. Некоторые даже ухитряются при этом подпрыгивать, словно каждый глоток воздуха может оказаться последним, и порой делают это с такой силой, что не только голова, но и плечи выходят из воды. В результате бедра погружаются чуть ли не на полметра ниже поверхности воды, а ноги оказываются еще глубже. Само собой разумеется, что в такой плотной среде, как вода, подобное отклонение от горизонтального положения создает большое встречное и вихревое сопротивление.

Пловец, который выскакивает из воды для вдоха, дорого за это расплачивается: чтобы поднять голову над поверхностью воды, ему приходится давить на воду, теряя, таким образом, скорость и инерцию вместо того, чтобы отталкиваться от воды вперед. Пловец, прилагающий равномерные усилия в течение полного цикла гребка, продвигается вперед плавно при наименьшей затрате энергии. Пловец, поднимающийся вверх для каждого вдоха, а затем опускающийся в воду, продвигаться равномерно не может. В результате таких подсакиваний значительная часть усилий при каждом гребке уходит на преодоление сопротивления.

Работа ног, даже для самых лучших кролистов, — очень незначительный фактор

продвижения в воде, так как главную тягу создают руки. Для большинства пловцов, особенно для тех, кто не готовится к соревнованиям, а просто хочет научиться хорошо плавать, главная польза от работы ног заключается в том, что она помогает стабилизировать корпус, удерживать его в горизонтальном положении и сократить раскачивание с боку на бок. Неопытные пловцы часто злоупотребляют излишне широким вертикальным размахом ног, не только зря расходуя энергию, но и создавая добавочное сопротивление воды. Еще более грубой и очень распространенной ошибкой является излишнее сгибание ног в коленях, отчего «верхняя» нога чересчур отклоняется в сторону, вызывая встречное сопротивление.

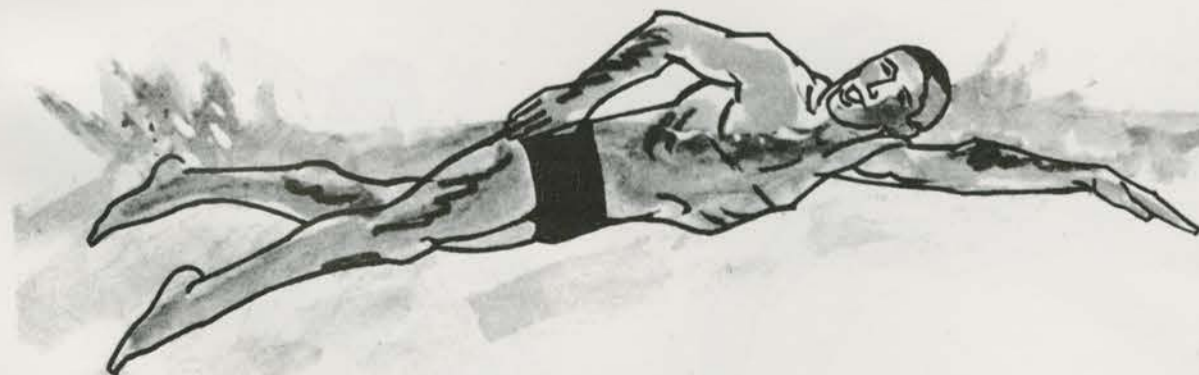
Есть несколько серьезных ошибок, из-за которых пловец напрасно расходует силы, ничего при этом не выигрывая. Одна из них — неправильное положение кисти и руки во время гребка. Двадцать пять лет тому назад, когда теория плавания представляла собой хаотическую смесь авторитетных утверждений и ошибочных представлений, некоторые тренеры рекомендовали во время гребка плотно сжимать пальцы, держа кисть руки чашечкой. Они считали, что в таком положении рука лучше удерживает воду. Кое-кто придерживается этого мнения и до сих пор. В действительности же, во время первой половины гребка мы, собственно говоря, стараемся удержать руку в воде, как бы упираясь на месте и проталкивая тело вперед. Требуемая для этого сила зависит не только от напора воды на ладонь, но и от торможения, создаваемого тыльной стороной ладони. Округляя кисть, мы уменьшаем ее площадь, придаем кисти обтекаемую форму, уменьшая сопротивление и давая руке возможность свободно скользить в воде.

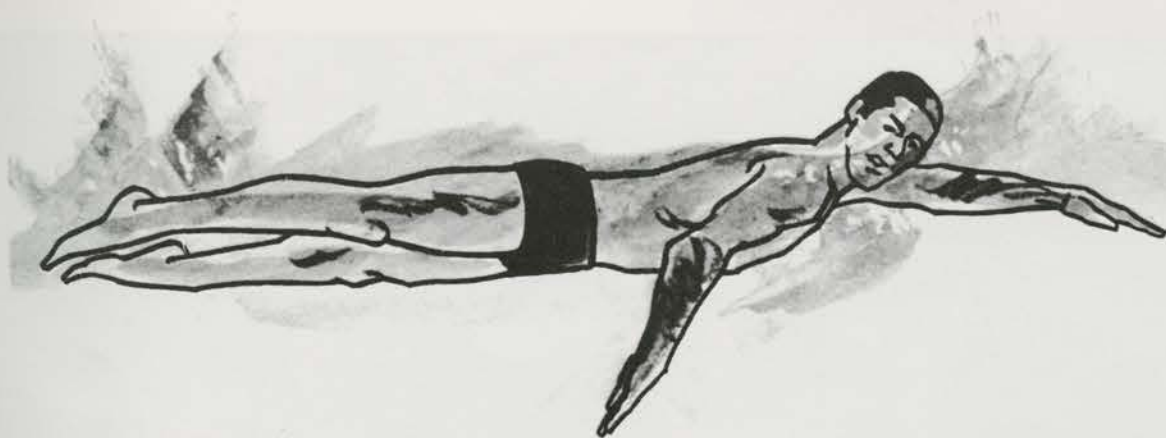
Мои гидродинамические и аэродинамические испытания показали, что перпендикулярное положение ладони по отношению к

поверхности воды и сжатые пальцы — самое эффективное и наименее утомительное положение руки в воде. Многие пловцы плавают со слегка растопыренными пальцами: на основании опытов я считаю, что и этот способ достаточно эффективен. Но, тем не менее, начинающим я рекомендую держать пальцы вместе — это дает лучший контроль над рукой и требует меньше усилий.

Даже хорошие пловцы во время поступательной фазы гребка часто допускают ошибки, приводящие к потере скорости. Одна из них — излишнее расслабление запястья, позволяющее руке скользить в воде, а не давить на воду. При погружении в воду рука должна быть слегка согнута. Но по мере движения руки под туловищем вниз и назад, запястье нужно выпрямить так, чтобы кисть находилась в одной линии с предплечьем. Затем, при завершении гребка, когда локоть показывается на поверхности возле бедра, рука должна быть согнута сзади и продолжать отталкиваться, даже двигаясь кверху.

Самая грубая ошибка во время гребка — это так называемый «опущенный локоть». До пятидесятых годов, то есть до тех пор, пока мы не начали серьезно изучать механику гребка под водой, — никто из тренеров, пожалуй, не отдавал себе отчета в том, как много новичков и даже довольно опытных пловцов делали эту ошибку. При «опущенном локте» предплечье и рука начинают давить на воду только во второй половине гребка. У пловца с «опущенным локтем» нет достаточной опоры на воду, он как бы гребет сломанным веслом. Хороший пловец в момент погружения руки в воду слегка приподнимает локоть, но его рука остается почти прямой. Затем, по мере продвижения руки назад к корпусу, локоть должен слегка сгибаться. При правильном гребке в тот момент, когда рука проходит под корпусом во время самой полезной части гребка, верхняя часть руки находится почти под прямым уг-

лом к линии плеч, локоть вывернут наружу, предплечье слегка повернуто внутрь и кисть проходит под продольной осью тела.

Если бы вы могли проследить за своими движениями под водой, вы бы научились хорошо плавать в самое короткое время. Непосредственная ассоциация зрительного впечатления с мышечным чувством — самый лучший способ формирования правильных двигательных навыков. Здесь также может помочь приятель, имеющий некоторое представление о механике гребка и желающий улучшить свою собственную технику. Вы можете сами изучить свои движения при помощи различных приспособлений для тренировки. Лично я рекомендую пользоваться киноаппаратом или камерой «Поляроид». Через подводную маску, а еще лучше через защитные очки можно проследить за частью гребка, которая проходит под водой.

Для совершенствования техники кроля начните с работы ног, затем прибавьте движения рук (включая повороты корпуса, чтобы легче было возвращаться к исходному положению для очередного гребка) и, наконец, включите в упражнение тренировку дыхания. Держась за край плавательного бассейна, упражняйтесь в работе ног, а кто-нибудь пусть наденет маску и следит за вашими движениями под водой. Размах движений ног сверху вниз и снизу вверх должен составлять от 25 до 40 см — если вы готовитесь к соревнованиям. Для обычного плавания я рекомендую размах в 30 см. Упражняйтесь в работе ног под наблюдением до тех пор, пока не отработаете их правильное движение. Ноги не должны сгибаться в коленях; во избежание этого напрягайте коленные суставы, двигайте прямыми ногами так, чтобы движение начиналось от бедра.

Для отработки правильного гребка упражняйтесь, стоя перед большим зеркалом, согнувшись в поясе на 45 градусов. Если вы держите голову правильно, вы сможете ви-

деть в зеркале свои движения. Упражняйтесь в полном цикле гребка обеими руками, закрывая глаза на несколько гребков, а затем снова смотрите в зеркало, проверяя правильность вашего положения.

После этого войдите в воду немного глубже чем по пояс, наклонитесь вперед и отработайте одновременно гребок и дыхание. В таком положении вы будете почти в состоянии невесомости, и каждый гребок будет тянуть вас вперед, сносая с ног. Этому вы можете противодействовать, выставив одну ногу слегка вперед. Еще лучше надеть пояс, которым пользуются аквалангисты, с грузом от 4 до 5 килограммов свинца. Тренируйтесь в защитных очках, что даст вам возможность видеть ваши движения под водой. Упражняйтесь также и без очков с тем, чтобы привыкнуть производить гребок вслепую.

Когда вы привыкнете к действию рук, включите в цикл гребка дыхание, поворачивая шею так, чтобы рот для вдоха едва выходил над поверхностью воды. После каждого вдоха, когда рот снова находится в воде, задержите выдох — дайте воздуху выйти понемногу из носа и рта с тем, чтобы к тому моменту, когда голова повернется для нового вдоха, в легких еще оставалось немного воздуха. Это не так трудно, как кажется: ведь когда мы дышим, выдох всегда продолжительнее вдоха.

Хотя подобные упражнения на месте, стоя на дне бассейна, и очень полезны, однако увлекаться ими не следует — они никак не могут заменить настоящего плавания.

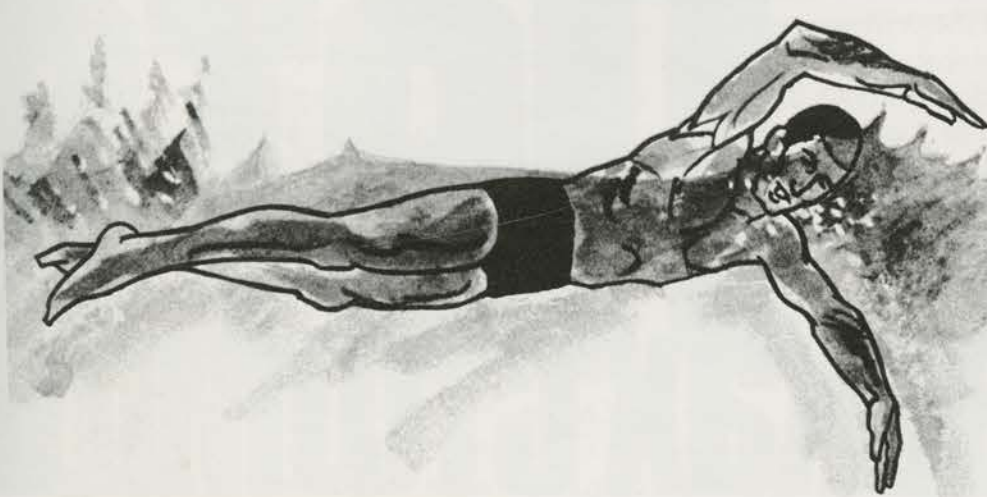
Приступая к плаванию, прежде всего начните с упражнений рук. Для этого, стоя по пояс в воде, оттолкнитесь от стенки или дна бассейна так, чтобы тело приняло горизонтальное положение. Когда от силы толчка вы станете продвигаться в воде, начинайте работать ногами и сделайте один-два гребка каждой рукой. Если ваш товарищ по тренировке будет следить за работой рук, это

окажет вам большую помощь. После каждого толчка делайте столько гребков, сколько сможете сделать, сохраняя правильную позицию. Не отдыхайте слишком долго между упражнениями; вернее, если вы, оттолкнувшись, начали работать ногами и потом сделали, скажем, по три гребка каждой рукой в течение 10 секунд, то следующее упражнение вы должны начать через 10 секунд. Чем короче будут перерывы, тем скорее вы приобретете правильные двигательные навыки.

Во время упражнений в гребке, пока еще не занимаясь дыханием, сосредоточьте внимание на вращении корпуса в обе стороны так, чтобы даже без поворота шеи из воды выходило то одно, то другое ухо.

Когда вы сможете делать 6-7 гребков каждой рукой без потери правильного положения, включите в упражнения вдох и выдох, но постарайтесь дышать правильно. И опять же после каждого отталкивания от края или от дна бассейна, проплывайте столько, сколько сможете, не делая ошибок. Количество гребков зависит от роста и других физических данных, но каждый спортсмен, оттолкнувшись от одного края бассейна длиной в 25 ярдов, должен доплыть до противоположного края за 25 секунд, сделав при этом приблизительно 22 гребка. При хорошем толчке от края бассейна вы продвинетесь приблизительно на 5 ярдов до первого гребка; это значит, что вы движетесь со скоростью одного ярда на гребок. Проплыв 25 ярдов при правильной работе ног и рук, отдыхайте не более 15 секунд между заплывами. До тех пор, пока вы без особой усталости не сможете проплыть 100 ярдов, не делая ошибок, вы не постигли основ кроля.

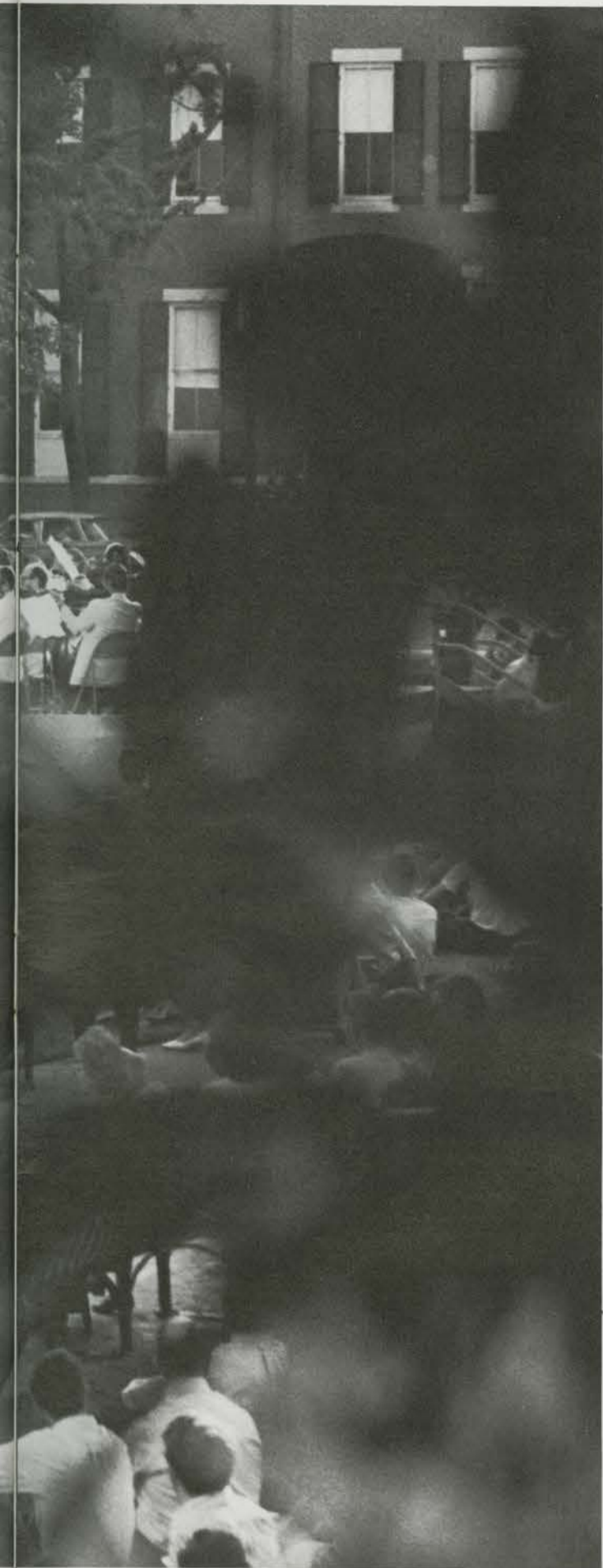
Если же вы будете два-три раза в неделю упражняться по часу, я гарантирую, что через месяц вы сможете проплывать несколько сот метров, затрачивая на это не больше усилий, чем на то, чтобы пройти то же расстояние пешком. ■

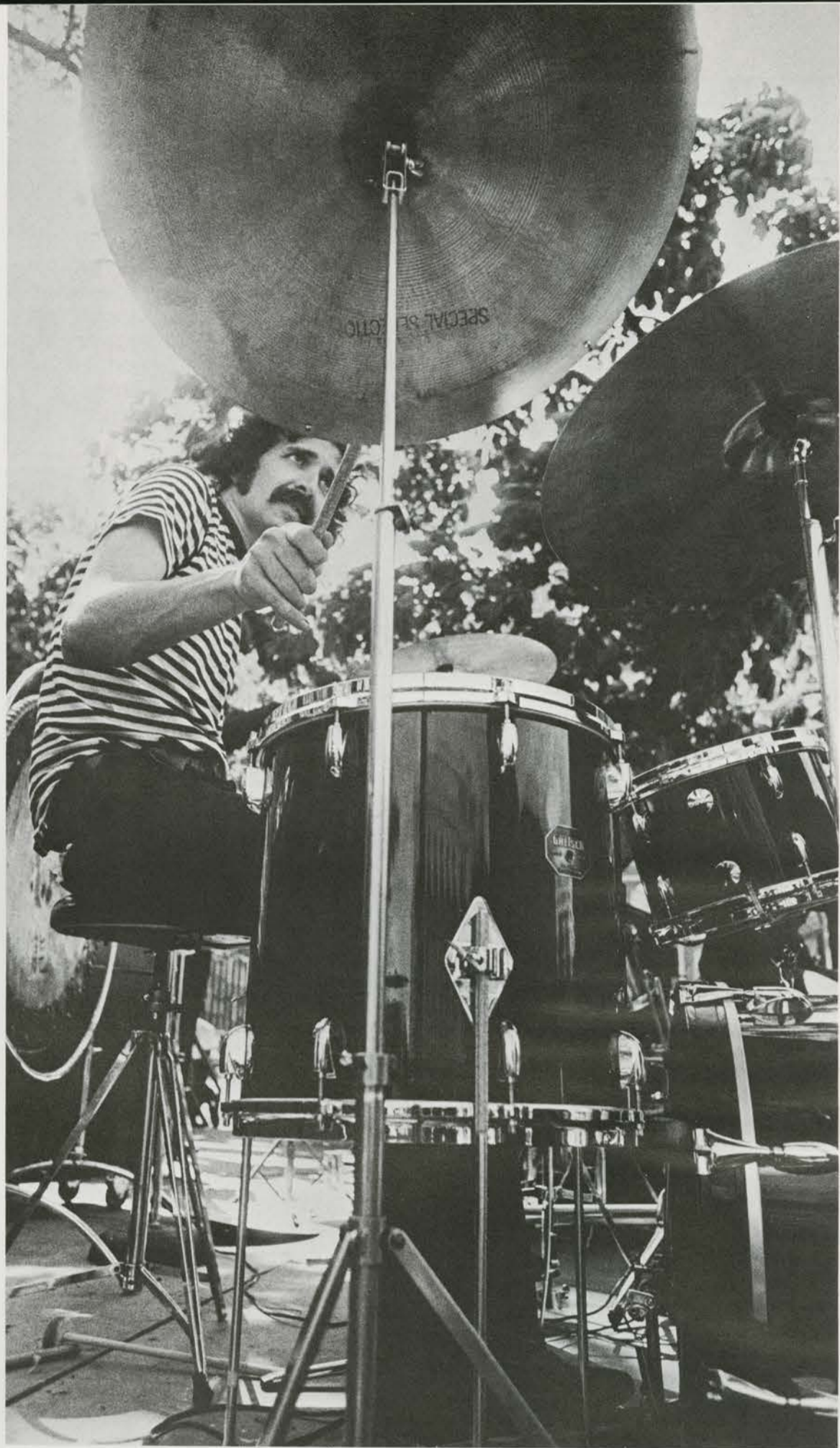

В этом вашингтонском парке собираются любители серьезной классической музыки...

ЛЕТО В САДАХ И ПАРКАХ СТОЛИЦЫ

«Неужели нельзя лучше использовать наши замечательные сады и парки?» — такой вопрос многие годы тревожил общественных деятелей Вашингтона. А нужно сказать, что столица США обладает замечательной системой садов и парков, занимающих 20 процентов территории города, который, по праву, считается одним из самых зеленых в мире. Однако посещение парка обычно было связано лишь с семейными пикниками, прогуливанием собак, кормлением голубей, но даже и это в последнее время пошло на убыль. И тут Джорджу Герцогу, директору Управления национальных парков, которое, кстати, ведет

и вашингтонской системой парков, пришла замечательная идея: летом превратить парки в места развлечений на открытом воздухе, где бы каждый вашингтонец мог весело и приятно провести время. Это мероприятие получило название «Сады и парки летом». Конгресс согласился выделить денежные средства, а общественные организации — обеспечить планировку мероприятия. В 1968 году заработала пропагандная машина: в ход были пущены листовки, плакаты, воздушные шары, автомобили с громкоговорителями и пр. Горожан приглашали посещать любой из 20 парков: выбирай, который к тебе поближе.

... а здесь предпочитают музыку «рок».

Музыка, зрелища, возможность лично принять участие в общем деле

Такое начинание понравилось ва-
шингтонцам, и посещаемость пар-
ков, по данным Управления, увели-
чилась на 300 000 человек в год.
Программа успешно проводится
вот уже четвертое лето. Она пред-
лагает жителям столицы спортив-
ные игры, кино, танцы, кукольный
театр, катанье на пони, прогулки,
эстрадные выступления и специ-
альные мероприятия в честь раз-
личных национальных групп, как,
например, Африканский день, Ис-
панский день, Индейский фести-

валь и т. д. Здесь выступают фокус-
ники, проводится обучение различ-
ным художественным ремеслам.
Наибольшей популярностью поль-
зуются музыкальные выступления,
в которых принимают участие око-
ло ста коллективов. Большинство
получает денежное вознагражде-
ние; входной платы не взимается.
Успех программы оказался настоль-
ко велик, что было решено прово-
дить ее также осенью, зимой и ве-
сной, и теперь она называется «Са-
ды и парки во все времена года».

Показ мод в парке Фаррагут во время обеденного перерыва.

Молодежь учится танцам, театральному искусству и ваянию.

Выступление солистки Национального балета.

Первые уроки: каждую вещь можно превратить в произведение искусства.

По словам одного из ранних биографов, Томас Джефферсон мог «высчитать, когда будет солнечное затмение, сделать топографическую съемку местности, перевязать поврежденную артерию, спроектировать здание, провести судебный процесс, объездить лошадь, протанцевать менуэт и сыграть на скрипке». Он говорил на шести языках, изучал диалекты индейцев и предпочитал читать Гомера в оригинале. Джефферсон был талантливым инженером (изобрел плуг, вращающееся кресло, лифт для подачи кушаний), хорошим математиком (участвовал в создании американской десятичной денежной системы, но не смог убедить своих соотечественников принять метрическую систему мер и весов), ботаником (невзирая на строгие таможенные правила, с опасностью для жизни вывез семена риса из Италии, чтобы посадить их в Джорджии) и палеонтологом (однажды, придя в Белый Дом, изумленные иностранные послы застали его на полу за изучением челюсти динозавра).

Джефферсон очень любил скрипку; о музыке он говорил: «Это страсть моей души». Он написал классическое сочинение о поэзии. Он был художником в душе и любил архитектуру. Во Франции он восхищался храмом Мезон-карре («как любовник своей возлюбленной») и вздыхал над статуей Дианы («Какая прелестная скульптура!»). Он был писателем, педагогом, юристом, историком, фермером и философом. Наравне с Франклином, Вольтером и Берком, он принадлежал к числу великих мыслителей своего века. Он основал Демократическую партию и служил своей стране на разных должностях: был конгрессменом, губернатором, послом, министром иностранных дел, Вице-президентом и, наконец, третьим Президентом Соединенных Штатов.

Дарования Джефферсона были настолько велики и разнообразны, что много поколений спустя Джон Кеннеди, обращаясь к группе нобелевских лауреатов, сказал: «Никогда еще в Белом Доме не собиралось столько талантов и знаний, кроме разве тех случаев, когда Томас Джефферсон обедал здесь в одиночестве».

Но Джефферсон хотел увековечить в памяти грядущих поколений только три своих достижения, о которых он завещал упомянуть на памятнике, когда его похоронят. Он сам себе составил эпитафию:

Здесь похоронен
ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН
Автор
Декларации Американской
Независимости
и
Закона штата Вирджинии
о свободе вероисповедания
и
Отец Вирджинского университета

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Джефферсону было всего 22 года, когда в 1765 году в американских колониях впервые началось серьезное движение за независимость, вызванное всеобщим возмущением против гербового сбора, налога, которым английский парламент обложил колонии без согласия американцев. Акт о гербовом сборе был отменен, но отношения между

еще не дает всех прав... Короли слуги, а не хозяева своих народов... Бог, давший нам жизнь, одновременно даровал нам и свободу: силой можно их уничтожить, но не разъединить».

Делегаты конвента читали доклад Джефферсона с большим изумлением и беспокойством. Большинство находило его «слишком смелым для настоящего положения дел». Но скоро доклад попал в дру-

ухами в литературе и в науке, а главное, славился писательским талантом, — вспоминал его коллега по Конгрессу Джон Адамс. — Его сочинения передавались из рук в руки и отличались исключительно удачным подбором выражений. Хотя в Конгрессе он молчал, на заседаниях комитетов и в разговорах он реагировал так живо и решительно, что я его скоро полюбил».

Джефферсон был у себя в Монтичелло, когда в январе 1776 года королевский губернатор Вирджинии сжег город Норфолк и довел всю колонию до вооруженного восстания. Вирджинец Джордж Вашингтон поспешил на север, чтобы стать во главе американских вооруженных сил, осадивших английские войска в Бостоне. 15 мая в Вирджинии с мачты на здании Капитолия был спущен британский флаг и под звон церковных колоколов был поднят новый флаг с тринадцатью полосами, по числу колоний. Но Джефферсон не слышал колоколов. Он трясся по разбитым дорогам в дилижансе: ехал в Филадельфию, где несколько дней спустя в Конгрессе представители Вирджинии предложили поразившую всех резолюцию с требованием полной независимости колоний.

Резолюция эта вызвала поток шумных дебатов (см. «Америка» № 165), и окончательное голосование было отложено до июля. Тем временем был назначен комитет по выработке текста Декларации Независимости на случай, если резолюция будет принята. В комитет вошли: Адамс, Вениамин Франклин, Роджер Шерман, Роберт Ливингстон и Джефферсон — по одному от главных районов Америки. Остальные четыре члена комитета настаивали, чтобы текст Декларации составил Джефферсон, но тот хотел уступить эту честь Адамсу, более старшему по возрасту. Адамс, однако, твердо стоял на том, что писать должен Джефферсон. «Меня в Конгрессе боялись и ненавидят, — говорил он, трезво оценивая положение. — Кроме того, вы пишете в десять раз лучше меня».

Джефферсон поехал к себе на Маркет-стрит, полный противоречивых чувств. Марта — его жена — лежала дома в Монтичелло тяжело больная, и он уже давно не получал от нее никаких вестей.

Но Джефферсон заставил себя сосредоточиться на порученном ему деле. С пером в руках он провел 18 дней в гостиной за переносным раскладным бюро, которое он сам сконструировал.

Созданному им документу суждено было изменить ход истории, вдохновить Французскую революцию и революции в Латинской Америке — и позже даже революции в Индонезии и в Алжире. По его собственному свидетельству, он написал этот документ, не справляясь ни в каких книгах или статьях. «Моей целью, — вспоминал он в старости, — было не изыскание новых принципов или новых доводов, а постановка нашей проблемы пе-

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА

Джон Холуэй

колониями и метрополией продолжали ухудшаться. В ночь на 16 декабря 1773 года в Массачусетсе — далеко от родной Джефферсону Вирджинии — повстанцы выбросили в Бостонскую гавань груз чая в знак протеста против налогов, взимаемых без согласия американцев, и вообще против английской налоговой политики, подрывавшей торговлю колоний. Англия немедленно приказала закрыть порт. Законодательное собрание штата Вирджиния сразу же реагировало на эти события: оно постановило всемерно поддержать сестру-колонию против британской короны. В своем блестящем докладе «Краткое обозрение прав Британской Америки», написанном для конвента Вирджинии, Джефферсон писал:

«Существует ли хоть одна причина, в силу которой 160 000 избирателей Великобританских островов имеют право диктовать законы четырехмиллионному населению Американских государств? И может ли Его Величество попираť все законы? Он сделал это при помощи силы, но пусть он помнит, что сила

гкие колонии и даже в Лондон, где был перепечатан несколько раз, а парламент вскоре поместил имя молодого автора в список неблагонадежных лиц.

Представители колоний решили собраться в 1774 году на Континентальный Конгресс, чтобы высказать свое недовольство британской политикой. Следующий Конгресс был назначен на 10 мая 1775 года.

19 апреля 1775 года в Лексингтоне (Массачусетс) начались вооруженные столкновения между американцами и англичанами, и едва успел рассеяться дым, как представители колоний в назначенный день собрались в Филадельфии на Второй Континентальный Конгресс. В составе своей делегации Вирджиния послала и 32-летнего Томаса Джефферсона.

Несмотря на свою молодость (только два делегата были моложе его), Джефферсон уже успел завоевать себе имя. «Он был известен

ред человечеством с точки зрения здравого смысла, в выражениях настолько простых и убедительных, что с ними нельзя было бы не согласиться». Он не стремился к оригинальности и не цитировал чужих слов. «Декларация должна была быть выражением американского образа мышления», — считал он. Однако текст Декларации вышел незабываемым по красоте:

«Когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым
расторгнуть политические узы,
связывающие его с другим народом,
и занять
среди держав мира
самостоятельное и равное
положение,
на которое он имеет право
согласно законам природы и ее
Творца,
то должное уважение к мнению
человечества
гребует изложения причин,
побуждающих его к отделению».

В этой части Декларации Джефферсон не выходил из рамок привычного. Мысль о том, что политические союзы заключаются добровольно и могут быть расторгнуты по желанию, была знакома всякому образованному американцу, читавшему Джона Локка и Мильтона. Но в следующей фразе Джефферсон высказал нечто совершенно новое:

«Мы считаем самоочевидной истину,
что все люди созданы равными
и наделены Творцом
прирожденными и неотчуждаемыми
правами,
к числу которых относится
право на жизнь, на свободу
и на стремление к счастью».

Последние три слова являются бесспорным вкладом Джефферсона в сокровищницу американской мысли. Обычно употреблялось выражение «жизнь, свобода и собственность». Заменяв «собственность» «стремлением к счастью», Джефферсон придал новое направление философии Революции.

После длинного перечня конкретных обвинений, предъявляемых колониями королю, Джефферсон закончил:

«Наконец мы торжественно
объявляем
эти колонии свободными
и независимыми штатами...»

Франклин и Адамс сделали несколько поправок; остальные члены комитета одобрили Декларацию единогласно. Затем она была передана на рассмотрение Конгресса, где не чуждые буквоедства юристы стали критиковать ее с азартом, весьма задевшим чувствительного автора. Вся тяжесть защиты текста

Декларации легла на плечи стойкого и решительного Адамса, который очень быстро проявил те свойства, благодаря которым он стал одним из самых непопулярных людей в Конгрессе.

Наконец, 2 июля Декларация была принята.

Четвертого июля в Филадельфии Декларация была прочитана ликующей толпе с балкона здания законодательного собрания. Она была

дарственная религия, высшие священнослужители которой, наравне с правящей аристократией, пользовались огромным политическим влиянием. Первые англичане, приехавшие в Вирджинию в 1607 году, принадлежали к англиканской церкви. Только что подавив раскол в Англии, они стали бороться против него и в Новом Свете. Согласно кодексу Дейля (по имени сэра Томаса Дейля, исполнявшего обязан-

ности некоторых уступок от крупных землевладельцев, управлявших официальной церковью. За ними в Вирджинии появились методисты и баптисты, которые стали горячо проповедовать и обличать государственную церковь и нетерпимость ее законов. На них вскоре набрасывались и их избивали, но они не покорялись. Таким образом, к 1776 году значительная часть вирджинцев была готова уничтожить привилегии официальной церкви.

Критическое отношение Джефферсона к церкви не распространялось на нравственное учение религии, которое он принимал; его интересовал вопрос политического положения церкви. Он считал религию, служащую орудием в руках государства, угрозой свободе — будь то в лютеранской Пруссии или в католической Испании времен инквизиции.

За несколько лет до того Джефферсон в своих «Заметках о Вирджинии» писал, что вирджинцы никогда не откажутся от своего права на свободу совести: «Мы ответственны за это право перед Богом». Кроме того, говорил Джефферсон: «Какой мне вред, если мой сосед утверждает, что существует двадцать богов или что Бога нет? От этого ни мой карман, ни мое здоровье не пострадают».

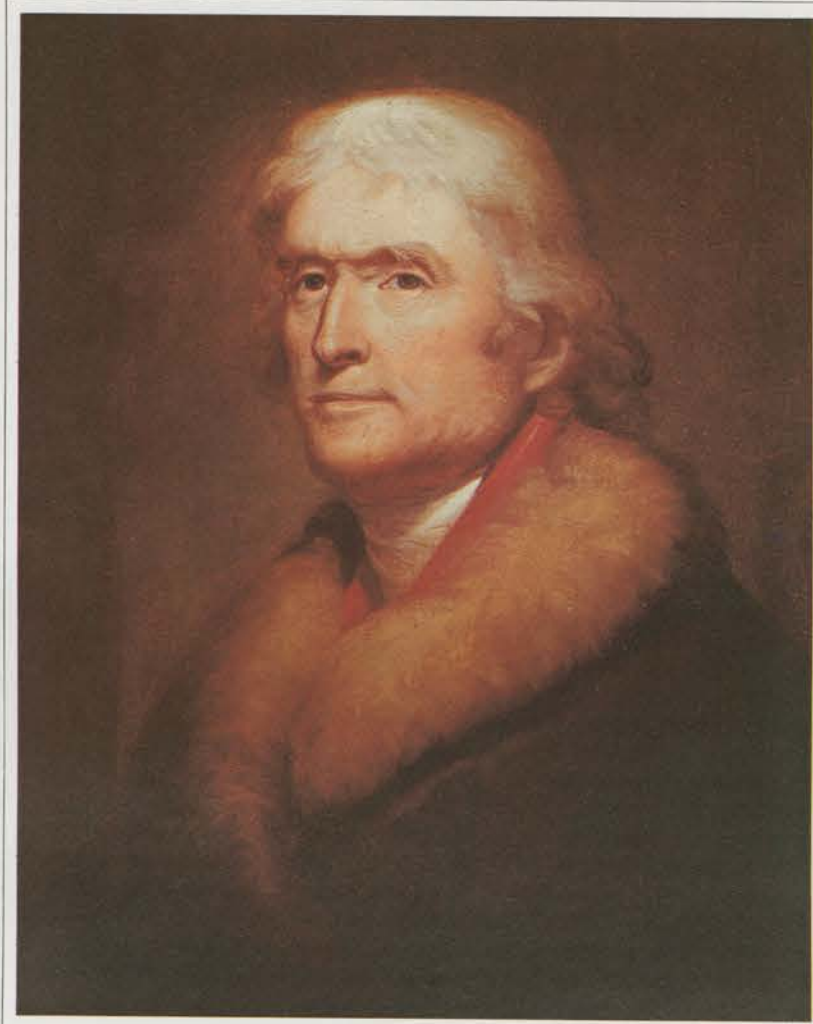
«Разум и свободные искания являются единственным средством против заблуждений, — продолжал он. — Дайте им свободу, и они будут поддерживать истинную религию, подвергая всякую неправую веру своему разбору и суду. Они опасны только для заблуждений. Если бы римское правительство не разрешило свободных исканий, христианство бы никогда не окрепло. Не будь в эпоху Реформации свободы исканий, христианство не смогло бы очиститься от проникшего в него разложения. Если свобода будет ограничена сейчас, то это защитит существующие ныне извращения и создаст благоприятную почву для возникновения новых...»

Итак, уже через четыре месяца после написания Декларации Независимости, Джефферсон был готов начать долгую борьбу против нетерпимости в Вирджинии. В своем проекте, предложенном законодательному собранию штата, он утверждал:

«Что всемогущий Бог создал человеческий разум свободным и, сделав его совершенно недоступным ограничению, тем выразил свою волю, чтобы таким он и оставался...»

«Что нечестивая самонадеянность законодательных органов и правителей — как гражданских, так и церковных, — которые, будучи склонны к ошибкам и не имея вдохновения свыше, сами берутся господствовать над верой других и, считая свои взгляды и мысли единственно верными и непогрешимыми, стараются навязать их другим, эта самонадеянность утверждала и поддерживала ложные религии в большей части мира во все времена...»

«Что эта самонадеянность также подрывает принципы той самой ре-

также прочитана в Нью-Йорке колониальным войскам, которые бросились к конному памятнику короля и сорвали его с пьедестала с тем, чтобы впоследствии переплавить его на пули.

Но Джефферсон не долго оставался в Филадельфии, где продолжалось ликование. Он поспешил вернуться в Вирджинию, чтобы занять свое место в законодательном собрании и повести борьбу против некоторых недопустимых положений, укоренившихся за колониальный период.

ЗАКОН О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Под давлением Джефферсона законодательное собрание постановило прекратить ввоз рабов и отменить феодальные законы, по которым большая часть земли оставалась во владении немногих лиц.

Но предстояло еще самое трудное: Джефферсон решил повести борьбу против государственной церкви.

В XVIII веке в каждом европейском государстве была своя госу-

ности губернатора) за богохульство прокалывали ножом язык, а за непосещение церкви порол. Всем, кто выражал сомнение относительно догмата Святой Троицы, грозила смертная казнь. Каждый приход, независимо от верований его членов, должен был выстроить дом для священника государственной церкви и выделить ему 80 гектаров.

Приезжавшие в Вирджинию пуритане изгонялись. Если кто-нибудь из них все-таки туда возвращался, ему угрожала смертная казнь. Преследование инакомыслящих дошло до того, что даже совершение неангликанского богослужения у себя на дому или распространение книг, защищавших иные верования, считались преступлением. Однако вскоре в Вирджинию стали прибывать большие группы шотландско-ирландских пресвитериан, принадлежавших к демократизированной церкви. Этих сильных духом и телом людей запугать было не так легко, и они до-

лигии, которую она стремится под- держать, подкупая мирскими поче- стями и выгодами тех, кто станет внешне признавать и исповедовать эту религию...

«Что допущение, чтобы предста- вители гражданской власти прости- рали свои полномочия на область убеждений человека и ограничива- ли исповедание или проповедь идей, основываясь на их вредном направ- лении, является очень опасной ошибкой, которая сразу уничто- жает всякую свободу религии, по- тому что представитель власти, су- дя о направлении идей, естествен- но считает мерилем свои собствен- ные убеждения и одобряет или осуждает чувства других только в зависимости от того, насколько они совпадают или расходятся с его собственными...

«И, наконец, что Истина велика и восторгается без посторонней помощи».

Тут Джефферсон натолкнулся на самое сильное сопротивление, ка- кое ему когда-либо приходилось встречать. Борьба затянулась на десять лет. Так как в самый ее раз- гар Джефферсон был избран на должность губернатора, ему при- шлось передать лидерство в законо- дательном собрании Джеймсу Мадисону. Духовенство отчаянно защи- шалось с помощью быстрого и та- лантливого Патрика Генри. По- скольку противникам не удавалось полностью провалить внесенный Джефферсоном законопроект, они старались, по возможности, его ослабить. Но Мадисон не дремал. Его первой победой было постановле- ние законодательного собрания о прекращении выплаты жалования духовенству из штатных средств. Таким образом, граждане, принад- лежащие к другим вероисповеда- ниям или вообще никакой веры не исповедующие, больше не должны были содержать англиканскую цер- ковь. В конце концов, оппозиция согласилась признать все христиан- ские религии законными, но Мадисон настаивал на том, чтобы терпи- мость распространялась на всякую религию вообще, будь она христи- анская, магометанская, иудейская или буддийская. Предложение его прошло большинством голосов.

Джефферсон был послан в Па- риже, когда в 1786 году Мадисон прислал ему радостное известие: вирджинский закон о свободе веро- исповедания — первый в мире — был только что утвержден. Джеффер- сон с гордостью показывал его всем своим европейским друзьям. В от- ветном письме он радостно сооб- щал, что закон этот встретил «без- граничное одобрение» (правда, не европейских правительств, а част- ных лиц).

Джефферсон особенно гордился тем, что Вирджиния была первой, «имевшей мужество заявить, что че-

ловеческому разуму можно дове- рить формирование его собствен- ных мнений».

Однако, Джефферсону пришлось заплатить за эту победу. Когда, че- рез 14 лет, он выставил свою кан- дидатуру в Президенты против кан- дидатуры Адамса, духовенство сле- лало все возможное, чтобы прова- лить его на выборах. Джефферсон отнесся к этому очень спокойно.

Много лет спустя он написал од- ному из своих друзей, приславшему ему спорную книгу о религии:

«Неужели нам нужен цензор, ко- торый бы стал нам указывать, ка- кие книги можно продавать и что нам можно покупать? Если книга извращает факты — докажите их ложность; если она преподносит неправильные рассуждения — опро- вергните их. Но, Бога ради, дайте же свободно высказаться обеим сторонам».

Когда он писал это письмо, ему был 71 год. К тому времени он уже сложил с себя бремя президентства и мог заняться осуществлением еще одной своей мечты.

ВИРДЖИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В 1786 году Джефферсон предло- жил проект школьной системы, ко- торая должна была подорвать по- ложение аристократии. Согласно этому проекту предлагалось от- крыть столько школ, что каждый ребенок мог бы ходить туда пеш- ком. Штат должен был предоста- вить трехлетнее бесплатное обуче- ние; дальнейшее же образование должно было оплачиваться родите- лями. Самые способные ученики должны были определяться при по- мощи отсева на конкурсных экза- менах и продвигаться на следую- щую ступень образования. В конце концов, самые одаренные студен- ты заканчивали бы университет. Джефферсон надеялся, что «таким образом ежегодно из общей массы можно будет выделить 20 гениев».

Практически мечтания Джеф- ферсона были мало осуществимы и стоили бы слишком дорого, при- нимая во внимание, что тогда жите- ли Вирджинии жили гораздо даль- ше друг от друга, чем теперь. Тре- буемое количество школ было бы совершенно немыслимо содержать при тогдашних налогах, и законо- дательное собрание проголосовало против этого проекта.

Но Джефферсон, продолжавший лелеять свою мечту в течение двух войн и трех десятилетий жесто- ченной политической борьбы в ка- бинете министров, на посту Вице- президента и, наконец, в Белом До- ме, не собиравшая теперь от нее от- казываться. В 1817 году, в возрас- те 74 лет, он намеревался посвя- тить последние годы жизни этому делу. Венцом системы образования должен был стать университет. Там специальные факультеты подготав- ляли бы архитекторов, музыкантов, скульпторов, экономистов, воен- ных, агрономов, врачей, историков, священников, юристов.

Законодательное собрание про- должало считать его мечту несколь- ко экстравагантной. Но «мудрец из

Монтичелло» был слишком зака- ленным политиком, слишком терпе- ливым философом, чтобы легко ус- тупить, и уже в следующем году су- мел получить ассигнование в не- сколько тысяч долларов на обуче- ние неимущих и на основание уни- верситета. В непроницаемой стене образовалась брешь, и Джеффер- сон приложил все усилия, чтобы ее расширить.

Джефферсон, Мадисон и Джеймс Монро — все бывшие Президенты США — были назначены членами комиссии по созданию университе- та. Они собрались в Монтичелло, где спокойно обсудили свои планы. Оттуда они поехали по зеленой холмистой Вирджинии в Рокфиш- Гап, чтобы встретиться там с ос- тальными членами комиссии — свы- ше двадцати почетных граждан Вирджинии. Из гостиницы, в кото- рой собралась комиссия, открывал- ся вид неописуемой красоты. 75- летний Джефферсон явно домини- ровал над остальными. С помощью таблиц, чертежей и статистических данных он без труда доказал, что Шарлотсвилл, расположенный не- далеко от его поместья Монтичел- ло, не только является географиче- ским и демографическим центром штата, но и самой его здоровой ме- стностью. Члены комиссии согласи- лись с тем, что Шарлотсвилл — са- мое подходящее место для будуше- го университета.

Соул К. Падовер, один из био- графов Джефферсона, описывает дальнейшие события так:

«В течение последующих шести лет Джефферсон жил исключительно Вирджинским университетом... Он был архитектором, подрядчи- ком, планировщиком и старшим ма- стером, обучавшим рабочих. Он все делал сам. Он добывал средства. Он изготавлял архитектурные чертежи. Он нанимал рабочих, даже выписы- вал скульпторов из Италии. Он разрабатывал все детали постройки. Когда не хватало квалифици- рованных каменщиков и плотни- ков, он учил рабочих, как класть кирпичи и как отмерять доски».

Главным препятствием в работе Джефферсона были денежные за- труднения. Понемножку, с великим трудом, подобно тому, как выры- вают зубы, Джефферсон испраши- вал средства у неблагоприятно на- строенных законодателей, счи- тавших его расточительным манья- ком. «Что же подумают на белом свете, — спрашивал он терпеливо, — если Вирджиния допустит, чтобы около дюжины красивых обще- ственных зданий так и остались без крыши или без дверей?» С видом людей, вынужденных расправляться за свою ошибку, законодатели неохотно голосовали за очередное ассигнование. В конечном итоге, постройка университета обошлась в 300 000 долларов, что по тем вре- менам было колоссальной суммой. Но деньги эти были истрачены не

даром. Построенный по архитек- турным планам самого Джефферсо- на комплекс университетских зда- ний, выросший на красной вир- джинской почве, эффектно выри- совывался на фоне зеленых гор и представлял собой самый красивый архитектурный ансамбль страны.

Но Джефферсон знал, что хоро- шие профессора важнее, чем зда- ния. Он выписывал профессоров из лучших университетов Англии и других стран.

Наконец, в 1825 году настал дол- гожданный день открытия Вир- джинского университета, о котором так мечтал теперь уже 82-летний его основатель.

«Джефферсон живо интересовал- ся университетом до конца своих дней, — продолжает Падовер. — Два или три раза в неделю он пригла- шал профессоров к себе на обед и не только хорошо угощал их, но и занимал интересной и изяшной бес- селой. Он приглашал в Монтичел- ло и студентов, главным образом по воскресеньям. Они чувствовали священный трепет перед этим жи- вым, худощавым и седым джентль- меном, проявляющим столько так- та и мудрости. Когда за столом бы- вали студенты, Джефферсон обедал отдельно в маленькой нише столо- вой, чтобы не стеснять молодых людей своим присутствием и глухо- той. Для этих студентов он был го- тов на все: ведь они были тем но- вым поколением, которому пред- стояло продолжить дело, в кото- рое он верил, и воспринять идеа- лы, которым он служил.

«Они оправдали его ожидания. Воспитанники Вирджинского уни- верситета не только с почтением вспоминали основателя своей альма- матер, но и оказались вполне под- готовленными к предстоявшей им деятельности. Джефферсон был му- дрым сеятелем, и страна пожала богатые плоды. Из аудиторий джефферсонского университета со временем вышли такие поэты, как Эдгар Аллан По, такие ученые, как Уолтер Рид, и такие государствен- ные деятели, как Вудро Вильсон. Джефферсон с правом мог бы гор- диться этой плеядой способных мо- лодых людей».

Бывают в жизни совпадения, ко- торые печально отзываются в на- шем сердце и заставляют нас задуматься...

Так было 4 июля 1826 года. Про- шло ровно 50 лет с того дня, когда была провозглашена Декларация Независимости, которая выдвинула новые понятия о человеческих пра- вах и изменила направление мысли последующих веков. В этот день в Бостоне умирал один из подписав- ших эту Декларацию — второй Пре- зидент США Джон Адамс. Вдруг у умирающего зашевелились губы: «А Томас Джефферсон все еще жив!» — прошептал он.

Тогда известия распространялись не так быстро, как в наше время. Джон Адамс ошибался. Он не мог знать, что всего за несколько ча- сов перед тем Томас Джефферсон — третий Президент Соединенных Штатов и автор текста Декларации Независимости — скончался. ■

Усадьба Монтичелло (что в переводе означает «Горка») расположена на зеленом холме Аппалачского хребта близ Шарлотсвилла. Когда-то полными хозяевами этого края были индейцы. В 1769 году сюда приехал молодой адвокат 26 лет — Томас Джефферсон, впоследствии ставший третьим Пре-

зидентом Соединенных Штатов. Он вырубил лес на вершине холма, посадил там фруктовые деревья — и уже тогда точно представлял себе, чего он хочет. В течение почти всей своей жизни Джефферсон продолжал заниматься усовершенствованием своего дома, и потому по Монтичелло можно судить о вкусах и чаяниях его первого владельца. После смерти его жены Марты, имение стало главной привязанностью Джефферсона.

Особняк, задуманный Джефферсоном, не походил на американские дома тех времен. Его симметрия и классическая стройность легли в основу нового стиля американской архитектуры. Молодой хозяин сам изготовлял все чертежи и для строительства, за исключением стекла, использовал только местные материалы.

МОНТИЧЕЛЛО СОЗДАНИЕ ДЖЕФФЕРСОНА

«Все мои желания, — писал Джефферсон, — кончаются там же, где, я надеюсь, кончатся мои дни: в Монтичелло».

Дом был спроектирован с учетом его исключительно красивого местоположения. В противоположность обычному в Вирджинии расположению построек в усадьбе, при котором разнообразные служебные здания в значительной мере заслоняли господский дом, Джефферсон построил Монтичелло с открытым видом на все стороны. Все службы — кухня, копильня, прачечная, конюшни и т. д. — расположены слева и справа от дома двумя рядами смежных помещений, задняя часть которых врезана в холм. Кроме выхода наружу, каждое из этих помещений имеет внутренний ход, посредством которого, через туннель, связано с подвалом особняка. Сверху,

Во время постройки особняка Джефферсон жил в первом здании Монтичелло — небольшом кирпичном домике, известном сейчас под названием «коттедж медового месяца». «Он служил мне, — писал Джефферсон своему другу, — и гостиной, и кухней, и залой. А впрочем, еще и спальней, и кабинетом». Сюда же он привез свою молодую жену вьюжной новогодней ночью 1772 года.

Брак Джефферсона оказался очень удачным, но счастье продолжалось недолго: через десять лет Марта умерла. Джефферсон не отходил от жены во время ее болезни, а после ее смерти в одиночестве переживал свое горе, затворившись у себя в кабинете. Потом он стал совершать одинокие верховые

В столовую, где стоит мебель Джефферсона, ведет вращающаяся дверь с полками для подачи кушаний.

Сделанный в 1771 году набросок дома, задуманного Джефферсоном еще в юности, очень напоминает Монтичелло.

вместо крыши, устроены террасы. Таким образом, Джефферсон сумел спрятать все постройки, нарушающие красоту вида, под склонами холма. Открытый вид на окружающую усадьбу местность однажды способствовал спасению Джефферсона. Во время Войны за независимость, в 1781 году, британская кавалерия предприняла смелый рейд на Монтичелло, надеясь захватить Джефферсона, бывшего в то время губернатором Вирджинии. По счастью, когда вся семья сидела за завтраком, его предупредили о нависшей угрозе. Позабывшись о безопасности жены и детей, Джефферсон навел свой телескоп на город, расположенный ниже усадьбы, но не заметил там красных мундиров англичан. Вернувшись в дом, он обнаружил, что обронил где-то свой тесак, и пошел обратно. Взглянув еще раз в телескоп, он увидел, что город был уже полон врагов. Он вскочил на лошадь и ускакал до появления англичан.

Два маленьких лифта, расположенных по обеим сторонам камин, служили для подачи вина из погреба в столовую.

прогулки по лесу. Иногда он брал с собой свою десятилетнюю дочь. Монтичелло было настолько связано с воспоминаниями о безвозвратно ушедшем счастье, что Джефферсону было тяжело оставаться в своей усадьбе.

В это время Конгресс США предложил Джефферсону поехать в качестве посла во Францию. В 1794 году он с радостью вернулся в Монтичелло, «в свою усадьбу, к своей семье и к своим книгам». Он с увлечением занялся сельским хозяйством, вводя такие новшества, как контурную вспашку и молотилку. В то же время он пересмотрел планы Монтичелло и решил внести некоторые изменения. В результате перестройки, длившейся с 1796 по 1809 год, особняк принял свой теперешний вид.

Всевозможные приспособления, встречающиеся в доме, свидетельствуют о том, что Джефферсон опередил свой век на двести лет. В передней находятся настенные часы, указывающие день недели при помощи системы противовесов из пушечных ядер. Возвышающийся над портиком флюгер соединен с циферблатом и стрелкой под потолком портика, так что от входных дверей можно

Чтобы не тратить слишком много места на лестницы, Джефферсон сделал их крутыми и узкими.

увидеть направление ветра. Двустворчатые стеклянные двери, отделяющие переднюю от гостиной, открываются и закрываются одновременно благодаря находящейся под полом цепи ручной ковки, уложенной восьмеркой.

Однако мирная жизнь Джефферсона в его усадьбе продолжалась недолго. В 1797 году он переехал в Вашингтон, чтобы занять пост Вице-президента. В 1800 году его избрали Президентом США, и Джефферсон провел восемь бурных лет в Белом Доме. Затем он вернулся в Монтичелло, чтобы, как он писал своему старому другу Тадеушу Костюшко, «насладиться покоем, которого не знал уже давно».

У Джефферсона было много разнообразных интересов. В 66 лет он выглядел на 10 лет моложе своего возраста. Он проводил в седле три или четыре часа в день, обвезая свое поместье. Он вставал с восходом солнца, принимал ледяную ножную ванну и сам разводил огонь в камине. Завтракал Джефферсон

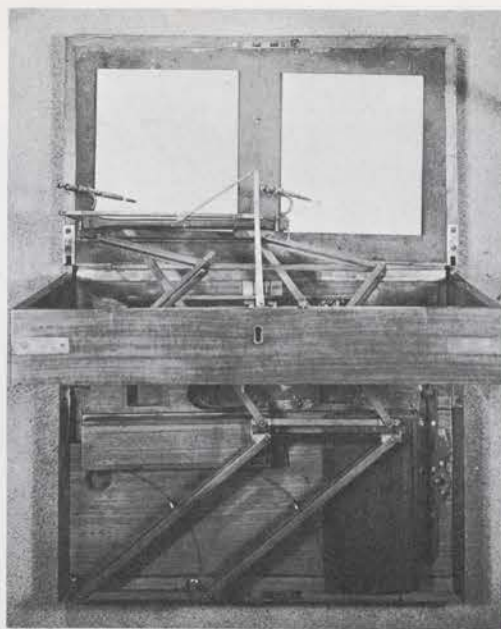
весьма умеренно — пил чай или кофе. Он очень много читал и особенно любил греческих классиков в оригинале. Он сам спроектировал очки, которые, впрочем, употреблял только для чтения перед сном в своей необыкновенной кровати.

Монтичелло было в долгах. В Европе бушевали наполеоновские войны, и Джефферсон, будучи Президентом, предложил наложить эмбарго на внешнюю торговлю, чтобы обеспечить Америке нейтралитет. Это эмбарго лишило его самого рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, толпы гостей, наводнявшие Монтичелло, способствовали его разорению. Бывало, что по 70 человек одновременно гостили у Джефферсона, так что ему пришлось продать свою любимую библиотеку в 6000 томов. Это собрание книг легло в основу Библиотеки Конгресса, первая коллекция которой была сожжена англичанами в 1814 году.

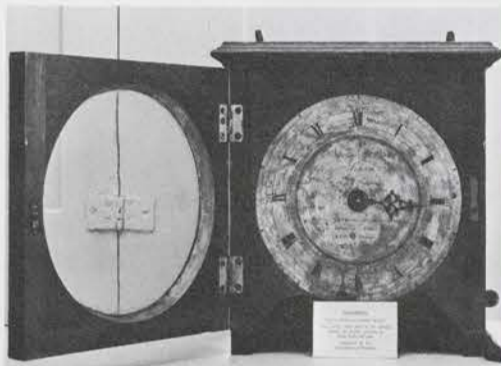
Наконец долги достигли столь внушительных размеров, что Джефферсон решил продать свое имение. Когда по стране прошел слух об этом, общественность решила не допустить продажи Монтичелло и собрала необходимые средства.

В 83 года Джефферсон был готов к смерти, которую он сравнивал с ливнем: никто специально не хочет попасть под ливень, но и ничего страшного в этом нет. В своем последнем письме Джефферсон выразил основное убеждение всей своей жизни: «Большинство людей не родилось с седлом на спине, так же как и немногие избранные не родились в сапогах со шпорами, чтобы ездить на них».

Сейчас каждый, кто осматривает Монтичелло внимательно и не спеша, во всем почувствует отпечаток личности его знаменитого хозяина.

При помощи соединенных перьев полиграфа Джефферсон мог написать письмо и одновременно получить его копию.

Джефферсон прикрепил этот одометр к оси своей кареты, чтобы измерить расстояние от усадьбы до Филадельфии.

Силуэты изображают Марту, жену Джефферсона, в 15 лет (слева сверху), их зятя (сверху) и внуков (внизу).

Посетители могут видеть камеру-обскуру Джефферсона и его восьмиугольный столик с ящиками.

Джефферсон всегда запирали свой кабинет и спальню, которые разделял альков с его кроватью.

Темные очки, шезлонг и вращающееся кресло Джефферсона выглядят так, как будто их хозяин только что вышел из комнаты.

«НОЧЬ, КОТОРУЮ ТОРО ПРОВЕЛ В ТЮРЬМЕ»

Авторы этой пьесы Джером Лоуренс и Роберт Э. Ли горячо любят личную свободу и прекрасно знают американскую историю. Это дает возможность находить в прошлом много общего с настоящим.

В свое время они написали две пьесы: о Кларенсе Дэрроу, известном юристе нашего века, и о Президенте Уоррене Гардинге. Теперь они сосредоточили свое внимание на начале XIX века, посвятив пьесу Генри Дэвиду Торо, в лице которого (как они справедливо замечают) многие наши молодые современники могут узнать самих себя.

«Ночь, которую Торо провел в тюрьме» глубоко волнует и трогает зрителя. В отличие от многих американских пьес, она была впервые показана не на Бродвее: ее поставили 75 периферийных театров в разных районах страны. Премьера пьесы в Вашингтонском театре «Арена» прошла с большим успехом. Это был законченный, красочный спектакль, и вечер воспоминаний о Торо сохранится в памяти многих.

За отказ платить подушный налог 29-летний Генри Дэвид Торо был посажен в тюрьму в его родном городе Конкорд (Массачусетс). И там он мысленно вновь проходит тот путь страстного приверженца независимости, который и привел его в тюрьму. Он возмущался Президентом, который навязал стране войну, не находящую поддержки среди населения, восхищался конгрессменом от штата Иллинойс, который протестовал против ведения войны; жестоко осуждал своего самого близкого друга и единомышленника за нежелание, как он утверждал, «высказываться открыто».

Речь идет о Президенте Джемсе Полке, о Мексиканской войне, о конгрессмене Аврааме Линкольне и о друге Торо — Ралфе Уолдо Эмерсоне.

Важнейшие достоинства этой легко воспринимаемой пьесы — ее сценическая плавность и ее человечность.

Из тюремной камеры, представленной крайне скухими декорациями, действие переносится в Конкорд и к берегам близлежащего пруда Уолден. Мы чувствуем озабоченность его семьи, привязанность к нему брата и беспокойство Эмерсона. Мы ясно понимаем, в чем именно Торо видел человеческие слабости и мнимую набожность. Ясным нам также становится и конфликт между идеализмом Торо и более практической натурой Эмерсона.

Нельзя оспаривать права Торо мечтать о сохранении девственной чистоты Уолдена, но такие мечты не могли осуществиться. Чтобы проповедовать свои идеи, Эмерсон

должен был отправляться в турне с лекциями и ездить к Карлейлу. Разве мог бы Эмерсон писать так мудро, если бы он всю жизнь провел на берегу Уолдена, собирая ягоды?

Итак, в этой построенной на воспоминаниях пьесе авторы стараются нам показать, что можно предаваться мечтам и даже их разделять с другими, но что наш мир все же не находится в вакууме.

Этот экскурс в прошлое США, в мир протестующих идеалистов, безусловно, обогатит американский театр. РИЧАРД Л. КО
(Авт. права: изд-ва «Вашингтон пост компани», 1970 г.)

ОДИССЕЯ ПЕТРАКИСА

«Стельмарк», воспоминания Гарри Марка Петракиса (изд-во Маккей, Нью-Йорк).

«С годами мне стало ясно, — пишет Гарри Марк Петракис, — что мы все странники, всю жизнь пребывающие в пути, в поисках тихого пристанища, обрести которое нам так и не удается».

«Стельмарк» — мудрая книга воспоминаний, написанная американцем греческого происхождения, человеком нежной души, исполненной непоколебимого оптимизма.

Произведения Петракиса корнями уходят в личный жизненный опыт и в переживания автора. Как мальчик в «Мечте королей», он тоже долго болел в детстве. Образ Перикла, героя первого опубликованного писателем рассказа, явно списан с замученного заботами бакалейщика грека, научившего автора, тогда еще мальчика, понимать и ценить старые традиции. Прототипом для несчастной молодой вдовы в «Мечте королей» послужила Марина, которую Гарри в юности любил и которую потерял.

ГАРРИ МАРК ПЕТРАКИС.

Свою жизнь Петракис передает в четкой и выразительной, мастерски написанной прозе. Описывая свои юношеские годы, он спрашивает: где теперь его сверстники? Где те, «разделявшие царство нашего детства шустрые мальчуганы, впервые научившиеся познавать радости и горе, вечно спешившие урвать время для игр, из которых всегда выходили победителями, не ведавшие страха ни перед годами, ни перед смертью, думавшие, что солнце будет сиять вовеки...»

Ранний период его жизни можно, мягко говоря, назвать сумбурным. Успеха он добился лишь после многих лет мытарства на случайных работах, постоянной борьбы и частых поражений. Подобно Матсукасу в «Мечте королей», он был неисправимым картежником, пустившим по ветру не только собственные сбережения, но и деньги жены и родителей. Однако, в конце концов он образумился, «ибо, в противном случае, так бы и остался вечным пленником темной и развращающей страсти».

В последней части «Стельмарка» Петракис описывает свои упорные усилия добиться успеха на поприще литературного творчества. Начав набрасывать свои рассказы на бумагу и относиться к этому почти как к религиозному ритуалу для изгнания владевших им демонов, томимый смутным влечением и ускользающими из памяти образами, он боролся, сдавался, снова брался за перо и опять бросал его, чтобы вновь и вновь за него хвататься. «Это занятие, — замечает Петракис, — не менее трудное, чем поиски мифического Протея, постоянно ускользающего из рук и вечно меняющего окраску и формы». МАЙКЛ ДЖ. БАНДЛЕР
(Переведено с разрешения газеты «Национал обсервер». Авт. права: изд-ва «Доу Джонс энд компани», 1970 г.)

«УЛОВКА-22» В ПОСТАНОВКЕ МАЙКЛА НИКОЛСА

Пережитое чувство панического страха, как и безудержного горя или бьющей через край радости, сохраняется в памяти только у психопатов, очень немногих художников и таких случайных героев презкистенциалистской эры, как Йоссарян, безумный бомбардир из романа Джозефа Хеллера «Уловка-22» времен Второй мировой войны.

Однажды пережитый обычным неврастеником панический страх немедленно, раз и навсегда, улетучивается из реального мира. Это чувство становится воспоминанием воспоминания. Но Йоссарян не принадлежит к числу обычных неврастеников. На американской военно-воздушной базе, находящейся на малюсеньком средиземноморском острове

«УЛОВКА-22» — ЛУЧШИЙ ИЗ ВСЕХ ВИДЕННЫХ МНОЮ В 1970 ГОДУ ФИЛЬМОВ», — ТАКУЮ ОЦЕНКУ ДАЕТ ЭТОЙ ЛЕНТЕ КРИТИК ВИНСЕНТ КЕНБИ. ВВЕРХУ: АЛАН АРКИН В ГЛАВНОЙ РОЛИ — БЕЗУМНОГО БОМБАРДИРА ЙОССАРЯНА. СЛЕВА: АРКИН И АНТОНИ ПЕРКИНС. СЛЕВА ВВЕРХУ: АРКИН И АРТУР ГАРФУНКЕЛ.

Пианоса (который, в описании Хеллера, выглядит каким-то сюрреалистическим подобием съжившейся и лишенной зелени Корсики) в состоянии постоянного чудовищного страха влачит свое лихорадочное существование Йоссаряна. Для Йоссаряна, этого добровольного параноика, чувство панического страха служит своего рода нирваны.

Он убежден, что все только и помышляют о его убийстве: немцы, американские офицеры, медсестра Дакетт, бармены и каменщики, местные домовладельцы и их постояльцы, патриоты и предатели, сторонники самосуда и судомойки. Даже если они до него не доберутся, все равно, по убеждению Йоссаряна, ему скоро конец.

Поскольку человечество сговорило его умертвить (а он хочет выжить!), Йоссарян убежден, что весь мир сошел с ума. И тут он совершенно прав: попал, как говорится, в точку.

Особым достижением романа Хеллера и его экранизированной Майклом Николсом версии нужно считать то, что панический страх Йоссаряна передается как нечто чрезвычайно важное, совершенно разумное, необычайно трогательное и поразительно забавное. В специфическом, упорядоченном мире Пианосы, где система вознаграждения и наказания отличается своей исключительной беспорядочностью, панический страх представляется явлением столь же положительным и плодотворным, как любовь.

Без лишних слов скажу: по-моему, «Уловка-22» — лучший из всех

виденных мною в 1970 году американских фильмов. Внешне он походит на весьма дорогостоящий фильм из разряда коммерческих кинокомедий. Но по существу это, возможно, лучшая из эпических комедий, когда-либо поставленных в Голливуде с использованием таких традиционных комедийных средств, как гипербола, фантазия, шок, сарказм и «логика наоборот».

Есть у меня, однако, и некоторые сомнения относительно фильма. Прежде всего, я не вполне уверен, сможет ли человек, не читавший романа, разобраться в повествовательной канве фильма. Николс и сценарист Бакк Генри слишком часто прибегают к экскурсам в недавнее прошлое и оттуда в прошлое далекое. Изъяты из фильма также и некоторые существенные для развития фабулы персонажи и сцены.

Все актеры играют восхитительно, но доминирующей фигурой, связывающей фильм воедино, является бесподобный Алан Аркин в роли Йоссаряна. Аркин не комик. Он драматический актер. Однако в передаче разумного начала с маниакальной целеустремленностью он сумел создать не только очень смешной, но в то же время и героический образ.

«Уловка-22» — третий фильм режиссера: до того Николс поставил «Кто боится Вирджинию Вульф?» и «Выпускника». Потому сейчас можно смело считать, что этот фильм — не просто случайная удача, а скорее удача закономерная. «Уловка-22» — гигантский фильм даже по раздутым голливудским масштабам, но физические трудности постановки ничуть не обезличивают интимный характер комедии.

Фильм «Уловка-22», как и сам Йоссарян, насквозь проникнут чувством панического страха, ибо он преисполнен горечи, вызванной тем грустным состоянием, в котором

ныне пребывает человечество. ВИНСЕНТ КЕНБИ (Авт. права: изд-ва «Нью-Йорк таймс компани», 1970 г. Переведено с разрешения издательства.)

СНОВА ВСТРЕЧА СО СТРАВИНСКИМ

«Воспоминания и выводы», Игорь Стравинский и Роберт Крафт (изд-во Альфреда Кнопфа, Нью-Йорк). «Воспоминания и выводы» состоят из двух частей. В первую, озаглавленную «Разное», входят интервью, беседы и высказывания покойного Стравинского. В частности, его оценка трех граммофонных записей «Весны священной» и последних квартетов Бетховена. Вторая часть, отрывки из «Дневников» Роберта Крафта за 1948—1968 гг., хотя и не лишенная пустых мелочей и сплетен, содержит порой замечательные зарисовки со стороны, сделанные Робертом Крафтом, за последние 20 лет ближайшим сотрудником Стравинского. Все эти годы нестареющий композитор, как крот, пробирался подземными ходами через каменистый, но (для Стравинского) вовсе не непроходимый лабиринт музыки и мыслей — современных и дошедших до нас из прошлого.

Если говорить о существовании какой-либо единой личной темы, красной нитью проходящей через последний цикл книг Стравинского и Крафта, то это, несомненно, неистощимая любовь Стравинского к жизни, вселявшая, вопреки всему, в него силу следовать и дальше по предназначенному судьбою пути. «Ищите других

ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ

форм удовлетворения, часто свинтуют мне, — говорил он, — но единственно, чего я добиваюсь с большим упорством в последнее время, — это удовлетворения от сознания, что я выжил, несмотря на все советы».

В книге мы находим его ностальгическую оценку «Мейстерзингеров», его оценку метрического узора современного композитора Карлхайнца Штокхаузена, напоминающего метрическую структуру «Гибели богов», довольно тщательно подготовленные интервью, отличающиеся остроумными отве-

тами композитора. (Интервьюер: «Считаете ли вы, что все сильные эмоции уже нашли свое отражение в музыке?» Стравинский: «Да, до тех пор, пока не появятся новые, чтобы доказать обратное».)

Ловкий ответ? Но таким ли был на самом деле Стравинский, мистер Крафт?

А вот каков на самом деле Роберт Крафт — очень интересно рассказано во второй части «Дневников». Записи начинаются с первой встречи (в 1948 году) с Игорем Стравинским и его женой в вашингтонской гостинице «Роли» и кончаются в Голливуде (в 1968 году), когда Кристофер Ишервуд (которому посвящена книга) спрашивает Крафта и Стравинских: «Была ли ваша встреча с Крафтом любовью с первого взгляда?» Тут, 31 марта 1968 года, автор пишет в дневнике: «Я счастлив, что мы все в один голос ответили — да!».

Между первой и последней записями читателю предлагается большой выбор личных наблюдений и замечаний мистера Крафта.

Глубокая преданность Крафта покойному выявляется при повторных приступах болезни композитора. «Стоит мне лишь подумать о возможности смерти Стравинского — и я чувствую, что это было бы почти равносильно утрате собственной жизни». В другом месте он пишет: «Мои чувства — это просто любовь к моему лучшему другу, восхищение перед его борьбой и перед его волей, перед смелостью и перед духом старого человека». ЛУИС ШНАЙДЕР (Переведено с разрешения газеты «Крисчен сайенс монитор». Авт. права: изд-ва «Крисчен сайенс паблишинг компани», 1970 г.)

БАЛЕТ С ДУШОЮ

Еще два года тому назад Лидия Абарка понятия не имела о балете. А недавно эта хрупкая 20-летняя девушка по-турецки сидела на полу артистической уборной в ожидании выступления: она стала солисткой Гарлемского театра танца. Дело происходило на фестивале танца «Изголовье Иакова», в городке Ли (Массачусетс), так называемой летней «столице» американского балета. Для Лидии, дочери сторожа, и тридцати других молодых талантливых негров, участников группы, существующей всего лишь два года, выступление на фестивале «Изголовье Иакова» было завершением пройденного ими ускоренного курса классического балета; для балетмейстера Артура Митчелла, 36-летнего солиста Нью-Йоркского городского балета под художественным руководством Джорджа Баланчина, — осуществлением заветной мечты.

Мечта открыть доступ танцорам неграм в мир классического балета стала жизненной целью Артура Митчелла с того времени, когда он, бывший чистильщик

АРТУР МИТЧЕЛЛ.

сапог, из танцора чечетки превратился в первого негра солиста труппы Баланчина.

Митчелл быстро заручился финансовой поддержкой для Гарлемской балетной школы от Фордовского фонда, от Совета по делам искусств штата Нью-Йорк, от фонда Гимбела и многих других частных организаций. Линкольн Кирстейн, один из двух режиссеров Нью-Йоркского городского балета, стал председателем правления школы Митчелла, в которое вошли также Джордж Баланчин и артисты негры Брок Питерс и Сисели Тайсон. Митчелл сумел привлечь в свою школу плеяду выдающихся учителей, в частности, Карела Шука, бывшего балетмейстера Нидерландского национального балета, Танакуила Леклерка, одного из способнейших воспитанников Нью-Йоркского городского балета, и Мэри Хинксон из труппы Марты Грехэм.

Танцевальная школа находится в подвальном помещении церкви Спасителя у парка Морнингсайд. Занимаются там 400 человек, в большинстве жители Гарлема. «Никто из них не был хорошо подготовлен, — говорит Митчелл. — Только трое умели танцевать».

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАРЛЕМСКОЙ БАЛЕТНОЙ ШКОЛЫ.

Но они быстро научились балету.

На сцене «Изголовья Иакова» труппа представила балет Стравинского «Агон» в хореографии Баланчина и построенный на чечетке балет «Убийство на Десятой авеню», поставленный Баланчиным специально для Митчелла. В обоих спектаклях Митчелл, как всегда, умело сочетал классический стиль с драматизмом танца модерн. (Теперь Митчелл сам ставит танцы для своей труппы.) Шестнадцатилетние подростки Роналд Перри и Розлин Сэмпсон блестяще исполнили перед переполненным залом стремительное па-де-де. Затем под додекафоническую музыку бразильского композитора Марлоса Нобре Лидия Абарка и Уолтер Рэйнс острыми, угловатыми движениями исполнили «Биосферу». За этим последовал танец «Ода Отису», в честь Отиса Реддинга, под музыку негритянского композитора Колриджа-Тэйлора Перкинсона, построенную на мелодиях джаза. Закончилась программа трехактным балетом «Ритметрон» в примитивном афро-карибском стиле на музыку композитора Нобре, исполняемую ударными инструментами.

«Танец «Ритметрон», — говорит Митчелл, — это основной стиль, это тот путь развития, по которому мне бы хотелось направить труппу. Я хотел бы выделить все черты, присущие неграм танцовщикам: чувство ритма, стремительность, кошачью грацию движений и свободу. И хотел бы сочетать их воедино. А если подчинить все это строгой дисциплине балета, можно добиться чего-то чрезвычайно волнующего — классического балета с душой». (Переведено из журнала «Ньюсуик», 31 августа 1970 г. Авт. права: изд-ва «Ньюсуик», 1970 г.)

ТОЛЬКО БИЛЛ ЭВАНС

Пианист Билл Эванс занимает завидное положение в мире современного джаза. Он пользуется всеобщим уважением, и редко кто из его коллег или критиков, каких бы взглядов они ни придерживались, решится отозваться о нем непочтительно. Эванс — это ясность и уверенность. Он связывает прошлое с настоящим. Он умеет установить контакт с самыми различными людьми. Его музыка — затейливая, ищущая, изысканная, исходящая из глубины души — сердечна в своем ласкающем слух звучании.

Худенький, застенчивый и мягкий в обращении человек (он похож на учителя), Эванс, вопреки своей несколько педантичной внешности, на деле мечтатель и романтик. Стоит ему заиграть, и вы сразу чувствуете, к чему лежит его душа. Его музыка — верх заостренной ясности. Это — особо тонкое восприятие жизни, это — антитезис бессмысленных извращений и насилия. Эванс не оглушает слу-

шателя, он приковывает к себе его внимание восхитительным подбором звуков. Он дразнит воображение слушателя туманными намеками, объединяет разум с чувством, передает свои мысли с большим вкусом и неоспоримой логикой. Главная особенность в манере игры Эванса выражается в том, как он старается нащупать и четко передать широкую гамму чувств.

«Отслужив три года в армии, я приехал в Нью-Йорк, — вспоминает Эванс. — Я решил там обосноваться. Это было в 1954 году. Тогда я играл агрессивно, неудержимо. Огромный город представлялся мне таким величественным и грозным, а мое положение — зыбким, и все это, как мне казалось, требовало какой-то агрессивности».

Шесть месяцев, проведенные Эвансом в ансамбле Майлса Дэвиса в 1958 году, стали решающими в его карьере. Окружение, в котором работал ансамбль, давило на него, требовало от него жертв. Его склонность к лирике стала проявляться все более отчетливо. Эванс лицом к лицу столкнулся с естественным вопросом: каково его творческое будущее? К тому времени Дэвис стал отказываться от системы четко определенных аккордов и перешел к ладовым композициям. В его оркестре сложились новые отношения — простые и непосредственные. Пианисту пришлось чрезвычайно быстро принаравливаться к импровизациям музыкантов. Дэвис никогда не устраивал репетиций. Он давал музыкантам указания, но предоставлял им широкую свободу, заставляя их самим определять свою роль в оркестре. Долгоиграющая пластинка «Голубоватое» состоит из мелодий Дэвиса, нот которых музыканты донаигрывали вообще не видали. По этой пластинке ясно видно, как хорошо Эванс справлялся со своей задачей. Дэвис и его система работы помогли Эвансу глубже понять таящиеся в импровизации возможности и в то же время заставили его провести серьезный анализ своего творчества.

Последние 12 лет Эванс продолжает свои искания, отличающиеся широким диапазоном. Он вплотную подходит к грани «нового» и даже переступает через нее. Так, например, из пластинки Джорджа Рассела «Джаз в космическом веке», видно, что и Эванс, и пианист Поль Блей почти не ограничивают себя какими бы то ни было формами.

Музыка, которую Эванс записал на грампластинки после того, как расстался с Дэвисом,

твердо и ясно определяет его позиции.

В двух последних пластинках отчетливо выступают два музыкальных лица Билла Эванса. «Что нового?» исполняет Эванс (рояль), Эдди Гомез (контрабас), Марти Морелл (ударные) и Джереми Стик (флейта).

Во время игры Эванс как бы физически растворяется и сливается в одно целое с роялем: голова склоняется к самым клавишам, распростертое тело почти ложится на инструмент. Это особенно заметно при его интерпретации баллад. Невольно ловишь себя на вопросе: играет ли Эванс на рояле или наоборот? Самое сильное впечатление оставляют его задумчивые нащупывания звуков. «Только Билл Эванс» создает совсем иное представление о пианисте. Игра его и прекрасна, и глубоко интроспективна. Он исполняет пять изумительно гармоничных и очень интересно построенных песен. При первом прослушивании они производят слабое впечатление: им не хватает жизни и разнообразия. Однако при повторных проигрываниях начинаешь чувствовать их особое внутреннее содержание.

Дальнейший творческий путь Билла Эванса предсказать трудно. Вряд ли он удовлетворится созданием новых вариаций уже освоенного. Он продолжает оставаться нетерпимым к некоторым вещам, его исполнение и композиции мало

У РОЯЛЯ БИЛЛ ЭВАНС.

отклоняются от определенного шаблона. Однако Эванс по природе своей — душа ищущая, чувствующая себя наиболее привольно в мире идей. Все, что требует духовного усилия, придает ему силы: будь то книга, новые мысли или еще неисследованная область в музыке. Все это воспринимается им как средство обогащения его музыки или как средство дальнейшего раскрытия собственной личности. Одно не подлежит сомнению: Билл Эванс будет творить присущую только ему музыку, слагать свою собственную, совершенно особенную песню. БЭРТ КОРАЛЛ (Авт. права: изд-ва «Сатердэй ревью», 1970 г.)

«Правда, приятно проснуться под музыку?»

«Мам, у тебя найдется минутка залатать маленькую дырку?»

«Называется шахматами. Это игра для людей, которые не хотят бездельничать».

Деннис-проказник: злоключен- нет коца ням

ХАНК КЕТЧАМ

«Ты был прав, пап. Нужно, чтобы был снег».

«Посмотри, что я нашел около тети, которая лежит на животе!»

«Деннис! Это нарисовал не какой-то большой мальчик, а маленький, который стоял на стуле!»